ISSN 0134-4331

Baúkan

[redacted]

3 1991

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ПИСАТЕЛЕЙ БУРЯТИИ

Байкал

ВЫХОДИТ НА РУССКОМ
И БУРЯТСКОМ ЯЗЫКАХ
РАЗ В ДВА МЕСЯЦА

ИЗДАЕТСЯ С 1947 г.

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА

В. ГАРМАЕВ. Десятый рабджун. Роман. Продолжение. 3
Б. ЗОЛОТАРЕВ. Серебряная уздечка. Из повести. 63
Н. КАРЛОВА. Шиповник. Рассказ. 78

ПОЭЗИЯ

В. МАКАРОВ. Тост. В. САПОВ. Бессмертник. Стихи. 60
А. БАДАЕВ. Есть за околицей дорога... С. НЕСТЕРОВА. О, память, ты словно старушка... З. КОЗЛОВА. Была война. Стихи. 84

ОЧЕРК, ПУБЛИЦИСТИКА

Е. ГОЛУБЕВ. Когда страна прикажет быть героем. 87
И. КУЗНЕЦОВ. Советский генералитет. . . . 92
Т. ГРЕКОВА. Трудный путь к признанию. Из очерков по тибетской медицине. 98

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

В. КРАЙНЕВ. Вера в справедливость. . . . 110
Р. ШЕРХУНАЕВ. Счастливый путешественник. 114

ИСКУССТВО

Ю. ХУДУГУЕВА. Возрождение народного промысла. 118

ИСТОРИЯ, ФАКТЫ

Б. БАЗАРОВ, Ю. ШАГДУРОВ. Агван Доржиев. Последние страницы жизни. 121
Г. ДОРЖИЕВА. Связь народов. 128

ПОЧТА «БАЙКАЛА»

Э. РАДНАЕВ. Бурятский язык в условиях двуязычия. 130
О судьбе репрессированных. 134
А. АЛИНСКИЙ. Правда о Второй ударной. . . 135
Б. САНДАНОВ. С. ГОМБОЖАПОВА. Прошлое обязывает. 138
Ю. ПЕРОНОВ. С. МАЛЬСТРЕПКО. Незваная гостья Байкала. 143

ГАЗЕТНО-
ЖУРНАЛЬНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПЕРИОДИКА»

УЛАН-УДЭ

1991

МАЙ
ИЮНЬ

3

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

По всем вопросам подписки на журнал «Байкал», его доставки следует обращаться в отделения «Союзпечати» по месту жительства или в республиканское агентство по адресу: 670005, Улан-Удэ, ул. Бабушкина, 25.
В случае некачественного исполнения журнала необходимо обращаться в республиканскую типографию по адресу: 670000, Улан-Удэ, ул. Борсоева, 13.

Учредители: газетно-журнальное издательство «Периодика» и трудовой коллектив журнала «Байкал»

Главный редактор **С. С. Цырендоржиев.**

РЕДКОЛЛЕГИЯ: **Б.-М. Б. Балданов, Ц. Р. Галанов, Г. Ц. Дашабылов, Ц.-А. Д. Дугарнимаев, Б. С. Дугаров, Б. Н. Жанчипов, В. В. Корнаков, С. Л. Лобозеров, Н. А. Морозова** (и. о. зам. главного редактора), **Е. Б. Раднаева, А. В. Щитов** (отв. секретарь).

Техн. редактор **З. Албашеева.** Корректор Г. Гуменюк.

Сдано в набор 1.03.91. Подписано к печати 5.06.91. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Печать высокая. Услови. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 14.9. Усл. кр. отт. 13,04. Тираж 21 614. Цена 1 р. 80 коп. Заказ 151.

Адрес редакции: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ленина, 27; тел. 2-28-82, 2-70-66, 2-26-91, 2-23-36.
Рукописи объемом менее печатного листа не возвращаются.

Республиканская типография Министерства печати и массовой информации Бурятской ССР, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Борсоева, 13.

© **«Байкал», 1991 г.**

Владимир ГАРМАЕВ

ДЕСЯТЫЙ РАВДЖУН

РОМАН

Стукнуло кресало о кремень, затлел трут; изгибаясь и свертываясь в кольца, словно змеи в предсмертной судороге, яростно, с треском загорелись полосы бересты; пламя жадно лизнуло сложенный кучей в середине куреня сухой хворост, и костер полыхнул жарко.

Лама расправил складки орхимджо, намотав на кулак четки, колючим взглядом пробежал по передним рядам собравшихся саганутов и торжественно, неожиданно низким и сильным для его тщедушного тела голосом произнес несколько фраз на непонятном языке. Затем он резко повернулся к Мандулу и коротко сказал: «Пора».

— Ну, Тарба, пусть люди несут сюда онгонов. Грешные изображения духов надо сжечь. Мы привезли вам бурханов,— сказал Мандул и, вынув из-за пазухи, высоко поднял над головой небольшую отлитую из бронзы статуэтку Будды.— Отныне будете молиться ему. Почтенный учитель Лодой будет жить у вас до тех пор, пока всех не научит обряду поклонения великому богу. Такова воля нашего хана.

— Дарга Мандул, у нас онгонов сжигают только после смерти хозяина юрты, да и то не всех. Сказанное вами — святотатство. Народ будет недоволен,— тихо сказал Тарба.

— Вы, монголы, до сих пор жили в темноте, поклонялись пустым изображениям,— вспылил Лодой, и его голос загудел над толпой.— Вы не знали простой истины, что душа человека бессмертна. Она после его кончины не носится по кочевьям, не обитает в степи или в горах, не живет в онгонах, а перерождается в другого человека, в лошадь, в корову, в насекомое — любое живое существо. И это перерождение зависит от образа его жизни. Не зная этого, вы до сих пор не различали греховные помыслы и поступки от святой добродетели. Отсюда ваша жестокость, склонность к насилию. Тому времени, когда на вашей земле бесконечно лилась кровь, совершались иные грехи, пришел конец. Я помогу вам стать на истинный путь спасения. Только он, единственный, ведет к избавлению от страданий... Нойон Тарба, соизвольте приказать нести сюда эти тряпки, шкурки и медяшки!

Старейшина хотел было возразить, но по лицу ламы, темному и сморщенному, как долго лежавшая под солнцем и дождями шкура, на котором горели черные искры исступленных глаз, понял его непреклонность и кивнул стоящему недалеко Шиду. Сагануты, нехотя, разошлись.

Продолжение. Смотрите «Байкал» № 2, 1991 г.

Через некоторое время по одному, по двое люди стали возвращаться. В скорбном молчании, кто пряча глаза, кто исподлобья косясь на Мандула и ламу, они приносили и подавали тумэтам оставленных по совету шамана онгоноз. Те тут же кидали их в огонь. Разгоревшееся пламя вмиг пожирало хорошо пропитанные жиром от долгого поклонения деревянные и войлочные, сшитые из материи и шкурок фигурки, нанесенные охрой на кусках бязи рисунки, изготовленные из стальной и медной жести и нашитые на кожаные полоски человечков. Саганутьі, несмотря на заверения шамана, что духи предков покинут оставленные онгоны, с болью и отчаянием взирали на совершаемое и не торопились возвращаться в, казалось им, опустевшие жилища.

Прошло примерно время для установки юрты, и онгоны кончились. Лодой, когда бросили в огонь последнего, выхватив у одного из нукеров Мандула копье, наконечником поворотил угли костра. Заметив это, несколько старух вполголоса произнесли заклинания и несколько раз хлопнули в ладони. Лама подозрительно зыркнул глазами по саганутам и спросил Тарбу:

— Что с ними, нойон?

— По нашим обычаям, нельзя касаться острым предметом огня,— счастья не будет,— ответил старейшина.

— Да..? А я не знал. Но скоро ваше невежество будет рассеяно. Эта цель определена мне самим далай-ламой. Теперь скажи: сколько в вашем роду юрт?

Тарба подумал и ответил:

— В курене триста десять, пятнадцать поставлены на дальних пастбищах, столько же на уртонах...

— Получается триста сорок пять... Мало принесли онгонов. Мало. Почему прячут?

— Принесли всех, если не верите — ищите.

— Ну-ну, поищем,— пригрозил лама и крикнул: — Люди! Если кто забыл онгонов в юртах и не принес — принесите. Иначе, в соответствии с законом «арбан буяны цооз», виновные будут строго наказаны!

Саганутьі, перешептываясь, топтались на месте, и никто не сдвинулся, не пошел к юртам. «Нет онгонов... Всех принесли... И искать нечего»,— раздались возгласы.

Лодой прошептал несколько слов Мандулу и, гневно взмахнув кулаками, поспешно двинулся к ближним юртам. Мандул и его нукеры, шаркая гутулами по траве, зашагали за ним. Молчаливой, но грозной толпой саганутьі — все, от мала до велика,— пошли за ними и сопровождали, пока шли поиски, от юрты к юрте, и те спиной и затылком чувствовали их недобрые взгляды. Мандул, несмотря на уверенность, что их не посмеют тронуть, начал с тревогой озираться на мужчин рода, большинство которых, кроме поясных ножей, имели сабли, и про себя проклинал дотошного Лодоя.

Вскоре тумэты дошли до айла Бараса — потомственного кузнеца саганутов. Пока нукеры шарились в его жилище, Лодой небрежно откинул полог высокой шестистенной юрты из черного войлока, в которой была кузница, и стал там, со звоном и грохотом раскидывая заготовки стремян, топоров и ножей, искать онгонов.

— Нашел! Нашел! — раздался торжествующий крик ламы, когда он под шкурой козла, приготовленной для новых кузнечных мехов, обнаружил то, что так старательно искал. Схватив двумя пальцами за край, Лодой, злорадно сияя испачканным в саже лицом, словно что-то грязное и заразное, вынес полоску почерневшего от старости войлока, на который были нашиты сделанные из железных пластинок девять фигурок людей. Саганутьі, узнав в них почитаемых не только айлом Бараса, но и всем родом онгона Сорьби — знаменитого в прошлом кузнеца, прадеда Бараса, онгона Абарга — хозяина больших клещей, Балта — хозяина молота, Душе — хозяина наковальни и других, с тревогой ахнули.

Медное лицо Мандула сделалось серым, как аргал. Он громким криком подозвал к себе все еще копошившихся в юрте Бараса нукеров. Крайне встревоженный Тарба, с немым укором посмотрев на стоявшего недалеко кузнеца, нерешительно, как-то боком пододвинулся к дарге.

— Кто спрятал?! Кто хозяин этой юрты? — кричал Лодой, потрясая онгонами.

— Нойон Тарба! Где дархан? — спросил Мандул, притворяясь, что не замечает Бараса. Высокий, длиннорукий, сухопарый, с темным лицом, словно в его морщины навечно въелась копоть от древесных углей, Барас, с застывшим выражением окончательно не осознанной вины, окинул отчаявшимся взглядом родичей и, теребя непослушными пальцами концы кушака, которым был туго подпоясан его короткий дыгел, медленно приблизился к тумэтам. Трое его сыновей, такие же высокие и черные, как отец, молча подошли и стали за ним, гневно сжав зубы и захватив сильными, длинными пальцами пояса, на которых висели большие тяжелые ножи.

— Эти онгоны принадлежали еще моим предкам...— тяжело выдавил из себя Барас и, глядя исподлобья прямо в глаза ламы, умолк.

— Как ты осмелился ослушаться воли великого хана? Разве ты не знал, что за это будет? — вскричал Лодой.— Твоя юрта и этот грязный майхан с железом и всем содержимым немедленно будут преданы огню.

Саганутцы глухо заворчали. В толпе началось какое-то движение. Обеспокоенный Тарба заметил, что большинство мужчин, особенно те, кто имел при себе сабли, выдвинулись вперед. Это не скрылось и от бегающих по лицам людей глаз Мандула. Его нукеры тоже встревожились: часть из них выхватила из ножен сабли, часть сжала покрепче древки копий и стала их медленно опускать. Так возмущенная толпа саганутов и ощетинившаяся во все стороны оружием кучка тумэтов некоторое время стояли в грозном молчании. Тарба, встав между Мандулом и ламой, тихо, но твердо сказал:

— Кузницу и жилище дархана трогать нельзя. Если это случится — вы все будете убиты.

Лодой встрепенулся, испуганно попятился и стал за спиной Мандула. А тот еще быстрее забегал глазами по толпе саганутов. «Лодой-багша, эти дикари действительно нас могут убить. Дархана надо оставить в покое»,— быстро прошептал он ламе. Лодой, произнося молитвы, затравленным взглядом зыркнул по выступившим вперед вооруженным мужчинам, тряхнул намотанными на кулак четками и тоже шепотом сказал: «Пусть будет по-вашему, но нужно, чтобы грешник сам сжег этих онгонов».

— Люди рода саганут! Высокий багша, уважая в айле кузнеца почтение к предкам, решил простить непослушание виновного и сам сегодня отмолит перед всемогущим Буддой его прегрешения. Жилище дархана и его мастерская будут сохранены, но за это он сам, своей рукой, должен бросить в огонь онгонов.

Напряжение саганутов несколько спало, но в толпе начались пересуды решения ламы, раздались гневные выкрики... Тарба подозвал Бараса и решительно повелел ему взять онгонов и идти к костру. Кузнец опустил голову и задумался. «Барас! Ты помнишь слова дурисхи? Не время начинать вражду с ханом, не время!» — горячо зашептал Тарба. Барас кивнул, подошел к ламе, без особого почтения и не слишком грубо взял из его рук онгонов и двинулся в сторону догорающего костра. Сыновья пошли за ним, тронулись туда и все остальные родичи.

Так, в сопровождении всех саганутов, Барас приблизился к огню и дрожащими руками бережно опустил в еще пылающие угли семейную святыню. Затем выпрямился, сжав потемневшие от копоти и черных мозолей пальцы в кулаки, прижал их к груди и, глядя в предза-

катное небо, начал шептать заклинания. Сыновья в такой же позе застыли за его спиной, а кругом вторили дархану большинство саганутов, о чем-то тоже прося небожителей.

И дарга Мандул, и все тумэты, делая вид, что ничего не замечают, молча взирали на корчащихся на углях, дымящихся и никак не сгорающих онгонов, с нетерпением ожидая конца затянувшегося сожжения святынь. А у ламы впервые за дни и ночи его праведных трудов вкралось в душу сомнение: так ли уж легко будет ему одному убедить глубоко погрязшее в грехах племя в истинности святого учения и вывести на великий путь спасения...

Вечером Тарба, позвав с собой Хусу и Хубиту, пошел навестить ламу в поставленную ему по велению Мандула юрту. Лодой был один. Он сидел на пышных олбогах в хойморе и при свете трех бронзовых светильников с топленым маслом, стоящих на устроенном недавно алтаре перед рисованными изображениями каких-то бурханов и большой, отлитой из латуни фигурой сидящего Будды, читал вполголоса продолговатые листы какой-то книги. Вошедшие робко поздоровались и стали у порога в ожидании ответного приветствия и приглашения сесть. Все они, следуя обычаю хори, вынули из-за поясов ножи с ножнами и свесили на цепочке вниз. Покосившись на них, лама, не поднимая головы, продолжил чтение до конца листа, затем сложил книгу в стопку, завернул в желтый шелковый платок и только после этого поздоровался и пригласил сесть. В юрту с охапкой дров вошла пожилая женщина, которую Тарба определил в услужение ламе, и по молчаливому знаку хозяина налила всем чай.

— Откушайте, дорогие гости, скромное угощение и скажите, с чем пришли,— предложил Лодой.

Отпив несколько глотков, Тарба заговорил:

— Мы, почтенный учитель, хотели спросить об одном: приближается время новогоднего праздника, да и зима скоро, на днях мы по старинному обычаю рода должны поделить по айлам скот, чтобы люди могли часть его зарезать, приготовить на праздник запасы мяса — ведь оно является нашей главной пищей. Так как же быть с запретом хана убивать скот?

Лодой задумался, перебирая узкими сухими пальцами четки, обвел всех троих пытливым взглядом и сказал:

— Никто не запрещает вам есть мясо, и никто не говорит, чтобы вы ели скот живьем. Повеление хана надо понимать так: запрещается без нужды проливать кровь живых существ, совершать ею жертвоприношения, радоваться и получать удовольствие от этого убийства. Пока ваша жизнь несовершенна, пока не можете обходиться без убиения скота и не имеете вдоволь другой еды, кроме мяса, придется с этим грехом временно мириться. Но вы должны понять, чем отличается убийство, как самый большой и неискупаемый грех, от убийства менее греховного, которое можно отмолить чтением священных тарни, покрыть добрыми делами.

Если вы убиваете живое существо, ведая, что оно живое, желая именно убить, а не преследуя иные цели, притом с природной злостью, из-за ненависти или гнева, своей или чужой рукой и добиваясь в результате этого деяния именно его смерти, как страстно преследуемой цели,— это и есть убийство, грех, который трудно перевесить всеми вашими добродетелями.

Лама умолк. Настала пора задуматься старикам, которые не смогли сразу уловить смысл сказанного. Хубита, отставив в сторону пиалу, непонимающе и удивленно посмотрел на Тарбу и Хусу, потом спросил:

— Почтенный Лодой, если я завтра убью, выбрав из выделенной мне доли самого толстого и жирного быка, это не будет нарушением запрета?

— А зачем вы будете его убивать? — вопросом на вопрос ответил лама.

— Как зачем?.. Мне нужно его мясо.

— Вот видите? — Лодой всем юрким телом повернулся к Хубите.— Вы хотите его мяса, именно мяса, а не его смерти.

Хубита зацокал языком и покачал головой.

— Уважаемый лама,— спросил Хуса,— вы говорили, что монголы жили до сих пор в грехе: убивали скот и проливали другую кровь. Но мы ведь никогда не резали скот, желая именно его смерти, а всегда убивали из-за мяса. Значит ли это, что наш грех не так уж и велик?

— У вас достаточно и других грехов. Вы, монголы, до сих пор только и делали, что воевали. Крови пролито вами море... море чужой и своей крови,— резко ответил Лодой, и лицо его сразу стало строгим и холодным.

В юрте наступило неловкое молчание. Старуха собрала пиалы и вышла. Тарба задумчиво потеребил усы и тоном, завершающим разговор, сказал:

— Если, почтенный учитель, вы устроены хорошо и всем довольны, мы пойдем, не будем мешать вашим делам.

— Разговаривая с вами, я и делаю свое дело. Прошу вас, нойон, и ваших стариков выслушать небольшое поучение, думаю, польза от этого будет непременная,— сказал Лодой.

Тарба, переглянувшись со стариками, подложил в очаг несколько сучьев, удобнее устроился на кошме и согласно кивнул головой.

Лама, кашлянув, сплюнул в сторону, отпил глоток чая и начал:

— Цзонхава, в соответствии со степенью духовного развития людей, делил их на три разряда.

Низший разряд — это те, которые полностью захвачены круговоротом жизни и заботятся лишь о собственном благополучии. Средний — те, которые хоть и отвернулись от мирской суеты и отказались от греховных дел, но заботятся лишь о своем спокойствии. Высший — постигшие причину собственных страданий и желающие больше всего помочь освободиться от страданий другим.

Поэтому он и проповедь идей священной веры делил на три ступени. Низших учил правилам почитания друга добродетели — ламы, разъяснял свободные совпадения, рассказывал о невечности и смертности, деяниях и его последствиях. Средним раскрывал сущность четырех известных причин, а высшим — истину о парамитах, средствах спасения и включения в число бодисатв.

Но вы из-за своего глубокого невежества не можете относиться даже к низшему разряду, поэтому я поведаю вам о самых простых, изначальных истинах великого учения.

Лодой попросил Хусу подать ему свернутую в трубку ткань, которая лежала на стопке завернутых в разного цвета шелковые полотнища книг, сложенных в изголовье его постели. Когда лама привычным движением развернул эту ткань, старики увидели на ней большой, ярко раскрашенный рисунок. Огромное синее чудовище с хищно раздутыми ноздрями, выпученными злыми глазами, сильными руками и ногами крепко, мертвой хваткой держало, обхватив всеми конечностями и острыми белыми клыками, круг. Внутри круга были изображены множество фигурок людей, животных и различных чудищ, невиданных досель и неслыханных.

Тарба внимательно пригляделся и заметил, что голова чудовища увенчана пятью белыми черепами, а на спину накинута шкура тигра. В левом верхнем углу картины на белых облаках восседал какой-то мужчина, в правом стоял тоже на облаках средних лет человек и показывал рукой то ли на солнце, нарисованное над головой чудовища, то ли на сидящего в левом углу человека.

— Смотрите: перед вами изображение круговорота бытия, весь чувственный мир,— Лодой встряхнул картину.— Прежде всего надо уяснить, что жизнь человека состоит из сплошной цепи страданий. В муках он рождается и возвещает этот мир о своем появлении первы-

ми слезами страданий. Всю жизнь он проводит под постоянным страхом смерти, которая неизбежна и подстерегает его всюду — это страдание. Всю жизнь он подвержен влиянию трех ядов. Смотрите: это змея, означающая злобу; петух — означающий сладострастие и иное домогание удовольствий в жизни; это свинья — его невежество, тупость, заблуждения и неприятие им высших законов...

Старики в центре круга, куда ткнул пальцем лама, увидели, что там, вцепившись друг другу за хвост, как бы несутся в бешеном вращении эти три существа.

— Эти три яда постоянно возбуждают в человеке желания, стремясь удовлетворить которые, он сам себе находит муки — это страдание.

Страданием является и его смерть. Так, родившись в муках, прожив отведенное ему время в постоянных желаниях улучшить свою участь в этом бренном мире, будь то хан или раб, одинаково и безмерно страдая от гордыни или тяжелого труда, человек умирает. Но со смертью его страдания не заканчиваются. Душа человека бессмертна, и она, в зависимости от доли его грехов и добродетелей в этой жизни, получает следующее перерождение, которое может быть благоприятным, блаженным или дурным и несчастным.

— Все грешники, а ими нынче являются все монголы,— повысил голос Лодой и хлопнул ладонью в нижнюю часть картины,— перерождаются для великих мучений в таме — аду, или в мире животных, или в мире претов и биритов. Смотрите: вот сидит хозяин ада Эрлик-хан, перед ним предстают ваши души. Он на весах взвешивает грехи и добродетели, определяет, в каком аду и сколько времени мучить переродившихся в том мире. У него имеется и волшебное зеркало — толи, в котором ясно отражаются все черные и белые деяния людей в прежней, земной жизни. Не меньшие муки ожидают и тех, кто переродился в мире биритов и претов: страдания от голода — вот их удел. А муки мира животных вам, конечно, понятны.

Удостоенные благоприятного перерождения, допустим, в стране тэнгриев и ассуриев, тоже не лишены забот и волнений. Страдания — тоже их удел. Постоянная вражда и войны сопровождают время пребывания в том мире, даже увлеченные блаженством небесной жизни не выходят из круга чувственного бытия — они слепы к благодеяниям, хотя благодаря именно им допущены в эти святые обители.

Поэтому самым благоприятным является перерождение в мире людей. Несмотря на то, что человек, как существо из любого пяти миров перерождения, подвержен страданиям, он может своим умом постичь великую истину о спасении и путем добродетелей, смиренной жизни добиться просветления и вырваться из круга перерождений, из круга сансары. Само рождение человеком — величайшая удача, ибо после смерти в дурной участи случаи рождения в ней же равны числу пылинок в великой степи, а случаи рождения в счастливой участи равны числу пылинок, взятых с кончика ногтя. Вы, ныне живущие монголы, стоите на распутье. Если будете упорствовать в своем неверии, совершать неисчислимые грехи, поклоняться придуманным шаманами глупым изображениям онгонов — обречете себя на перерождение в аду или мире биритов; если внемлите истинам великого учения и посредством лам — друзей добродетели станете на путь спасения, будете совершать только благодеяния, то сможете вырваться из круга страданий, в худшем случае, обретете вновь благоприятное перерождение и будете продолжать идти по пути, указанному Буддой.

Лодой умолк. Сверкающими от возбуждения глазами сбведя стариков, отпил глоток остывшего чая.

Что Тарба, что Хуса и Хубита, хоть и с трудом, но поняли суть сказанного ламой. Поняли, но не спешили высказаться — надо было все обдумать, поразмыслить. У каждого из них возникло немало вопросов, ибо сказанное Лодоем не укладывалось в привычную с детства

картину мира: не было там места хозяевам и духам гор, рек и других обжитых родом мест, было неясно и многое другое.

Словно отвечая на сомнения стариков, Лодой заговорил вновь: для постижения истинной веры необходимо время и много бесед с ним, с ламой, и все это впереди.

Довольный тем, что удачно разрешился вопрос о забое скота, старейшина простился с Лодоем и вышел из юрты. Хуса с Хубитой поспешили за ним.

— От Болзора что-нибудь слышно или нет? — спросил Хусу Тарба, когда отошли от юрты ламы.

— Нет,— ответил тот.

— До сагалгана осталось совсем немного. Как же нам быть без шамана, как встретить новый год? — озабоченно проговорил Хубита.

— Болзор обещал появиться после отъезда ламы и тумэтов. Мандул с нукерами скоро уедет, но лама, видимо, не торопится, что делать — не знаю,— ответил старейшина.

Думая каждый о своем, старики разошлись по юртам.

13

Завершала свой круговорот вторая осенняя луна, и вместе с ней отсчитывал последние дни и ночи год земли-барса. Хоть и не было в течение его дзута — страшной беды кочевников, не валил людей и животных мор, не было войны, этот год останется в памяти народа одиннадцати отцов, как год попрания древней веры предков, надругательства над всеми святынями, как черный год небывалой смуты.

Несмотря на эти беды, хори, как и прежде, готовились встретить новый год — год земли-зайца — самым достойным образом, ожидая облегчения своей участи. Старики утверждали, что он должен быть благоприятным на погоду, урожайным на травы и плодовитым для всех пяти видов домашних животных.

Последняя осенняя луна — первая луна нового года, издавна названная белой из-за обилия молочной пищи, которую все заготавливали впрок, и радостных событий, ожидалась всеми с большим нетерпением. Проводимые в первый день жертвоприношения тэнгриям, духам предков и хозяевам окрестностей сопровождались борьбой, состязаниями в стрельбе, скачками и превращались в шумные и веселые праздники. В каждом роду, айле и даже юрте бывало множество гостей. В первый день нового года снимался запрет на улигеры и древние героические песни, сказания звучали под звуки морин-хура до утра, а иногда по несколько дней и ночей. Если позволяли обстоятельства, главным образом — отсутствие войны, юноши младших родов шумными и веселыми ватагами ездили в гости к старшим родичам — присмотреться к их девушкам, молодежь старших родов с той же целью наведывалась в курени младших родов. И горели до глубокой ночи в стойбищах праздничные костры, у которых пели и играли не только молодые люди, но и кто постарше, а в юртах при свете очагов вечерами устраивались гадания, состязания «хэер шаалган», разные игры в кости и шахматы.

Но самым любимым занятием не только мужчин, но и женщин являлась аба-хайдак — общинная охота. Если по какой-то причине старейшины оставляли часть людей в куренях или с табунами и стадами, это было для них великим огорчением.

Тарба собрал стариков, вызвал табунщика Бурхи и родичей, которые возглавляли пастухов. Они подсчитали, сколько лошадей и скота необходимо забить на праздник, сколько оставить для пропитания до лета. Результаты были мало утешительными: албан хана и женитьба сына хунтайджи сильно проредили табуны и стада. Заготовленного мя-

са только-только могло хватить роду до весны, а если случится дзут или иная напасть, саганути могли понести не скоро поправимые беды. Некоторая надежда была на предстоящую охоту, тем более Бурхи уверял собравшихся, что зверья по предгорьям нынче множество.

...За два дня до нового года глухой темной ночью, какая обычно бывает перед новолунием, в курень возвратились Болзор и Баясхалан. Едва только они вошли в юрту Амгалана, как теперь часто мучившаяся бессонницей Эрэкшэн, услышав шорох и всхрап лошадей, поднялась с постели и выглянула наружу. Зябко ежась под накинутым дыгэлом, она приложила ладонь к уху и стала вслушиваться. Вскоре сквозь звон морозного воздуха до слуха старухи от коновязи Амгалана донесся стук стремян опускаемого на землю седла, и над юртой старшего сына она заметила взметнувшийся к небу сноп искр. Обрадованная Эрэкшэн, путаясь ногами в полах дыгэла, засеменила туда.

Приехавшие уже разделись и сидели в хойморе, а жена Амгалана возилась у очага, в котором весело потрескивали сучья.

— Счастья и благополучия вам, сыны! Хорошо ли доехали? — поздоровалась Эрэкшэн, внимательно разглядывая в пляшущих отблесках огня Баясхалана и Болзора. «Внук вроде бы не изменился, Болзор оброс густой бородой, немного осунулся, и у обоих заметно износилась одежда»,— отметила она про себя.

— Здоровья и покоя вам, бабушка! Доехали мы хорошо,— ответил Болзор и спросил: — Что нового слышно в нашем курене?

Эрэкшэн, подогнув под себя правую ногу, села у очага на женской половине и, расправляя складки дыгэла, сказала:

— Силой вечного неба мы все здоровы. Снега пока нет, скот жиреет, готовимся к сагалгану...

Эрэкшэн умолкла, затем нерешительно спросила:

— Надолго ли, Болзор, прервал свой путь?

— Мне бы хотелось пожить в курене до начала аба-хайдак, если не случится чего-либо непредвиденного.

— Хорошо, значит, о моем деле мы поговорим днем,— удовлетворенно сказала Эрэкшэн.

Болзор пытливо поглядел на старуху, но ничего не сказал. В это время хозяйка поставила между мужчинами низенький столик, выставила на него деревянную тарелку с айрулом, туесок со сливками и налила чай. Эрэкшэн сняла с тулги парящий казан и вместе с невесткой, от радости ставшей пунцовой, принялась вынимать из него куски мяса, кровяную колбасу и прочие лакомства. Все это они сложили в небольшое корытце и тоже поставили на столик. Снаружи послышался говор. В юрту вошли Амгалан, расседлывавший лошадей, и Хуса.

После того, как мужчины наелись, Баясхалан отправился спать в юрту деда, убрав посуду, ушли и женщины. Хуса неторопливо рассказал Болзору последние новости рода. Шамана прежде всего интересовало, как прошло сожжение онгонов.

— А чем занят в эти дни лама? — спросил Болзор, когда старик умолк.

Амгалан усмехнулся, расправил пушистые усы и сказал:

— Лама — наши прозвали его «хара тангут»,— как уехали тумэты, стал тише дыма и смирней ягненка. Днем часто ходит по куреню, иногда заходит в юрты, иногда приглашает людей к себе и все время что-то рассказывает. Вечерами зажигает светильники перед своим страшным шестируким бурханом и читает книги. На днях мы с Хурцахаем заходили к нему, и он стал утверждать, что тэнгриев мы называем неправильными именами. Говорил, что они когда-то были обычными людьми и жили на земле. Потом якобы они стали монахами и праведной жизнью заслужили высокое перерождение в небесной стране суховати, пребывают там в счастье и благополучии без никаких забот. Мы с Хурцахаем посмеялись и ушли.

— Ха! А нам с Тарбой говорил, что тэнгрии в той стране часто

воюют меж собой,— не то возмутился, не то удивился Хуса и покачал головой.

— Мне показалось, что лама человек почтительный, хоть иногда и уросит, как молодой конь,— сказал Амгалан.

— А что он еще говорит?— допытывался Болзор.

— Неделю назад умер старший Шэрхи,— стал рассказывать Хуса,— мы были в большом затруднении, как хоронить — тебя-то не было,— хотели, чтобы хэрэг сделал кузнец Барас, но он, как назло, уехал в лес обжигать уголь. Так вот, в айл Шэрхи пришел лама, расспросил, как хоронят по нашим обычаям. Потом сказал, что все сделает как надо и что этот обряд похож на буддистский. Шел уже третий день, душа покойного могла обидеться и натворить много бед: пришлось соглашаться. А ведь лама сделал, как сказал: ни во что не вмешивался, не указывал и просто читал свою книгу. Потом сказал, что покойный был очень добрым человеком, смиренного поведения, ни на одной войне не бывал, поэтому его добрые дела должны перевесить злые, и что он через сорок девять дней вновь родится мальчиком в нашем же роду. Для того, чтобы мы могли его узнать и убедиться в правоте ламы, он чем-то черным поставил покойнику под левую лопатку пятно. Чудно все это. Но дети и внуки Шэрхи остались довольны, подарили ламе пояс умершего с серебряным ножом. Тот, конечно, принял и обещал во избежание вредных последствий этой смерти до наступления сорок девятого дня неустанно молиться за благополучный исход.

Болзор внимательно выслушал старика, потом вдруг резко выпрямился, как-то странно посмотрел на Хусу с Амгаланом, побледнел, сказал с обидой:

— Какие вы все слепцы! Неужели не замечаете, что лама тихой змеей вползает в души людей, как червь точит живое дерево, так и он — основы нашей веры. Это надо же так сказать: тэнгрии были людьми, да еще ламами в желтой шапке! Нет, так он опутает в курене всех. Чтобы не было несчастий, придется кое-что выправлять, а этого вашего тангута из стойбища изгнать.

— А как же Мандул? И хунтайджи этого не простит,— встревожился Хуса.

— Я не имею ввиду взять и выгнать, как шелудивого пса. Духи предков подскажут, как с ним поступить, чтобы и памяти о нем в роду не осталось.

Хуса и Амгалан спорить с шаманом не стали. Вскоре все легли спать.

Назавтра Болзор отправился к Тарбе. Поговорив некоторое время вдвоем, они послали Шиду за стариками. На совместном совете все решили, что саганутый отпразднуют сагалган в строгом соответствии с обычаями. Тарбу, который очень боялся навлечь на родичей гнев хунтайджи, Болзор убедил согласиться, сказав, что так поступят и остальные роды. «Нам вместе не страшен тогда и ханский запрет»,— сказал в завершение разговора довольный глава рода.

Вскоре радостная весть облетела весь курень. В юрту Амгалана, где решил пожить некоторое время Болзор, пришел старший сын умершего недавно Шэрхи Шабхару и попросил шамана сделать хэрэг для недопущения в их айл несчастий и страданий.

— Почему ты не попросишь об этом ламу, или «хара тангута», как вы его прозвали, а пришел ко мне? — сердито спросил Болзор.

— Дурисха, все знают, что ни тебя, ни Бараса, ни исунгутов в курене не было. Мы решились согласиться на присутствие ламы только на третий день. Иного выхода ведь не было...

— Чем пригреть в юрте эту черную змею, лучше было б хоронить отца без всякого обряда. Или ты думал, что я сгинул навсегда или умер?!

— Мой отец не собака, чтоб хоронить его просто так, и решал я не один. Чтобы не гневить душу старика, мы и пошли на это.

— А ты уверен, что лама смог умилостивить тэнгриев? Вдруг он сговорился с альбинами и сожрал с ними душу твоего отца и твою душу?

— Отца мы хоронили согласно обычаям народа, лама не вмешивался... даже предсказал, что он вновь родится среди нас, родится мальчиком...

— А чего ты теперь боишься, и зачем тебе хэрэг, если все обошлось так гладко, как говоришь?

— Если б в курене были хотя бы исунгуты...

— Хватит! — резко оборвал сына Шэрхи Болзор.— Из-за того, что ты испоганил обряд захоронения отца присутствием ламы, в «горной обители» лежит только его холодный труп, а душа, возмущенная неслыханным осквернением обычая и памяти о ней, вот уже десять дней и ночей бродит вокруг куреня голодной и неприкаянной. И ничем нельзя помочь ей...

— Сделай хэрэг, дурисха, очень прошу, памятью о твоем отце заклинаю,— с мольбой в голосе опять попросил Шабхару.

— Ты моего отца не трогай,— рассердился Болзор.— Его похороны не осквернены присутствием ламы, и дух его покоен. А вот душа твоего отца скоро рассвирепеет и начнет вредить твоему айлу, малых детей и тех не пожалеет!

Шабхару побледнел, ноги его ослабли, тело покрылось испариной.

— Высокий дурисха! Пожалей детей, сделай хэрэг, ведь мы с тобой одной крови...— Шабхару дрожащими руками схватился за бахану и со слезами на глазах стал медленно опускаться на колени.

— Я же сказал, что тебе никто не сможет помочь,— еще более ожесточился Болзор.— Тангутский пес наложил на твой айл величайшую скверну, и пока он ее не уберет, ни я, ни другой шаман тебе хэрэг делать не станет. Не станет, хотя и можно все исправить. За свой необдуманный поступок, за поклонение ламе ты понесешь жестокую кару. Вот тебе мой окончательный ответ!

Руки Шабхару оторвались от баханы и, безвольно повиснув вдоль его согнувшегося в поклоне тела, с сухим стуком кистей коснулись земли. Словно опомнившись от этого стука, Шабхару поднял голову и полным упрека голосом произнес:

— Ногто! Ты поступаешь не как родич и не как шаман. Я твоего отца упомянул потому, что он был великий шаман, настоящий дурисха, а это значит — великий и добрый человек. А ты не такой...

— Ты, сын несчастнейшего из саганутов Шэрхи, изменник обычаев рода, негодник Шабхару, мой ответ слышал и уходи!

Шабхару встал, согнув голову и сжав кулаки перед грудью, набычился, сделал шаг к шаману и с ненавистью выдавил из перекошенного в ярости рта:

— Ты тоже смертен! Ты тоже будешь в «горной обители!» Будешь раньше меня, запомни!

Пока не ожидавший от него такой смелости и таких слов Болзор собирался с мыслями, Шабхару, шагнув из юрты, в бешенстве бросил на место входной полог и словно слепой, то и дело спотыкаясь, побрел в свой айл.

После ухода сына Шэрхи Болзор долго сидел в задумчивости, потом занес переметную суму и стал готовить весь свой амитай[1].

В самый канун нового года Хуса и Амгалан встали пораньше и принялись сооружать перед юртой старика из двух коротких брезен и тонких жердин жертвенный престол. Эрэкшэн, добившаяся согласия Бол-

[1] Амитай — шаманское облачение.

зора на обряд призывания счастья — далалгу, вместе с невестками готовили для этого еду и архи. Соло и Бэлгэ отобрали из доли айла жирную овцу, зарезали и разделали ее мясо по суставам.

После полудня все приготовления были завершены. Жертвенник покрыли белым войлоком, поставили на нем в тарелках и туесах айрул, урму, сливки, один хунэг с тарагом, хунэг щедро забеленного молоком чая и несколько тэбши с вареным мясом. Хуса с помощью Алдара в хорошо вымытый и выскобленный до желтизны хунэг постелил кусок красного шелка, положил масло, айрул, затем покрыл их белой шерстью и пучком козыля, на который положил слепленную из жира грудинки человеческую фигурку, потом сверху по порядку сложил части сваренной баранины: правое переднее бедро, заднюю и переднюю берцовые кости, мозговые кости, четыре длинных ребра и пару ложных, курдюк и прямую кишку. Хунэг сверху покрыли чистой шкурой белого ягненка, на которую положили грудинку. Уялга и Мункэ взяли из отцовского очага пылающие головни и положили их перед входом главной юрты айла под тулгу[1], к трем ножкам которой на тонких и сырых прутьях повесили немного вареной баранины с жиром и шерстью. Вокруг из тонких сухих веточек построили треугольный дворик с узенькой дверцей в сторону юрты.

Вскоре у жилища Хусы собрались от мала до велика люди его айла и много других родичей. В полном облачении, гордо приподняв голову в рогатой майхабчи, весь преисполненный достоинства и величия, со звоном подвешенных к элигебши холбого и колокольчиков, потрясая двумя сорби, в сопровождении Бараса, который нес его хэсэ, прибыл дурисха Ногто. Никто не посмел бы назвать его сейчас Болзором, сыном Хусы, да и сам он не хотел этого — сегодня он был в качестве шамана, а не простолюдина. К тому же амитай и торжественность момента его очень преобразили.

Когда шаман взял в обе руки приготовленный для далалгу хунэг, все присутствующие, расстегнув дыгэлы, откинули полы, надели малгаи и, взяв с престола расставленную там посуду с едой и архи, а кто просто положив или налив оттуда в принесенные с собой пиалы понемногу того или другого, широко расселись вокруг престола и шамана. А Ногто, размахивая хунэгом, все больше и больше распаляясь под рокот хэсэ, начал обращение к тэнгриям и духам. Сидящие пристально следили за всеми движениями шамана, в такт его призываниям и заклинаниям махали тем, что было в руках, из стороны в сторону и старались не пропустить ни одного слова.

И вот далеко за пределы айла Хусы почти на весь курень зазвучал громкий голос дурисхи:

Высокие вечные тэнгри-гарбалы,
Держащие двери земли:
Сын тэнгри Цахира Сотхон,
С глазом одним на макушке,
В челюсти с зубом одним
И ногу имеющий только одну;
Сын Хуандая Цолбон Хуа тэнгри —
Красных холмов властелин,
И ты, Ухарьма нойон тэнгри —
Все стражи у западных входов тройных,
И тэнгри нойон Хухукцуй,
Синих холмов властелин —
Единственной двери восточной охранник!
Прошу вас:
Придите,
Прибудьте,
Явитесь!

[1] Тулгу — подставка под котел, треножник.

Живущий на белой и снежной горе
Ты, старец наш белый и вечный,
С серебряной белой главою
И белого льва зануздавший,
Защита и оберег наш от поветрий,
От красной и черной заразы сыпной
И разных горячек,
сырых и туманных!
Прошу тебя тоже примчаться,
прийти.
Вы, тридцать нойонов родной стороны:
Хозяин Ольхона нойон Гохото,
Истоков Байкала хранитель и страж
Нойон наш Буха, властелин Мундарги;
Хозяин Иркута — нойон Зоргачи;
Житель великой горы Барагхан,
Хозяин реки Баргузин —
Славный Хажир наш Саган.
И вы, остальные хозяева скал
И печеночно-черных утесов,
Таежных лесов и долин благодатных,
Синих озер и стремительных рек,
На зов мой сыновний придите,
Хоть тенью прозрачной явитесь!
И сорок четыре нойона
Полуденной части земли,
Вы тоже послушайте зов мой,
С просьбой такой посчитайтесь!
К вам, вечным и сильным,
с великим почтеньем
Взывает шаман Саганутского рода,
Потомков мэргэна Хори дурисха:
Прибудьте, на зов мой явитесь,
Взгляните на щедрый престол,
Отведайте пищи первинки,
Крепчайшей испейте арзы —
Все это айла Хусы угощенье!
Прошу вас: даруйте им счастье,
даруйте им радость,
даруйте покой!..

Перечислив просьбы о милостях, Ногто во всю мощь голоса крикнул: «Айхан хуруй хуруй!» Удары хэсэ становятся стремительно-быстрыми, словно не Бараса извлекает их из натянутой кожи, а мощный камнепад рушится по круче. Шаман, крикнув еще раз: «Айхан хуруй хуруй!», под единый рев участников далалги, подхвативших этот возглас, выхватил из-под элигебши длинный тонкий нож и, с размаху проткнув свое туловище, быстро-быстро закружился на месте по ходу солнца. Рокот стал тише, умолкли крики...

Ногто, вынув нож, бросил его под ноги, затем, приставляя, начиная с Хусы, к груди каждого домочадца айла хунэг с далалгой, пошел по кругу, приговаривая: «Это есть нерушимая благодать нойонов уг гарбала, нескончаемое счастье и удача — великая далалга, от которой становятся богатыми и многодетными!» Затем он отдал далалгу Хусе и устало перевел дух. Все встали, каждый, что держал, поставил на кошму престола, застегнули дыгэлы. Ногто поджег с трех сторон выстроенный вокруг тулги с костром дворик, положил под тулгу поднесенные Амгаланом кости и баранью грудинку. Затем налил в большой черпак до края топленое масло, архи, чай, взяв из рук Бараса две украшенные полосками бязи палки, приставил их к середине костра и

стал, понемногу отливая туда из черпака, призывать хозяйку огня и произносить заклинания. Костер сначала сердито зашипел, потом раздался треск, и вдруг полыхнуло яркое пламя, брызнув в надвигающихся сумерках красными бликами по взволнованным лицам, по накладкам поясов мужчин и украшениям женщин...

Шаман закончил обряд, и Хуса пригласил всех на ритуальный пир. Подходя к жертвеннику, Ногто почувствовал спиной, затылком и, казалось, всем усталым телом чей-то тяжелый взгляд. Он остановился, как будто бы вытирая рукавом со лба пот, осторожно оглянулся: в тени юрты стоял сухощавый невысокий человек в желтом малгае и пристально смотрел на него. Словно огнем опалил Ногто этот взгляд — такая в нем была злоба. Он убрал руку, презрительно усмехнулся.

14

Первое утро Белого месяца выдалось тихим, ясным и морозным. Как только солнечные лучи сверкнули из-за заречных сопок, покрытые мохнатым инеем ветви деревьев и кустарника, кошма юрт заблестела чистым серебром. Также светло над куренем взметнулись дымки, возвещая о наступлении праздника...

От коновязи старейшины отъехали тридцать вооруженных, одетых в куяки и шлемы всадников. Их возглавляли Моху и Шиду. По установленному с незапамятных времен обычаю саганутьі, как и весь народ одиннадцати отцов, на период сагалгана, других праздников удваивали охрану скота и стойбища: стазили караулы не только на ночь, но и днем...

Вскоре нарядная толпа выехала во главе с Тарбой и Ногто на обо. Жертвоприношения на этот раз не сопровождались скачками, состязаниями борцов и мэргэнов — все это было впереди, к тому же многие мужчины и большинство женщин были заняты приготовлениями к празднованию.

Около полудня в юрте Хусы стало людно и шумно. Пришли дети и внуки. Начиная с Амгалана, они преподносили ему и Эрэкшэн новогодние дары, и старики, в свою очередь, как могли, отдаривались, каждому наливали полную пиалу: взрослым — архи, детям — кумыс.

После поклонения домочадцев Хуса стал собираться в гости. Главы айлов, по обычаю, в первый день сагалгана обязаны были навестить нойона рода, что-то ему подарить, отведать его угощение... Как бы близко не находилась юрта нойона, полагалось ехать верхом, притом на лучшем коне с нарядной сбруей и в сопровождении старшего сына. Поэтому Хуса и Амгалан, оседлав коней прямо у юрт, под тонкий перезвон украшений хударги, хумулдэрги и уздечек, не спеша двинулись по внутреннему кругу куреня по ходу солнца. К ним стали присоединяться другие всадники, и к коновязи старейшины подъехала уже внушительная толпа. В хойморе большой юрты Тарбы гости расселись по старшинству. Старейший из них — улигершин Босо, пожертвовав капли архи духу огня, онгонам хозяина и духам окрестностей, поднял пиалу для благопожеланий.

После недолгого пира старики разъехались по айлам. Лишь после этого в курене начались взаимные хождения в гости, веселье.

На третий день сагалгана Тарба, Ногто, Хуса и Бурхи поехали в курень галзутов, чтобы выразить почтение нойону племени и обговорить порядок приближавшейся общинной охоты. Их сопровождали около сорока молодых родичей. Многие из них имели в старшем роду близких родственников по материнской линии и напросились к ним погостить, а многие парни хотели там попраздновать, показать резвость своих коней, поспорить в силе, ловкости и меткости с тамошней молодежью, посмотреть на девушек. Трое: сын Бурхи — Эльбэк, сын Хубиты — Соло и сын Бараса — Сабиндай имели в курене галзутов засватанных отцами еще в детстве невест, поэтому они, отчаянно отбиваясь

от крепких шуток друзей, с нетерпением и любопытством ждали встречи с ними.

К галзутам можно было проехать, двигаясь вниз прямо по долине Болдог-горхона. Этот путь пролегал по обжитым местам и был давно известен. Но, если ехать так, путникам непременно пришлось бы наведаться в находившийся по пути курень соседей — бодонгутов. Тарба знал, что те не скоро отпустят так удачно заехавших на праздник саганутов — придется им дня два или три испытывать радушие и всю тяжесть гостеприимства хозяев. А к Саримаю, между тем, нужно было попасть раньше... Поэтому старейшина решил ехать к галзутам напрямую через предгорья — и путь короче, и времени уйдет поменьше.

Проехав схваченную в забереги речку, Тарба повел родичей влево через пастбища к синеющим вдали сопкам. В середине дня миновали границу отведенных роду земель и, не встретив ни одной души, углубились в густой сосновый лес.

В сумерках они остановились в широкой, сухой, поросшей высокой травой ложбине. Не поднимая лишнего шума, сняли с лошадей переметные сумы и седла, стреножив, отпустили пастись. По склонам ложбины под густыми кронами деревьев разожгли костры, наскоро поели айрул, холодное мясо и запили кумысом. Бурхи расставил охранников, распорядился об их смене.

Под утро, когда притих всю ночь шумевший в вершинах деревьев ветер и стало заметно подмораживать, Баясхалана, крепко спавшего у огня деда, осторожно тронул за плечо Ногто. Знаком приказав не шуметь, он повел его за собой в темноту. Следом бесшумно, словно тень, двигался кто-то еще.

Дойдя до толстой сосны, шаман остановился. Здесь их ждал один из исунгутов шамана сорокалетний бобыль Туесук. Тут же подошел и шедший сзади, им оказался Бурхи.

— Баясхалан, ты сможешь отсюда найти курень галзутов? — со скрытой тревогой спросил Ногто.

— Да, дурисха.

— Надо быстро найти курень. Сможешь? — еще раз спросил шаман.

— Отсюда через лес прямо от солнца. Не заблужусь,— заверил Баясхалан.

Ногто, посмотрев на звездное небо и на сереющий восток, повернулся к Бурхи:

— Дай им двух лучших коней.

— Только нойону ты скажи сам...

— Хорошо. Поспеши.

Бурхи молча бесшумно ушел. Баясхалан, поддерживая пошатнувшегося Туесука, пошел за ним — только теперь он заметил, что голова его перевязана тряпкой.

— Ты откуда, как нашел нас? — полюбопытствовал юноша.

— Путь мой был длинным, долго рассказывать,— уклонился Туесук от ответа...

Когда Бурхи подвел к ним коней, Баясхалан, узнав черного жеребца главы табунщиков и солового коня Ногто, удивленно вскинул голову.

— Бери! Дурисха пустых слов не говорит. Седлайте и в путь! — Табунщик сердито сунул поводья в его руки.— Кони напоены, сразу сильно не гоните.

Выезжая из ложбины, Баясхалан оглянулся и заметил, что огонь возле юрты Тарбы встрепенулся, загорел ярче, на свету пламени мелькнули две сидящие фигуры. «Что же могло случиться? Ногто не станет беспокоить нойона из-за пустяков»,— подумал он и пустил жеребца рысью.

Как бы путники не торопились, подъехали к галзутам только в середине дня. Коротко пояснив, кто они такие, воинам стражи куреня,

подозрительно рассматривающих осунувшегося, в изодранной одежде и с перевязанной головой Туесука, поскакали дальше. У юрты Тэхэ — помощника шамана Уялги, Туесук простился со своим спутником.

«Повеление дурисхи исполнено, теперь можно поехать к нагасе»,— решил Баясхалан.

Галзуты праздновали. В середине, недалеко от юрт Саримая, горело около десятка больших костров, вокруг которых пели и плясали нарядные люди, порывы ветра далеко окрест разносили обрывки озорных напевов. У жилищ ездили верхом и ходили веселые хозяева и их гости, бегали дети.

Недалеко от айла нагасы Баясхалану встретились ехавшие верхом три девушки. Весело пересмеиваясь, они что-то оживленно обсуждали. Поравнявшись с ним, одна резко остановила лошадь, радостно вскрикнула:

— Ахэ?![1] Вы откуда? — потом спохватилась и поздоровалась: Как доехали? Хорошо ли довез вас конь?

— Доехал хорошо,— ответил озадаченный Баясхалан, внимательно разглядывая широкое румяное лицо девушки.— А ты кто? Никак не могу вспомнить...

— Я же дочь Доргоши, брата твоей матери,— девушка залилась веселым смехом.— Бултажин меня зовут.

— Как ты выросла, сестра. Какие новости у вас?

— Гостей много... Только от саганутов никого пока не было. Ты к нам надолго?

— Если познакомишь с хорошими девушками — надолго,— улыбнулся Баясхалан и посмотрел на ее подруг, одна из которых — высокая, светлокосая, с пронзительно черными глазами и горделивой осанкой — пришлась по душе больше, чем другая — тоже высокая, но полная, со смешливым лицом и ямочками на щеках.

— Это Аргали. Она из гучитов. Приехала с отцом в гости к нашему соседу дяде Мардаю,— кивнула сестра на светловолосую.— А это Булган, наша родственница — дочь Дошхона, нойона бодонгутов,— показала она на смешливую толстушку.

— Какие красивые девушки, какие имена хорошие,— продолжал улыбаться Баясхалан.— Нагаса дома?

— Дома. Сидит с гостями. Ты езжай — мы торопимся на игры, вечером встретимся,— девушки тронули лошадей.

Баясхалан, проводив взглядом Аргали, поехал дальше.

Айл Буржу, юрты которого были поставлены кругом, а в середине высилась восьмистенная юрта из белого войлока, был похож на маленький курень. В хойморе большой юрты за праздничной трапезой сидели сам глава айла — дородный, несмотря на свои шестьдесят лет, без единой седины в косе и пышных вислых усах, громкоголосый старик с острым и упрямым взглядом раскосых глаз — и гости: глава соседнего айла Мардай, анда-худа Мардая, нойон бодонгутов Дошхон, нойон хуасайцев Боохой — семидесятилетний, могучего сложения и редкой силы старик, который в прошлом был знаменитым борцом, и старейшины галзутов Эршим, Жинхэн, Хабагай и Сарбада — все главы крупных айлов; присутствовал здесь же и преследуемый тумэтами дурисха Уялга.

Разговор в юрте шел необычный. Боохой, с почтительным поклоном принимая от Буржу пиалу архи, не скрывая накопившуюся злость, сказал:

— Албан хунтайджи становится все тяжелее: открытие торга с китайцами и образование новых уртонов все сильнее подрывают наши стада. Скоро у хуасайцев не останется кошмы для новых юрт и кожи для седел и унтов. Люди ропщут.

— Я от верных людей слышал, что на строительство храма в Хух-

---

[1] Ахэ — уважительное обращение к старшему.

хото хунтайджи обещал хану собрать с хори тысячу мужчин. Их хотят поселить с китайскими каменщиками и научить месить глину, а это похуже, чем отдать кожу и войлок,— вступил в разговор молчавший до сих пор Уялга.— К тому же нойоны других улусов очень недовольны усилением Алтана и боятся, что он начнет борьбу за ханский престол. Особенно сыновья владетеля Халхи Гэрэсэндзэ. Теперь у хана один выход — усилить свое войско. Его тангуты могут воевать только в своих горах, из тумэтских родов им уже взято достаточно воинов. Поэтому остаются в запасе только племена унаган-богол, главным образом — мы. Так что ожидайте новый албан — всю молодежь скоро сметут в ханские тумэны.

— Ну, тогда хунтайджи совсем обескровит наш народ. А кто будет поставлять ему мясо, шерсть, кожу, кумыс, архи, служить на уртонах, охранять северные границы? — спросил, ни к кому не обращаясь, Буржу.

— А! Упавший в воду не боится замочить ноги. Хан и хунтайджи начали такое дело, что им наше племя — тьфу, как этот плевок! Если начнется война, заберут не только молодежь, но и нас, стариков, и безусых юнцов, лишь бы могли на коня сесть,— со злостью проговорил нойон бодонгутов и, схватив из корытца баранье ребро, оторзал от него большой кусок мяса.

«Верно, верно»,— послышались голоса Эршима, Жинхэка и Сарбады.

Буржу налил в пиалу архи, правой рукой, чуть поддерживая ее левой, протянул шаману. Тот принял ее, немного подумал и спросил:

— Нойон Боохой, а чем занимается ваш лама?

— Лама? — переспросил старейшина хуасайцев.— Ходит по юртам, что-то рассказывает, а глупые люди слушают, не прогоняют. Вечерами сидит в юрте и читает свои книги. Недавно приходил ко мне, предлагал научить моих детей тибетскому и нашему письму, говорил, что дети нойонов тумэтских родов тоже учатся.

— Ну, и что ты ему ответил? — спросил Буржу.

— Отказал.

— Почему?

— Я всю жизнь прожил, не зная ни одной буквы, и чувствую себя неплохо. Умение писать и читать не прибавит им силы и не приумножит роду стада,— ответил Боохой.

— А Саримай согласился, и теперь его внуки каждый день ходят к ламе. Говорят, желтошапочный, если дети проявляют нерадивость, колотит их по голове палкой,— тихо сообщил Уялга.

Буржу возмущенно выпрямился:

— Дурисха, я не понимаю, что происходит с нашим нойоном. Надо думать о том, как спасать народ от непомерного албана хунтайджи, от надругательства над верой отцов и святынями! А он заигрывает с этим чертом в желтой шапке. После того, как лама вылечил его внучку, Саримай стал на глазах меняться. На днях заходим к нему с Мардаем, говорим: надо посоветоваться с нойонами родов, решить, как поступить, ведь дожили до того, что на зиму может не хватить мяса. А вдруг новый албан, а вдруг — мор или дзут! Ведь совсем народ обнищает! Я ему говорю, а он молчит. Неужели этот оборотень в желтом дыгэле наслал на него порчу? А, дурисха?

— Все не так просто, как думаешь ты, Буржу,— сказал шаман.— Силу хана и силу хори нынче сравнивать нельзя. Алтана боится сам хаган. Поэтому албан, пусть он хоть удавкой затянул нашу шею, придется терпеть. Я чую, что это еще не все. У нас скоро могут забрать всех дарханов. Я видел монастырь — он огромный, чтоб его достроить, нужно потратить еще много добра и нагнать тысячи людей. А как построят — заберут туда на учебу не по одному мальчику, как летом, а по десять из каждого рода, сделают из них лам, вот тогда наступят более страшные времена. Но, несмотря ни на что, выход у нас имеется,

и он только один. Летом нашему народу надо бежать в Халху. Для этого надо воспользоваться тем, что владетели Халхи недовольны усилением Алтана. Саримаю я не раз предлагал это, но он не решается. Боится, что Халха не примет нас, не станет ссориться с Алтаном, и племя окажется между двух огней. Но я думаю, что другого пути сохранить народ одиннадцати отцов у нас нет. С Халхой надо договориться зимой, нойонам с нойонами, шаманам с шаманами.

— Правильно. Устами дурисхи говорит само вечное небо! — воскликнул Дошхон, привстав на колени.— Надо уже сейчас готовить оружие, начинать боевую учебу молодежи, разведать у истока Болдоргорхона горные перевалы. Нужно договориться с Гэрэсэндзэ, чтобы он на тропах и дорогах поставил сильные отряды, самим отправить туда раньше скот, курени, а мужчин сколотить в сотни, тысячи, занять перевалы и не пускать на север тумэтов, засесть там, как кость в горле Алтана.

— Так-то оно так,— ровным голосом проговорил Уялга,— но у нас пока нет единства меж собой, а без него задуманное может сорваться. Алтан воитель опытный и решительный, достаточно и тени подозрения о подготовке побега, как он раскидает племя по окраинам улуса и без труда задушит роды по одному. Сегодня нам нужна сплоченность, как новорожденному — молоко матери.

Нойоны и старейшины задумались. Каждый в уме перебирал имена людей, возглавляющих роды, и взвешивал, кто согласится с ними, кто воспротивится.

— На днях к Саримаю прибудут все нойоны родов, приедут с ними, если не испугаются тумэтов, и шаманы,— сказал Боохой,— вот тогда и надо нам все решить.

— Нет,— сразу возразил Буржу.— Совет племени надо заранее готовить, чтобы у Саримая никто не возражал. Сейчас и вправду очень удобное время. Пока собираются сайты и шаманы, надо с каждым переговорить. А кто наотрез воспротивится... Пусть во имя счастья всего народа имеет дело с Дошхоном. Прав я или нет, Дошхон?

— Если найдутся предатели, я сделаю все, чтобы они не смогли помешать. Да пусть мне поможет в этом вечное небо.

— Саримая я беру на себя,— заявил шаман.

В это время в юрту вошла младшая дочь хозяина.

— У коновязи остановился парень на черном жеребце.

Старики разом повернулись к хозяину.

— Посмотрим, какого гостя привели ко мне онгоны,— Буржу расправил усы и улыбнулся.— На черных жеребцах в нынешний сагалган никто не приезжал.

Снаружи послышались шаги. Вот забряцало снимаемое оружие, вошел высокий, с чуть заметными усами юноша.

— Как живете, нагаса? Как ваше здоровье, здоровье ваших гостей? — осведомился он.

— Э-э! Да ведь это мой зэ,— Буржу в знак уважения к внуку, представляющему целый род, встал и с протянутыми для праздничного приветствия руками подошел к Баясхалану.— Живем мы все в здравии. Здоров ли ты? Благополучно ли все в вашем айле, курене?

— У нас все хорошо,— улыбнулся юноша, обрадованный тем, что дед сразу узнал его и уважил.

Он протянул старику обе руки ладонями вверх, тот вложил в них свои и слегка коснулся щекой щеки юноши. После приветствия Баясхалан вынул из-за пазухи голубой хадак, расправил его, положил сверху серебряный нож с чеканной подвеской, подождал, пока дед сядет, и с поклоном протянул ему подарок:

— Примите, нагаса, небольшой дар от вашего зятя и дочери, да пусть небо не скупится на благоденствия вашим детям и внукам, да пребывайте вы в здравии до глубокой старости, поучая нас мудрости жизни!

Старик, довольно хмыкнув, принял подарок, потом, усадив внука чуть ниже гостей, снял с решетки стены висевший там роговой лук в зеленом из тисненной кожи налучнике, вынул из висевшего тут же стрелохранилища три боевые стрелы и все это положил на его руки.

— Да пусть сердце твое будет для врагов камнем, руки железными, а глаза меткими. Расти умелым воином и удачливым охотником, надежным другом и заботливым отцом,— сказал Буржу, потом налил полную пиалу архи и коротко приказал: — Пей!

— Пусть сбудутся благопожелания твоего нагасы! — хором воскликнули гости.

Сестра матери Баясхалана, младшая дочь хозяина, опять зашла в юрту и занесла чай в большом казане. Наполнив пиалы, она, подавая первому чай Уялге, шепнула ему: «Дурисха, вас в малой юрте ожидает человек, говорит, что он шахар от дурисхи Ногто». Шаман встрепенулся, о чем-то пошептался с Буржу. Тот посмотрел на пьющих чай гостей и сказал:

— Уважаемые, вы немного посидите без нас, дурисха хочет посмотреть, не случилось ли что с его конем.

Все понимающе кивнули. Буржу с шаманом вышли.

Баясхалан быстро наелся и с сестрой матери ушел в ее юрту. Ему не терпелось разглядеть подарок деда. По гладкой полировке роговых накладок и тяжести чувствовалось, что это настоящий боевой лук, достойный воина и охотника. «Ни у кого из молодежи саганутов такого пока нет»,— с гордостью подумал он.

...Шаман и Буржу вернулись очень встревоженными. Не садясь на место, Уялга осевшим голосом сказал:

— Старейшины! Мне стала известна коварная затея тумэтов. Пользуясь сагалганом и предполагаемым прибытием в наш курень всех шаманов племени, они хотят нас захватить и увезти в Хух-хото. Дня через три сюда прибудет войско. С ним дарга Мандул и сам Энхэ-тойна, да поразит его небо громом. Что будем делать?

Новость была неожиданной.

— Хотят одним разом покончить со служителями небес и вынуть из нашего народа душу,— вставая с кошмы и поправляя тяжелый пояс, сказал Боохой.— А кто это сообщил? Можно ли ему верить?

— От верного человека в Хух-хото об этом узнал живший там по велению дурисхи Ногто его исунгут Туесук. Его чуть было не схватили, но он сумел уйти. Боюсь, тумэты заподозрят, что мы можем узнать о их намерениях, и придут раньше.

— Надо сообщить Саримаю и срочно собрать у него совет, ведь многие нойоны родов и шаманы уже здесь или находятся в пути. Вот и повод, чтобы надавить на него и всех колеблющихся, убедить в необходимости решительного шага,— сказал Дошхон.

— Да. Времени мало. На все пути, что ведут из Хух-хото к нам, надо бы отправить людей, лучше под видом пастухов. Необходимо о времени прибытия войска знать заранее,— сказал Мардай и тоже встал. За ним поднялись и остальные.

15

Шодор, которому было поручено наблюдение за войском тумэтов, собрал в курене сотню отборных воинов. Попала в нее и десятка парней из младших родов, во главе которых он поставил внука хуасайского родоначальника Бабжу, который отличался большой силой. К тому же он славился в племени как лучший стрелок. В эту десятку вошел и Баясхалан.

Сотня ранним утром выехала навстречу тумэтскому войску. Одну ночь и два дня Шодор неустанно и скрытно следил за воинами хана. Их было ровно тысяча. Никак не предполагая, что хори осмелятся выступить им навстречу, они двигались беспечно. Ни бокового, ни тылового охранения не было, воины не имели заводных лошадей, сотни

перемешались и превратились в толпы всадников, собравшихся по признакам родства и старого знакомства. Опустошив захваченные из дома в честь праздника дамшаги с кумысом и архи, бывалые воины предавались воспоминаниям о прежних походах и веселью. Лишь по привычке тысячник Дугтар выдвинул на несколько харанов дозорную сотню, да и та скакала такой же шумной ватагой, не помышляя о своих обязанностях. Да и дело, по которому было отправлено войско, казалось до смешного простым: забрать десяток-полтора шаманов у подневольного племени, напомнить им, кто такие тумэты Алтан-хана и кто такие они, ничтожные боголы, скопище вонючих харачу.

Не просто и не сразу решились хори на вооруженное выступление против тумэтов. После получения известия от Шодора у Саримая собрались все нойоны и шаманы родов, были приглашены главы крупных айлов галзутов, старейшины других родов, оказавшиеся в курене.

Мнения нойонов разделились. Дошхон, при поддержке Боохоя, с молчаливого согласия шаманов и некоторых глав айлов, предлагал уничтожить приближавшуюся тысячу, да так, чтобы некому было сообщить о разгроме Алтану, затем подняться всем племенем, перевалить скалистые горы и владетелей Халхи поставить перед свершившимся. Если же те испугаются Алтана и не примут племя под свою руку, не теряя времени, уйти на восток к хагану Тумэну. Как-никак он всемонгольский владыка и вряд ли доволен возвышением тумэтского правителя, тем более тот явно претендует на верховенство среди наследников золотого рода.

Когда Дошхону стали возражать нойоны родов кубдуг, худай и шарайт, ссылаясь на приближение зимы, трудности пути через перевалы, на возможную потерю огромного количества овец, коров и наверняка всего молодняка, нойон бодонгутов с обидой оглядел всех присутствующих: «Собаки куреня, как бы не враждовали, при нападении волков и то объединяются, а вы..!»

Были высказаны предложения спрятать шаманов и встретить войско как ни в чем не бывало, а Мандулу заявить, что служители неба уехали куда-то совершать тайный обряд. Однако против этого возразило очень много нойонов, считая унизительным для племени ложь и притворство. Тем более тумэты не поверят и утвердятся в мнении о трусости и ничтожестве хори.

— Нойоны и старейшины,— заговорил долго молчавший Уялга,— я думаю, все хорошо понимают, что дело не в жизни одиннадцати шаманов и десятка-двух исунгутов. Если было бы так просто, мы уехали бы, исчезли, растаяли... Речь идет о все возрастающей власти хунтайджи. Он хочет превратить наш народ в рабов своего каменного города...

После его слов спор разгорелся с новой силой, снова были высказаны разные предложения. Наконец заговорил глава племени:

— Нойоны, я не скрою от вас, что эти дни у меня было немало разговоров со многими из вас и шаманами. Действительно, распространение новой веры, истинного пути спасения, как называют его ламы, с каждым днем набирает силу. Все тумэтские роды начинают жить по установленным Буддой правилам. Хан и хунтайджи узнали, что только мы упорствуем, продолжаем тайно почитать тэнгриев и духов, скрытно совершаем кровавые жертвы. Узнали, что накануне сагалгана и в первый день праздника все роды хори открыто совершили тахилы на обо и другие обряды.

Многие из вас правы, что албан хунтайджи становится непосильным. Но все должны понять, что сила наша ничтожна по сравнению с силой хана. Поэтому, если мы хотим сохранить народ и его имя, надо мудро изворачиваться, жить, ожидая перемен к лучшему, а если дело обернулось так, что жить подобным образом дальше невозможно и

такая жизнь равносильна гибели, надо бежать. Но бежать не так, как предлагают Дошхон и его сторонники, не вслепую, глядя на зиму, а тщательным образом подготовившись, сохранив людей и скот. Нищее племя нынче никому не нужно.

А как поступить сейчас? Думаю так: надо шаманам в любом случае спрятаться и до лучших времен в куренях не появляться — этим мы на некоторое время успокоим хунтайджи. Тумэтам наряду с покорностью надо показать и силу — захватить тысячу в плен или устроить такую засаду, чтобы и без битвы стало ясно их поражение. Но при этом все должны твердо уяснить, что ни один волос с головы их воина не должен упасть, иначе нам не расплатиться.

Саримай испытующе оглядел каждого нойона, встретился глазами с Уялгой и, уловив его одобрение, продолжил:

— В нашем куреке наберется восемьсот воинов, двести воинов составим из гостей, тысячником назначаю Боохоя, сотников определит он сам. С войском для переговоров с Мандулом поедут Буржу, Сарбада и саганутский Хуса. С ними я поговорю после. А ты, Дошхон, собери с ближайших куреней пятьсот воинов и выступи вслед Боохою. Эта сила пригодится про запас. Чтоб ты не вел себя, как взбесившийся бык в курене, советником твоим будет нойон худайцев Зальтюр. Все! Готовьте людей, выступаем на рассвете.

Нойоны и шаманы, поняв, что решение Саримая никто, даже Уялга, обсуждать не собирается, заторопились к выходу.

— Постойте! — вдруг раздался требовательный голос главы племени.— Вы ведь знаете, что все сущее под небесами имеет две стороны: и хорошую, и плохую. Так же и с верой желтошапочных лам. Дуриха здесь сказал о ней плохое... я с ним согласен. Но в ней есть и другая сторона: распространение знаний о других странах, установление с ними мира и торговли, обучение грамоте своих последователей, усмирение слишком воинственных нойонов и багатуров, проповедование миролюбия простолюдинам... Также ничего плохого нет в искусстве лам лечить болезни. Если ваши дети научатся читать и писать, а эмчины изучат их способы лечения травами и кореньями, от этого народу хуже не будет. Запомните это и идите!

...Шодор и четверо десятников искали удобное для засады место. Во второй половине дня, ближе к вечеру, они въехали в узкую, зажатую с двух сторон довольно высокими сопками долину. Дорога из Хух-хото проходила то по правому, то по левому берегу протекавшей по ней извилистой мелководной речки. «Здесь тумэты вынуждены будут растянуться и двигаться длинной, неповоротливой змеей»,— подумал Шодор. Оставалось только придумать, как быть с дозорной сотней тумэтов. Конечно, ничего не стоило внезапным нападением оторвать ее от основных сил и уничтожить, но, памятуя предупреждение Саримая не вредить воинам хана, этого делать было нельзя.

— Нукеры, надо решить, что делать с передовым охранением тумэтов,— Шодор устало протер ладонью осунувшееся от беспокойных ночей лицо.— В засаду они не попадают — долина слишком для этого коротка.

Опытный воин по кличке «Толстый Дашмаг» подъехал вплотную к Шодору:

— Давайте замкнем в долине основной костяк тысячи и заставим их нойона самого вернуть эту сотню. Куда он денется, согласится!

— Нет! — решительно возразил Шодор.— Сотник может часть людей бросить в Хух-хото за подмогой, там поймут неправильно и отправят более сильное войско. Начнется война, в которой нам никак не победить. Нет. Так делать не будем.

— Шодор,— вступил в разговор хуасайский десятник Бабжа,— когда наши воины займут склоны сопок и тысяча хана вся втянется в до-

лину, надо на передовую сотню внезапно пустить вдвое больше людей. Стрельбой из тупоконечных и сигнальных стрел ввергнуть их в смятение, ими же заткнуть выход из засады. Тогда ни один тумэт не ускользнет, а тысячник будет более сговорчив. Я заметил, что долина на выходе расширяется, но не очень. Если наших бросить вогнутой дугой, дозору останется только бежать назад. Для большего испуга перед этим нужно застрелить под сотником коня. Ему некогда будет повелевать воинами — в голове будет только мысль о собственном спасении.

Шодор, не ожидавший от молодого воина такой решительности в суждениях, был несколько удивлен. «Этот верзила говорит верно,— подумал Шодор,— выход из долины и вправду удобен для лобового удара, и две сотни воинов смогут с этим справиться».

Однако он с решением не спешил, спросил, что думают об этом остальные.

— Парень придумал правильно,— за всех заключил Толстый Дашмаг.

Всадники остановились на небольшой поляне, дали отдохнуть лошадям и наскоро поели сами. Потом Шодор позвал с собой Бабжу, по пути захватил его десять нукеров и поехал с ними к основному войску хори. Там старейшины их предложения утвердили, и Бабжа, на которого по настоянию Шодора возложили осуществление его плана, получил под свое начало две сотни воинов из полтысячи Дошхона.

После ночевки тумэтская тысяча в том же порядке двинулась в путь, рассчитывая к концу дня ворваться в галзутский курень. Разведка хори непрестанно следила за ними, и весть о том, что тумэты вошли в долину, пришла вовремя. Воины тысячи Боохоя тотчас заняли вершины и лесистые склоны сопок. Дошхон, подготовив свое войско к всевозможным неожиданностям, не утерпел и прискакал к Боохою. Нукеры Бабжи расположились на выходе из долины широким полукругом: укрылись в зарослях тальника по берегам речки, в ямах и впадинах. Бабжа со своей десяткой спрятался на склоне сопки в небольшом сосновом колке.

— Парень, как тебя зовут? — спросил он Баясхалана и, получив ответ, передал ему повод своего коня.— На, держи! Как только застрелю под сотником коня и взвоют сигнальные стрелы, тот же миг скачи ко мне.

Кивнув, Баясхалан принял повод. «Как же он на таком отдалении сможет убить под человеком коня и не задеть его,— с тревогой и удивлением думал он,— ведь до дороги алданов двести, если не больше».

Между тем Бабжа спустился пониже и стал с краю чащи.

Воины хори замерли, даже кони, необъяснимым чутьем уловив настороженность людей, перестали шевелиться и грызть удила.

Но вот послышались отдаленный топот копыт, звон стремян и глухой говор тумэтов. Потом показался частокол торчащих копий, сверкнули на солнце наконечники, замелькали лица воинов. Впереди на гнедом высоком коне ехал сотник и, полуобернувшись, что-то рассказывал двум нукерам, один из которых держал хвостатый сотенный флаг.

Баясхалан заметил, как Бабжа поднял лук и в напряжении замер в седле.

Вдруг лошадь сотника стала, словно уткнулась в невидимую преграду, и с хрипом повалилась набок. В тот же миг с воем, свистом и низким, леденящим душу гудением рванулись в небо сотни стрел, раздался оглушительный крик воинов хори.

Баясхалан ослабил повод, и конь рванулся вниз, Бабжа на ходу вырвал у юноши повод и влетел в седло.

— Нукеры! Вперед! — зычно крикнул он, на полном скаку врываясь в низину. Словно сорвавшийся с кручи камнепад, обрушились на дорогу и прилегающую поляну воины хори, стреляя на скаку, лавиной бросились на тумэтов.

От полной неожиданности те пришли в смятение. Сотник, бранясь, пытался заскочить за спину нукера с флагом, конь которого храпел и, словно дикий, плясал на месте. По лицам тумэтов, по лошадям, по куякам и панцирям зачмокали и застучали тупорылые стрелы. Рев и сам вид несущихся на них со склонов воинов довершили панику, и тумэты бросились обратно...

Когда Дуттар, после неожиданного шума впереди, увидел в страшном беспорядке возвращающуюся передовую сотню, не сразу поверил своим глазам. Первые прискакавшие, осадив взмыленных лошадей, сказали, что им путь преградило большое войско. Он с тревогой оглядел неуютные, каменистые, заросшие кустами и сосняком склоны, заметил, что повсюду стоят сотни всадников с луками наизготовку, и понял свою ошибку. В этой тесноте его тысяче невозможно было развернуться в боевые порядки. Можно было, конечно, разом повернуть всех коней обратно и на полном скаку вырваться из западни, но тогда пришлось бы оставить на верную гибель дозорную сотню. К тому же кто знает, может быть, враг давно зашел за спину и заткнул, как пробкой, выход из долины, и скакать под градом стрел со склонов, выставив, как мишени, бока, было неразумно.

Да. Выхода не было. Тысячнику в голову пришло ясное сознание, что проиграл сражение не начиная. Он отчетливо представил себе весь позор поражения, гнев хунтайджи и хана. Дуттар в отчаянии рванул с головы шлем и грохнул его о переднюю луку седла. Конь, от неожиданности отпрянув, получил обжигающий удар ташуром, заплясал на месте, изгибая крутую шею.

Пока тысячник Дуттар в отчаянии изливал гнев и досаду на коня, а войско в нерешительности топталось на месте, от Боохоя подъехали для переговоров двое старейшин: Буржу и Хуса. Дуттар и Мандул немедленно дали согласие на встречу и были выпущены из долины наверх, где в зарослях сосняка сидели на камнях Боохой и Дошхон. Переговоры были недолгими, Мандул и Дуттар выслушали сообщение, что шаманы хори уехали в неизвестном направлении, что в стойбищах родов они больше не появлялись, и согласились отправить войско обратно в Хух-хото. В знак примирения и удачного решения спора, имевший на то полномочие Боохой пригласил даргу и тысячника с сотней воинов погостить в главном курене хори. Это предложение тоже было принято...

16

Известие о благополучном исходе похода сняло напряжение с куреня галзутов. Войско вернулось, и прерванный было праздник, как степной пал под порывом свежего ветра, набрал новую силу. Такого количества гостей старшие родичи хори не помнили с давних пор. Почти у каждой юрты запылали костры, засуетились вокруг них принаряженные женщины и старики.

Ближайшие родичи и друзья Буржу веселились в его юрте. Были здесь и Боохой со своим внуком Бабжой. Пили архи, пели песни, играли в кости и делились воспоминаниями до глубокой ночи. За это время Баясхалан хорошо познакомился и, надеялся, сдружился с Бабжой, ставшим за время похода известным всему племени. Огромного роста и могучего сложения двадцатилетний воин и семнадцатилетний юноша, только вступающий в суровую взрослую жизнь, нашли друг в друге что-то общее. Они вдвоем, а потом и со старейшинами выпили за дружбу немало пиал терпкой, тройной выгонки архи, и непривычный к хмельному Баясхалан быстро опьянел. Сделав постель из потников, подложив под голову седло и укрывшись дыгэлом, он, не раздеваясь,

проспал до утра крепчайшим сном. Ему не мешали ни песни и гомон гостей, ни разноголосый лай собак, ни топот и ржание коней, раздававшихся в курене до самого рассвета.

Когда в юрту утром пришел Бабжа и дернул его за ноги, Баясхалан спросонок никак не мог понять, где он находится и чего от него хотят. Раскатисто захохотав, Бабжа легко поднял его на ноги, крепко потряс за плечи и позвал на утреннюю трапезу.

В курене было уже тихо. Лениво стлался между юртами дым от угасающих костров, у которых почти всю ночь хороводили галзуты и их гости, мужчин было почти не видно. У некоторых жилищ стояли приносившие утреннюю жертву старушки. От взмахов их рук разлетались радужными брызгами капли молока и чая, веером сверкая под яркими лучами солнца.

Бабжа привел Баясхалана в небольшую пятистенную юрту из серого войлока, одиноко стоявшую между двумя айлами.

— Здесь живет моя знакомая. Муж ее погиб три года назад на охоте — упал в расщелину и разбился. С ней мы встретились и подружились вчера на играх. Женщина молода и красива, родом из хальбинов, горяча, как огонь. Ну, ты и сам увидишь.

Юноша непонимающе взглянул на товарища, но, когда тот весело захохотал, смекнул, что Бабжа провел ночь у этой женщины, и покраснел.

— Я думал, мы пришли к твоим родственникам,— замедлил он шаг.

— Идем, идем! Ты давно уже не маленький...

В юрте было тепло и чисто, хозяйка — молодая женщина лет двадцати, одетая в нарядный зеленый тэрлиг, стояла у очага и размешивала черпаком в медном казане забеленный молоком чай.

— Как поживаете, сестрица? Как проводите праздники? — в знак приветствия спросил Баясхалан.

— Живу хорошо,— живо ответила женщина, потом лукаво стрельнув раскосыми глазами из-под густых черных бровей на Бабжу, весело усмехнулась и добавила: — очень даже хорошо! А вы, юный батор, как отдохнули?

— Под кровом нагасы не бывает худо.— сказал Баясхалан.

— Проходите, дорогие гости, отведайте белой пищи,— мягким движением руки показала она на хоймор.— Этот год для галзутов должен быть прибыльным и счастливым — вон сколько гостей понаехало в курень. Даже в юрте бедных вдов нынче запахло крепким мужским духом, а землю у коновязей истоптали боевые лошади.

Парни основательно угостились, приняли из проворных рук Ногохон — так звали хозяйку — не одну пиалу крепкого архи. За едой договорились выехать из куреня и испытать достоинства нового лука Баясхалана. Ногохон взялась привести с пастбища их коней. Она сняла со стены два недоуздка, попросила в соседнем айле оседланного коня и умчалась.

— А справится ли она с двумя лошадьми,— засомневался юноша,— мой-то серый хитер и коварен.

— Ты что! Она же два года пасет табуны. И муж ее был табунщиком,— заверил Бабжа.

...Отъехав от крайних юрт около двух харанов, парни свернули к предгорьям. Там у подножия небольшой скалы остановились. Бабжа взял у Баясхалана лук, внимательно осмотрел, даже понюхал почти незаметные глазу стыки роговых накладок и остался доволен. Первую стрелу он пустил прямо вверх и так высоко, что она, почти скрывшись из глаз, лишь спустя некоторое время с сухим шорохом вернулась и вонзилась в мерзлую землю. Потом Бабжа одну за другой пустил две стрелы, и они, почти коснувшись друг друга в вышине, стремительно ринулись вниз и тоже воткнулись рядом. Затем он, проезжая на полном скаку алданов за двести от скалы, выстрелил в растущую на ее

вершине сосну тремя стрелами. Они все оказались в ее стволе одна над другой.

Баясхалан, видевший немало мэргэнов, поразился не столько меткости Бабжи, сколько способу стрельбы. Стреляя в дерево, тот натягивал лук в сторону движения коня, а в момент пуска стрелы резко поворачивался туловищем в сторону мишени и стрелял почти не целясь. Оба его глаза при этом оставались открытыми.

— Дед сделал тебе великий подарок. Надежный лук в руках мужчины — лучший друг, береги его. А те стрелы,— кивнул Бабжа на скакуну,— оставь, они глубоко в дереве — не вынешь.

На опушке леса за скалами на склоне пологой сопки парни содрали с одинокой березы кору, скрутив ее в трубочки, повесили на ветки. Бабжа, широкими шагами отмерив расстояние от мишени, велел Баясхалану стрелять с лошади. Тот старательно прицелился, выстрелил. Мимо. Вторая стрела чуть задела бересту. Третья прошла выше.

— А сколько алданов до березы? — спросил сконфуженный Баясхалан.

— Двести пятьдесят. Если хочешь, подъедем на двести и стреляй, как по сурам[1]. Ты стрелял по сурам на двести алданов?

— Конечно, но то не с лошади. Да и ветер здесь...

Бабже не понравилась стрельба товарища и с ближнего расстояния.

— А кто научил тебя так стрелять? — спросил Баясхалан, когда они отпустили лошадей попастись на ветоши и прилегли под деревом.

— Был у нас шаман, умер в прошлом году. Он и научил. Я бегал к нему с шести лет. Такой мэргэн бывает только в улигерах... Он любил часто повторять: «Для стрелка самое главное — чувствовать лук и стрелу как часть своего тела. А это, как я убедился, приходит ой как не скоро. Сто потов прольешь, тысячи стрел пустишь, пока руки обретут твердость, а глаза — нужную остроту.

— Научи меня!

— Попробую...

В курень вернулись в конце дня. Багровое солнце, достойно завершив дневные заботы, медленно скрывалось за тающими в дымке горами. На степь, на ее холмы и курганы, на колышущуюся обветшалым разнотравьем и волнами ковыля пастбища, покрывая все это легкой серебристой изморозью, опускались сумерки...

И опять запылали десятки костров в середине куреня, и молодежь галзутов устроила песенные состязания. Туда, словно ручейки к большой воде, потянулись их сверстники из других родов и гости постарше. Нет-нет да мелькнут в шумной, нарядной толпе шлемы и куяки воинов тумэтской сотни.

Возле одного из костров гурьба девушек, о чем-то загадочно пошушукав, взрывается громким смехом и выстраивается в ряд. Взявшись за руки, они запевают озорную песню и под ее лад пестрой стенкой подвигаются на толпу парней. Словно стебли молодого тальника, изгибаются девушки, вышагивая в ногу, и слова песни, накатываясь вал за валом, не на шутку задевают самолюбие ребят, подстегивает и веселый хохот соплеменников.

Девушки дошли до них, вернулись вспять к своему костру, парни, не особенно разбираясь, кто из какого рода, торопливо выстраивают свою стенку и, запев столь же смешную песню про девушек, решительно двигаются к ним. Шагают они широко, чуть покачивая в такт мелодии плечами. Вновь звучит громкий хохот... У соседних костров также собираются кучками девушки и парни, готовятся к игре...

Весело и в юртах. Улигершины старшего рода и гости-сказители из других куреней рассказывают старинные предания, сопровождая повествование игрой на морин-хуре.

[1] Суры — мишень для стрельбы из лука.

Шумно и весело в айлах старейшин Эршима и Хабагая, где играют в кости. А в большой юрте почтенного Жинхэна, хоть и не звучит напев морин-хура и не слышно рокота хэсэ, тоже людно и интересно. Здесь в основном собрались мужчины и парни, известные в своих родах или во всем племени силой и резкостью кулачного удара. Всех жилище старика не вместило, и немало людей пестрой толпой сгрудилось перед входом.

Еще за несколько дней до праздника Жинхэн обошел айлы куреня. Тщательно осмотрев и собрав девять хэеров — бычьих шейных позвонков с наиболее мощными отростками, он особым способом их отварил и вот сегодня устроил состязание «хэер шаалган» — древнюю молодецкую потеху. Суть заключалась в том, что каждый желающий брал эту увесистую кость за отросток и наносил кулаком удар между рукой и позвонком, стараясь переломить кость на две части. На первый взгляд, это состязание казалось простым и скоротечным. Но то ли Жинхэн умело отварил кости, то ли, как посмеивался старик, перевелись среди хори настоящие баторы, к вечеру были сломаны только пять костей. Тем не менее желающих испытать себя не убавлялось, но все, нерешительно косясь на самый большой хэер, пробовали силу удара на трех оставшихся костях поменьше.

Когда Бабжа и Баясхалан подошли к айлу Жинхэна, все хэеры, кроме самого большого, были сломаны, но интерес к состязанию не угасал. Особенно разгорелись страсти после того, как Жинхэн, видно, крепко надеявшийся на прочность большого хэера, заговорчески пошептался с присутствующими стариками и, плутовато улыбаясь, заявил:

— Тому, кто одним ударом переломит эту кость, ставлю наградой из выделенной мне доли скота самого крупного валуха.

В юрте и толпе у входа послышался дружный возглас одобрения. Двое сыновей хозяина тотчас принесли этого барана и под шутки и смех привязали возле полога юрты.

— Надо бы попытать удачи. Как думаешь, Баясхалан? — Бабжа, оглядев валуха, нагнулся и пощупал его холку.— Справен, черт! Почтенный Жинхэн не поскупился...

— Попробуй. Только учти, надо бить не больше одного раза,— с сомнением проговорил Баясхалан.

— Пусть испытает,— сказал один из стоявших у входа парней.— Вон какой здоровый.

— Мы, как гостя, можем пропустить тебя вперед, но за это, если баран станет твоим, должен будешь угостить нас. Правильно я говорю, друзья? — большеголовый толстяк, прищурив в лукавой улыбке глаза, оглядел столпившихся парней.

В ответ прокатился смешок. Кто-то кинул возглас одобрения, кто-то поспешно возразил, и началось препирательство.

— Ладно! — прервал всех высокий сухощавый галзут лет тридцати.— Если жирному хитрецу Ухину непременно хочется попробовать хошхоног этого барана, порешим так: сначала за кость возьмусь я, затем ударит Байтай, а потом наш гость. Если кому-либо из нас повезет, добыча будет общая, а в долю возьмем и Ухина, он может приготовить барана лучше всякой женщины.

Когда друзья высокого под довольный смех Ухина согласились, Бабжа, оценивающе оглядев галзутов, подумал: «Этот высокий жилист, и его удар должен быть довольно сильным, а стоящий рядом парень, хоть и мал ростом, но, видно, резок и пришел сюда не зря. Надо согласиться, но поставить и свое условие.

— Хорошо. Пусть будет по-вашему. Но возьмем в пай и моего друга,— сказал он и положил руку на плечо Баясхалана.

Решение было принято.

Между тем пришел черед показать, кто на что способен. Высокий, сразу посерьезнев лицом, решительно шагнул в душную юрту. Жирный Ухин, сложив сжатые кулаки перед широкой грудью и воздев гла-

за к небу, торопливо пробубнил заклинание и сунул голову внутрь юрты. Остальные сотоварищи по сговору молча застыли за его спиной.

Из юрты послышался шутливый говор, смешок, и наступила тишина, которую через несколько мгновений прервал хлесткий щелчок, затем отчаянный возглас галзута: «Ай-я-я» — и дружный хохот.

— Эх! Хара не смог...— Ухин отпрянул от входа, в котором вскоре показался обескураженный, дующий на правую кисть высокий галзут.

Не справился с хэером и Байтай, о котором Бабжа был лучшего мнения.

— Ну, парень, вся надежда теперь на тебя,— выдохнул Хара и спросил.— Как зовут-то?

— Бабжа.

— Да помогут тебе, Бабжа, онгоны предков! — Ухин подтолкнул его ко входу, и тот оказался в юрте.

Когда Бабжа огляделся, то в ярком свете очага увидел, что весь хоймор забит восседающими на кошме стариками, много людей было и по обеим сторонам входа, людно и на женской половине, откуда его окинули взглядом пар восемь-десять любопытных глаз. Хэер лежал перед очагом на низеньком, застеленном коричневым шелком ширэ и тускло отсвечивал желтой матовой поверхностью. Бабжа расправил плечи, немного ослабил мышцы и взял кость левой рукой. По тяжести и по тому, как кость заполнила почти всю ладонь, он сразу понял, что не напрасно Жинхэн надеялся на ее прочность.

— Ну, хубун, надо бить один-единственный раз,— Жинхэн с некоторой опаской посмотрел на заметно возвышавшегося над другими гостями Бабжу.— Давай! Да пусть сопутствует тебе счастье!

Бабжа чуть пригнулся, несколько раз примерившись, не очень широко расставил руки и почти неуловимым движением, резко выдохнув из груди воздух, нанес удар ребром полусжатой в кулак ладони. Почти одновременно один за другим раздались два громких звука: треск сломавшегося на части хэера и треск переломившегося уняна юрты, о который, словно пущенный изо всей силы камень, ударилось основание кости и переломило пополам. В тот же миг что-то загремело среди посуды, с тяжелым вздохом осел войлок кровли, и наступила тишина.

— О-о-о! — единым возгласом восхищения выразили свои чувства опомнившиеся люди.

— Вот это батор! — Жинхэн проворно соскочил с места и, кинувшись к Бабже, горячо обхватил его плечи.— Даже в объятия не входит! Такому парню не то что барана — быка не жалко!

За старейшиной торопливо встали другие гости, все обступили смущенного Бабжу, и он под дружеские хлопки по плечам, спине и тычки в ребра заторопился к выходу...

А жирный Ухин, не скрывая своей радости, бросился к барану, быстро нащупал в темноте узел и начал отвязывать.

Вскоре все три галзута, Бабжа и Баясхалан уже были в юрте пунцовой от стыда и неудобства Ногохон, где Ухин при свете очага, напевая что-то веселое, начал быстро разделывать барана.

...Почти на рассвете парни, оставив в юрте уснувшего Ухина и захватив с собой Ногохон, отправились в середину куреня, где у костров продолжались игры молодежи. Только теперь юноши и девушки перемешались, многие, сев широкими кругами, играли в прятание колечка, некоторые по-прежнему состязались в исполнении песен, а возле жилищ айла Саримая, у большой телеги с походной юртой и других укромных местах стояли или сидели парами давние женихи и невесты и новые знакомые. Хара и Байтай сразу же куда-то исчезли, Бабжа с Ногохон стали в ближайшую стенку, а Баясхалан, то и дело недовольно косясь на шептавшиеся счастливые пары, вдруг почувствовав еще как следует не осознанную, в его положении не совсем справедливую ревность, стал настойчиво искать Аргали. К своей немалой радости он ее вскоре обнаружил в пестром ряду, где в большинстве веселилась

молодежь галзутов и других старших родов. Аргали вместе с Булгажин самозабвенно, увлекая за собой остальных, звонким голосом выводила веселую, колкую песенку:

Слабокрылый жаворонок
Как поднимется над степью?
Опьяневший гость наш
Как подхватит нашу песню?..

Захваченный общим весельем и быстрым ритмом песни, Баясхалан, разъединив руки подружек, приветливо кивнул заулыбавшейся сестре, разгоряченной, румяной Аргали и стал между ними. Тут же ему пришла мысль постоять за парней и задеть самолюбие девушек. Подмигнув оказавшимся в этой стенке немногочисленным саганутам, он запел:

Лошадь молодую покорим
Арканом крепким и уменьем,
Галзутских девушек-красоток —
Весельем, удалью и пением.

Сагануты и другие парни подбоченились и дружно за ним подхватили:

В бег пустившись за лисою,
У логова ее настигнем,
Девушек-галзуток полюбив,
В курене родичей настигнем...

Однако галзутки и другие девушки не растерялись. Только Баясхалан начал было следующий куплет, как Аргали и Булгажин, внезапно изменив темп хода, сбили парней с ритма и начали другую песню, которую за ними подхватили остальные. И она ладно и сильно зазвучала, заглушив песни у других костров:

Вершины гор скалистых наших
Укрыты вечными снегами —
перевалить их сможешь ли?
Достоинства галзуток наших
Укрыты скромными глазами —
их оценить ты сможешь ли?
Красивый камень серебристый
На дне глубокого колодца —
найти, извлечь ты сможешь ли?
А нежность девушки-галзутки
На дне пылающего сердца —
достать ее ты сможешь ли?

В этот момент Баясхалан почувствовал, как остро запахло архи и кто-то, сопя возле уха, грубо дернул его руку, в которой доверчиво покоилась теплая рука Аргали. Обернувшись, понял, что между ним и девушкой пытается встать изрядно захмелевший парень в боевом шлеме. Большими навыкате наглыми глазами тот уставился на девушку, пошатнувшись, перевел взгляд на него и еще раз, неотступно шагая за ними, попытался разжать его руку.

— Ну-ка! Птенчик, отпусти ее! Она будет сегодня моей!

Аргали, крепче сжав руку Баясхалана, повернулась к тумэту и гневно бросила в лицо:

— С набитым архи тулумом петь рядом не буду!

— Иди, парень, проспись,— миролюбиво предложил Баясхалан.

— Что с ним разговаривать! Выверни ему лапу! Богол, а ведет себя, как сайт! — раздались за спиной тумэта злые голоса. Только сейчас Баясхалан понял, что в их стенку хотят встать воины Дугтара.

То ли от присущего ему упрямства, то ли почуя поддержку товарищей, тумэт еще раз схватил запястье юноши и стал вырывать у него руку Аргали. Та вскрикнула и отскочила к огню. Все встали, смешались. Недалеко раздался зычный крик: «Убирайтесь отсюда, тумэтские собаки! Рады, что вчера не пустили вам кровь, и беситесь!?»

Пальцы Баясхалана хрустнули, боль, в тот же миг отдавшись в руке, стрельнула в голову, затмила глаза. Он, почти не помня себя от внезапно охватившего гнева, локтем свободной руки двинул тумэта под грудную кость. Тот охнул, судорожно пытаясь вздохнуть перекошенным ртом, тяжело осел на землю. Раздался сильный хлопок, в ушах Баясхалана что-то загудело, во рту появился привкус соленого. Опасаясь второго удара, он отпрянул. Увидев, что противник замахнулся еще раз, поднял ногу и сильно, всем весом тела сверху нанес ею удар по выдвинутой вперед ноге тумэта повыше коленной чашечки. Тот истошно завопил, неестественно изогнув ногу, упал и, не прекращая крика, завертелся по пыльной, стоптанной земле. Баясхалан отскочил в сторону. Вокруг него началась драка, и вместо песен в середине куреня раздались обозленные крики, проклятья, причитания девушек и женщин. В отблесках пляшущих огней костров и дыму заметались яростные тени...

В сумбуре и сутолоке побоища Баясхалан не считал своих ударов и в горячке плохо ощущал, сколько получил их сам от тумэтских воинов. Лишь когда раздались возмущенные крики стариков и спину обожгло крепким хлопком ташура, он опомнился. Угомонились и притихли хори и тумэты. Общими усилиями старейшин и Дугтара порядок был восстановлен.

Пространство между кострами напоминало место боя: то тут, то там лежали поверженные парни, к которым спешили друзья или родственники, под ногами катались дымящиеся головни, валялись обрывки поясов и даже оторванный целиком рукав чьего-то дыгэла.

— Пойдем отсюда! — дернул Баясхалана за плечо покрасневший, со сверкающими от возбуждения глазами Бабжа.— Спрячемся, пока старики не успокоятся, у Ногохон, и твою красавицу позовем... Пошли, говорю, скорее, а то надают ташурами — не обрадуешься!

...В юрте Ногохон укрылись не только они. Испугавшись гнева родителей, которым со слов старейшины Мардая стало известно, что драка началась из-за нее, Аргали побежала к Булгажин. Оттуда с ней пошли в соседний айл, где гостил Дошхон, и, позвав с собой Булган, пришли сюда уже втроем.

Бабжа и Баясхалан стали вслух рассуждать, какой урон мог быть нанесен тумэтам и во что он выльется галзутам. К ним присоединились девушки, особенно Булган, которая, оказывается, стояла недалеко от злополучного места и все видела со стороны. Она утверждала, что у кого-то из тумэтов вывихнута нога в коленном суставе и его на руках понесли к Унну-эмчину.

— Это ничего,— несколько успокоился Бабжа.— Анза будет небольшой.

— Кто будет платить ее? — встревожилась Аргали.

— Анза будет составлять расходы на лечение увечного, и ее должен заплатить виновный,— ответил Бабжа.

— Кто же виноват, если он первым ударил меня? — забеспокоился Баясхалан.

— Так это ты вывихнул ему ногу? — Бабжа окинул его удивленным взглядом.

— Он меня ударил — я ударил его.

Некоторое время все посидели молча. Потом растолкали Ухина и, подшучивая над его сонным видом, рассказали ему о случившемся.

Между тем Ногохон разогрела баранину, из тулума налила в дашмаг кумыс, поставила пиалы. За едой и несколькими глотками бьющего в нос, бодрящего напитка неприятности стали подзабываться. Аргали и Ногохон, подшучивая, стали прилаживать к синякам Баясхалана завернутые в тряпочки льдинки. Ухин предложил поиграть в кости. Подложив в очаг сухих веток, выстроили на кошме в два ряда двенадцать бабок и с помощью небольшой, шириной в два пальца дощечки стали стрелять по ним другими бабками. Потом спели несколько песен, поиграли в прятание колечка.

За время игр Баясхалан и Аргали как-то незаметно сблизились, словно знали друг друга не один год. Их поведение, конечно, не осталось незамеченным, и Бабжа, когда Аргали и Баясхалан сели рядом и, взявшись за руки, тесно прижались, пошутил:

— Друзья, смотрите-ка, видно, гучиткам по душе только побитые парни. Отлупите меня сильно-сильно, может быть, Аргали пересядет ко мне.

— Нет, нет,— засмеялась Ногохон,— у тебя с ней запрещенное для женитьбы родство. А завтра старейшина Буржу проедется по Баясхалану ташуром, и он станет для Аргали вовсе неотразимым.

— А ты не просватана? — спросила у Аргали Бултажин.

В ответ та молча мотнула головой и как-то особенно взглянула на Баясхалана, отчего у юноши покраснели уши и к горлу откуда-то из глубины груди подступила горячая волна.

— Придется, видно, саганутам скоро присылать к гучитам сватов. А, Баясхалан? — засмеялся Бабжа.

Никто не знал, что на судьбу молодого саганута надвигается черная тень беды.

17

В юрте Саримая, несмотря на раннее утро, людно и шумно. Гости сидят давно, и никто уже не притрагивается к обильно расставленной на кошме хоймора еде. Пиалы, из которых сегодня выпито немало, стоят пустыми. Ни гости, ни сам хозяин их не наполняют. Разговор, совсем недавно похожий на течение полноводного потока, начинает затухать...

Приглашенные сюда Мандул, Дугтар, родоначальники и другие старейшины хори — все хорошо понимают, что собрались сюда они не ради веселого пира и сытой трапезы, а разрешить последствия этой досадной драки, но ни тумэты, ни нойоны племени пока не решаются приступить к делу.

Наконец пришел лекарь Унну и сообщил, что воину Дугтару вывих вправлен, и он через несколько дней сможет сесть на коня. Все облегченно вздохнули.

Саримай, понимая, что за побитого тумэта, будь он виновен или прав, полагается платить выкуп, наполнил пиалу кумысом и, почтительно подавая ее Мандулу, предложил анзу в виде коня с седлом. Тот принял, как полагается, питье, но сразу возразил и поставил трудное условие.

— Воин, пострадавший в драке, является коренным подданным хана,— заскрипел он.— Еще его отец служил нашему владыке, служил хорошо, не жалел ни пота, ни крови. Тэртэ весь в отца. Воинству хана нанесен урон. Стало быть, и виновника увечья Тэртэ должен судить только хан.

Нойоны хори насторожились. Дугтар согласно закивал головой, однако промолчал и лишь обвел сидящих многозначительным взглядом.

— Нет, дарга,— возмущенный Саримай вытер потную шею и исподлобья взглянул на Мандула,— с первых дней, как хан принял нас под свою щедрую руку, он дал племени право жить по собственным обычаям. Ты об этом хорошо знаешь. С тех пор ни один человек хори

не стоял перед ханским судом. Любую вину мы устанавливали сами и сами отмеряли кару.

— Ты не прав,— Мандул, сосредоточенно набивая трубку, не уступал.— Когда ваш человек наносит урон или даже убивает соплеменника, решаете вы. Это правильно. Но саганутский парень нанес увечье воину хана. Поэтому и отвечать должен перед ханом.

По кругу старейшин прошел сдержанный гул возмущения. Саримай успокаивающе поднял руку и спросил Мандула:

— То, что хан повелел нам жить по своим обычаям, ты не отрицаешь?

— Нет. Не отрицаю.

— Тогда слушай и запоминай,— нойон выпрямил спину и повысил голос.— Никогда, где бы не жили хори и чья бы власть по воле вечного неба не была над нами, никогда наше племя не отдавало на чужой суд своих людей, пусть они и трижды были виновны! Так повелось с незапамятных времен. Разве это не обычай?!

Только дарга хотел было что-то сказать, как в спор решительно и грубо вмешался до сих пор молчавший Дуттар:

— А ты, Саримай, слушай, что я скажу, и тоже запомни! Никогда ни один арат или иной подданный тумэтского улуса, причинивший вред воину хана, не уходил от возмездия, и меру вины определял всегда сам хан или его засагулы,— голос тысячника перешел почти на крик, лицо побелело и покрылось коричневыми пятнами.— Так было всегда, так будет и на этот раз.

Саримай пренебрежительно оглядел разошедшегося Дуттара и ничего не ответил. Мандул тоже промолчал, и в наступившей тишине неожиданно явственно и зло прогудел бас Дошхона:

— Ха! И побитый щенок подал голос! Тоже мне воин...

Все встревоженно замерли, и тут случилось такое, чего никто не ожидал. Грозно прорычав, Дуттар вскочил, судорожным движением схватил с кошмы нож, и ступая по тэбишэ с мясом, по пустым пиалам, пнув подвернувшийся под ноги дашмаг с кумысом, кинулся к сидящему напротив Дошхону. А тот, несмотря на свое грузное тело, стремительно откинулся назад, перехватил руку тумэта и ногами, высоко подняв его над собой, с силой отбросил обратно. Дуттар, словно пустой тулум, пролетел через весь круг и шлепнулся на спину, лишь из перекошенного в бешенстве рта вырвался вместе со слюной хриплый выдох и громко звякнули булатные наплечники.

— Ты что? Убьешь! — вскочил Саримай.

Зашевелились и осуждающе заговорили другие нойоны. А Мандул, поспешно подскочив, помог подняться и усадил тысячника.

— Так мы этот спор здесь не разрешим,— лицо дарги стало словно медным, глаза хищно сверкнули.— Саримай! Бери с собой виновного в драке парня, бери бодонгутского вепря... Поедешь с нами в столицу. Как решит хан — так и будет.

Саримай медленно сел, что-то буркнул под нос Дошхон, угрожающе выругался Дуттар, и в юрте наступила зловещая тишина...

— Да-да, Саримай, езжай к хану и возьми с собой всех нойонов,— нарочито спокойно сказал Боохой и стал ползать по кошме, собирая куски мяса и пиалы.— Ты расскажешь хану, а мы поделимся с тумэтскими друзьями, как Мандул и Дуттар, подобно безусым юнцам, завели в западню тысячу воинов хана, как они, опозорив войсковое знамя, ползали у ног Буржу и Хусы и просили о пощаде. Потом посмотрим, что будет с ними. Как бы хан за это не оторвал им головы...

Мандул, зыркнув ненавидящим взглядом по лицам старейшин, выдавил сквозь зубы незнятную угрозу, еще как следует не оправившийся Дуттар затравленно поводил головой.

И опять случилось неожиданное... В тишине юрты раздалось жалобно-тоскливое блеяние ягненка. Все в недоумении стали оглядываться. Батанайский Шалдан, отличавшийся смешливым нравом, сначала

сдержанно хихикнул, потом, закрыв рот рукой, с хохотом завалился набок. За ним прыснул родоначальник худайцев Залгюр, засмеялись другие старейшины, и юрту нойона племени потряс громкий, редко слышимый в ней хохот десятка мужчин.

Когда нойоны и старейшины хори немного успокоились, Дугтар озлобленно уставившись на Дошхона, проговорил:

— Под небом дней много... Каждому смеху своя причина и свое место. А ты, Дошхон, живи долго... так долго, пока не выпустит из тебя всю кровь каленая стрела!

— А на такого ягненка мне жалко и стрелу,— Дошхон вытер заслезившиеся от хохота глаза.— Встретимся на узкой тропе — возьму за ноги и шлепну об твоего же коня!

Саримай посмотрел на Дошхона с явным неодобрением, сокрушенно покачал головой Боохой, но никто не проронил ни слова.

«Спор превратился в ссору, которая заходит слишком далеко,— с горечью думал Саримай,— надо что-то предпринять. Плохо, очень плохо начинается этот год, видно, трудно придется хори на всем его протяжении».

Нойон племени напряженно ломал голову в поисках какого-либо выхода из осложнившегося положения. За долгие годы жизни, двадцать из которых он является родоначальником галзутов и по традиции возглавляет весь родственный союз народа одиннадцати отцов, ему много раз приходилось попадать в тупик. Порой казалось, что ничего нельзя придумать и беда неминуема, но Саримай нередко умудрялся сделать так, что не оставался в накладе не только старший род, но и все племя. Вот и сейчас опыт подсказал ему, как надо поступить и на этот раз.

Между тем Дошхон и Дугтар, раскаленные взаимными оскорблениями, готовы были схватиться вновь.

— Нойоны! Перестаньте! — Саримай в гневе опять встал.— Чего вы грызетесь, словно покинутые на кочевье голодные псы?! Это дело надо решить достойно, без драки. Дарга Мандул! Провинившегося парня мы отдадим на ханский суд,— то, что глава племени так внезапно уступил домогательствам тумэтов и безжалостно решил судьбу соплеменника, и то, что он сказал это уверенно, словно выразил давно обдуманное и решенное сообща мнение, вызвало у старейшин хори полное недоумение. Как оглушенные, они молчали, веря и не веря услышанному, и ждали, что Саримай скажет дальше.— На расходы за лечение вашего воина,— продолжал нойон,— мы отдадим лошадь с седлом. Прошу вас, уважаемые Мандул и Дугтар, передать хунтайджи наше глубокое уважение к хану, к установленным им правилам. Через три дня после вашего отъезда мы, все старейшины хори, прибудем в Хух-хото и выразим хану сожаление о случившемся сами. А вы, нойоны хори,— обратился он к старейшинам,— успокойтесь. Будем уповать на справедливость нашего владыки и милосердие к повинному...

После слов Саримая тотчас послышался ропот нескрываемого недовольства.

Мандул недоверчиво оглядел Саримая. «С чего бы он сделался вдруг таким сговорчивым,— подумал он.— Нет ли здесь какого-либо подвоха? Этот хитроумный старик способен на любую подлость».

— Дарга! — Дугтар встал, поправил доспехи и, обращаясь только к Мандулу, как будто в юрте никого, кроме них, не было, сказал: — Он решил правильно. Старейшины племени, которое сорок лет назад пригнали в улус, как скот, не могут противиться порядкам ханства, как не может устоять и клонится перед бурей степной ковыль. Упрямую былинку ветер ломает, а строптивых харачу слуги хана бьют. Пошли отсюда! Нам пора в путь. А за тем разбойником и анзой я пришлю пару нукеров. Пусть эти... передадут его из рук в руки.

Мандул и Дугтар, хлопнув дверными пологами, покинули юрту. До слуха подавленно молчавших старейшин снаружи дошли злобная

ругань тысячника, шорох навешиваемых на ремни налучников и колчанов, лязг вкладываемых в ножны сабель. Послышался топот пущенных прямо от коновязи в галоп коней, и наступила тишина.

Саримай посмотрел на старейшин и, встретив недобрый взгляд бодонгутского родоначальника, решил, что будет лучше, если тот выскажется прямо сейчас, чем будет долго носить в себе, словно отраву, свои мысли.

— Что молчите, нойоны? Я вижу, что все недовольны моим решением. Скажи хоть ты, Дошхон,— и глава племени с готовностью выслушать любые упреки повернулся в его сторону.

Дошхон сверкнул глазами и, шумно дыша от охватывающего его возмущения, встал.

— Саримай,— взялся он побелевшими пальцами за пояс,— ты слишком легко бросаешься людьми хори... Нам давно не нравится твое трусливое правление. Если галзутам по душе каждый раз лизать задницу тумэтам — это их дело. Но другие роды ты от такого позора избавь. Ведь Боохой нашел нужные слова и поставил на место зарвавшихся тумэтов. Мы все видели, как Мандул прикусил свой коварный язык. Спасение молодого саганута было уже делом решенным, а ты выбросил парня тумэтам, как барашка волчьей стае. Как легко ты отнесся к его доле, так же легкомысленно распоряжаешься судьбой всего народа. Нойоны! — громче загудел его голос.— Не пора ли нам сместить такого главу племени и выбрать более достойного? Такого, которому наш народ, каждый человек был бы дорог как собственный сын.

Сурово взглянув каждому старейшине в глаза и этим недвусмысленно приглашая высказаться, Дошхон сел.

Саримай, не размыкая уста, стал ждать дальнейших событий.

Родоначальники и другие старейшины хори задумались. Угадать их мысли и чувства было трудно. Каждый из них более десятка лет нес вместе с Саримаем нелегкое бремя общинной власти. За эти годы у них накопилось немало недовольства его поступками, но было в прошлом народа одиннадцати отцов много хорошего, чего без мудрости и осторожности главы племени могло и не быть. Каждый нойон в самой глубине души на сокровенных весах мысленно взвешивал белое и черное в жизни Саримая, отмерял, исходя из собственного понимания заслуг и вины, его достоинство.

По обычаям хори, на таком представительном собрании было вполне допустимо выражать сомнение в правоте поступков главы племени, можно было и добиваться его смещения. Но Дошхон выступил против Саримая слишком неожиданно и, хотя по очень важному, но частному поводу. К тому же решить окончательно судьбу Саримая сейчас было невозможно — не было шаманов, отсутствовал верховный дуриха Уялга. А что бы предложили служители духов, было неизвестно. Поэтому все молчали, никто не спешил высказаться, и многие ожидающе косились на главу племени.

Поняв затруднение нойонов и решив, что больше ждать нельзя, Саримай встал и заговорил:

— Нойоны, я глубоко уважаю Дошхона, и его сомнения мне понятны, но я не согласен с его мыслями. Саганутского парня действительно можно было не отдавать. Дело к этому и шло. Мандул и Дугтар — спасибо тебе, Боохой, за находчивость — уже поняли свое поражение. Я надеялся, что Мандул еще поторгуется и, взяв три-четыре лошади, спокойно уедет. Но упрямство Дошхона, не прекращавшего свару с Дугтаром, и эта детская выходка с блеянием все испортили — Мандул «потерял лицо», и ссора превратилась в открытую вражду. Вы слышали его требование о приезде в столицу для разбора, слышали слова Дугтара о каленой стреле. Чем все это могло кончиться? Я знаю коварство Мандула и безрассудство Дугтара. Тысячник, может быть, мало чем отличался в войнах, но из всех военачальников хана только

он с охотой берется за кару непокорных родов среди самих тумэтов. Вся его тысяча набрана из отъявленных негодяев, на совести которых немало жизней аратов. Дуттар не меч хана, а его кнут, и тем улусу ценен. Поэтому я смело могу сказать, что они ни саганута, ни Дошхона, ни меня до столицы не довезли бы. Мы втроем канули бы так, что ни одежды, ни костей вы бы не нашли. Так получилось, если бы с ними поехали и все старейшины. Именно поэтому, полагая, что драчуна они вынуждены будут доставить хану живым, я и взял на себя смелость решить таким образом. Но вы не спешите хоронить этого парня. Пусть Мандул и Дуттар, особенно он, будут постоянно настороже, но путь до Хух-хото достаточно длинен, и вечное небо не оставит молодого саганута в беде одного.

Вот теперь и решайте, кто прав: я или Дошхон.

После недолгого спора старейшины посчитали доводы Дошхона неубедительными и заставили бодонгутского родоначальника повиниться. Саримая предупредили не помнить обид. Выпив в знак примирения дамшаг архи, все, удрученные происшедшим, разошлись.

После полудня, когда тумэты покинули курень, все соплеменники, кроме родоначальников, и вызванные для похода воины двинулись в свои кочевья. Стойбище галзутов как будто обезлюдело.

Тумэты обратно ехали со всеми предосторожностями. Впереди сотни, по бокам и сзади скакали по трое дозорных. Степные балки, узкие места между холмами и сопками, а также лес проезжали только после тщательной проверки. На ночлег останавливались в открытых местах или на вершинах пологих увалов, несмотря на холод и пронизывающий ветер, огня не жгли.

Баясхалана охраняла десятка Тэртэ. Со связанными спереди руками и стянутыми под лошадиным животом ногами он скакал на своем сером коне. На привалах и ночевках его ссаживали и, еще крепче связав ноги, бросали на землю. Ему было страшно холодно, хотелось есть, но его не кормили, а грели только пинками. Тэртэ, которому стало значительно легче, после двух дней пути из походных носилок пересел в седло и все время скакал возле юноши. К мукам от холода и голода теперь прибавились издевательства. Тэртэ то тыкал его копьем, то бил ташуром и плашмя саблей. Заметив горячий норов коня Баясхалана, он начал истязать животное, с целью свалить пленника с седла, что могло кончиться его гибелью. Тэртэ в таком случае смог бы отговориться: если монгол упал с коня — виноват только он, так повелось с самых древних времен. Тумэт то внезапно тыкал под ребра лошади тупым концом копья, то колол его острием в круп. Но все его старания были напрасны. Памятуя советы Бабжи, Баясхалан стойко держался и, стиснув зубы, терпел.

На последнюю третью ночевку тумэты решили остановиться в родовом курене Дуттара. Кочевья хори были уже далеко позади, до Хух-хото оставалось всего полдня пути, и Мандул успокоился. Распределив нукеров по айлам, он и Дуттар расположились у брата тысячника. Десятке Тэртэ достался крайний, не очень богатый айл. За его юртами сразу начинались пастбища, куда были угнаны кони сотни.

Воздавая себе за холод и другие неудобства пути, тумэты спешили основательно поесть и попить. Баясхалану, как обычно, накрепко связали ноги волосяными арканами и бросили внутри юрты у входа. Тэртэ и его нукеры сварили мясо, выпили архи и свалились тут же у очага спать. Остался сидеть у огня небольшого роста сухощавый молодой тумэт.

Баясхалан, ослабленный в пути голодом, холодом и пытками Тэртэ, был близок к отчаянию. В первое время у него была надежда, что родичи или другие соплеменники его отобьют, но когда прошел день, ночь, еще день и ночь, а спасения все не было, вера в избавление у

него померкла. И чем дальше от Болдог-горхона увозили его тумэты, тем горше становилось на душе. Сейчас ему даже есть не хотелось, и сон не шел. Уставившись отрешенным взглядом в тооно, он лежал и ни о чем не думал, лишь изредка шевелил отекшими ногами и руками, стараясь разогнать кровь...

Тумэт, продолжая что-то плести из длинных ремней, тихо тянул одну и ту же унылую песню. Когда он подбросил в очаг аргал, Баясхалан невольно повернул к нему голову и заметил, что из-под его пальцев выходит красиво и ровно сплетенный ташур.

— Что смотришь? — нукер привстал на колени.— Хороший ташур? Вот таким тебя накажут в столице, а может быть, просто удавят.

Баясхалан отвернулся.

— Чего молчишь? Наверное, пить хочешь,— нукер, налив в пиалу кумысу, поднес ко рту пленника и шепнул: — Пей быстрее, пока Тэртэ спит.

Баясхалан сделал несколько судорожных глотков. Тумэт опять сел у огня и принялся за свое занятие.

...Сколько прошло времени, Баясхалан не знал. Когда он начал забываться неглубоким, рваным сном, до юрты донесся отдаленный волчий вой. Тумэт насторожился, поводил вокруг головой и встал. Подойдя к Баясхалану, он проверил на ощупь веревки и успокоенно сел на место. «Еще не зима, а волки ходят прямо у куреня, плохо это»,— пробормотал он и, пошевелив аргал в костре, прилег.

Баясхалан вдруг вспомнил сигналы, которыми Мунко и другие посыльные обменивались на пути к табунщикам у скалистого холма, и внутренне напрягся. Была середина ночи, в тооно отчетливо проглядывались яркие россыпи звезд. Баясхалан осторожно пошевелил руками и ногами — веревки были замотаны и связаны крепко.

Вскоре вой повторился, ему в ответ залаяли собаки, раздался чей-то злобный окрик, и опять стало тихо. Тумэт у огня не шевельнулся. В юрте слышалось только посапывание крепко спящих усталых воинов. Баясхалан, со слабой надеждой на чудо, весь ушел в слух, но в ночи все было спокойно. «Неужели это действительно были волки,— гадал он,— а вдруг — наши».

Через некоторое время у входа кто-то поцарапал войлок полога, потом заурчал и заскулил какой-то пес. Нукер у огня, приподняв голову, прислушался и встал. Собака продолжала скулить и царапаться. Тумэт вполголоса выругался, схватил неоконченный ташур и двинулся к выходу. Баясхалан проследил за ним взглядом: высунув голову наружу, нукер, словно обрел крылья, взметнулся вверх и исчез, только в тусклом свете очага мелькнули подошвы гутулов. Тотчас снаружи послышался глухой стук о землю, сопение и возня. Юноша, весь переполненный радости, с замирающим сердцем оглядел спящих. Никто из них не шевельнулся. Тут полог раздвинулся чуть шире, и в юрту ползком прошмыгнул кто-то босой, холодный и мокрый. Мелькнул нож, и разрезанные арканы упали, освободив ноги и руки Баясхалана.

Молча и бесшумно, ведя с собой незадачливого тумэта, пять человек спустились к реке.

— Плыть можешь? — шепотом спросили Баясхалана.

— Нет. Ослаб.

Тогда, прикрепив к его поясу аркан, велели лечь в воду на спину и вплавь перетащили на другую сторону. На середине реки тумэта, привязав на шею камень, утопили. На другом берегу все оделись. Баясхалану дали сухую одежду, а мокрую положили в переметную суму.

Вскоре пятеро всадников неслышной поступью обернутых тряпками копыт лошадей углубились в степь. Только там Баясхалан окончательно пришел в себя и узнал своих спасителей. Это были Бабжа, с ним двое галзутов и Мунко — его дядя.

В узкой, заросшей кустарником балке их ждали Шодор и около двадцати всадников. К утру они были в кочевьях хори.

...Баясхалана Мунко проводил в отдаленное урочище, где построил шалаш и оставил до лучших времен. Однако его никто искать не стал, и он вскоре вернулся в курень.

Мандул и Дуттар сделали вид, словно ничего не случилось.

18

Старейшины хори после разрешения истории с шаманами и последствий досадной драки молодежи с воинами Дуттара снова собрались у Саримая. Настало время обсудить порядок традиционной, завещанной предками облавной охоты.

В строгом соответствии с древними обычаями хори на этот период делили все роды на два крыла. Левое крыло состояло из охотников старших родов, правое — из охотников младших родов. Кроме того, участники облавы образовывали семь стоянок — огнищ, каждое из которых имело свой уран — боевой, охотничий клич. В крыле левой руки было три огнища: галзуты, как старшие в племени, составляли отдельное огнище и имели уран «даагай»; во второе объединялись шарайты, хуасайцы и гучиты, их ураном был грозный клич «хандагай»; кубдуты, во все времена многочисленный и сильный род, имели свое огнище и не менее грозный клич «бургуд».

Из четырех огнищ правого крыла облавы отдельное было у рода харгана, имевшего уран «бургуй», и рода худай, клич которого «шиоло-а» был самым протяжным и звонким. В третье огнище объединялись батанайцы и бодонгуты, их уран «шио-а» был немного схож с ураном худайцев, четвертое огнище с ураном «шиуо-а» образовывалось из родов хальбин и саганут.

Свои огнища и ураны люди народа одиннадцати отцов запоминали с детства, хотя мало кто помнил, почему и с каких пор племя стало так делиться, почитали их до глубокой старости. Во времена же охоты без уранов не обходились. По ним участники аба хайдак находили расположение своих становищ, по ним распорядители охоты во время выдвижения на исходные места преследования дичи и в период смыкания облавного круга определяли состояние крыльев.

С согласия старейшин родов Саримаем были назначены на каждое крыло по два тобши — отвечающих за порядок и своевременное смыкание облавного круга, по два газарши — людей, хорошо знающих места охоты и двигавшихся в центре крыльев, и семерых галши — нойонов становищ, заботящихся о сборе и перевозке добычи, о пище и крове охотников. Для решения неизбежных споров при охоте, дележе убитых зверей и для наказания виновных в нарушении правил на каждое крыло им же были определены по одному засагулу.

Обговорив все это и объявив свое решение, Саримай хотел назначить время начала облавы и отпустить старейшин, но не стал этого делать. Он почувствовал какую-то незавершенность сказанного и видел, что многие нойоны родов ждут от него еще чего-то. Саримай обвел задумчивым взглядом сидящих и понял: впервые решение об охоте принималось без участия шаманов племени, не прозвучало на совете их мнение... А без них какая же могла быть удача в деле, которое во многом зависело от расположения тэнгриев — духов лесов и гор.

— Нойоны, надо бы решить, где найти дуриску Уялгу, других шаманов,— выразил желание старейшин худайский Залгюр,— без жертв онгонам священное дело начинать немыслимо.

— Залгюр прав... надо непременно их известить...— раздались возгласы старейшин.

— Поручите это мне,— сказал Тарба,— мы ближе всех к месту охоты.

— Хорошо. Тарба предупредит шаманов,— согласился Саримай.

Договорившись, что на второй день после снега все роды соберутся по огнищам на берегу Болдог-горхона у самых предгорий, нойоны разъехались по стойбищам.

В ожидании начала облавы во всех куренях царило оживление: выстраивались кони, готовилось оружие, пополнялся запас стрел, собиралась еда. С особым нетерпением готовились те юноши, которым было впервые разрешено поехать на охоту. Все чаще с нетерпением и надеждой вглядывались они в небо, ожидая снега, но, словно дразня их, каждое утро сияла безоблачная синева. С одной стороны, это было хорошо — легче пасти скот, но с другой, когда снег действительно стал запаздывать, забеспокоились и те, кто постарше. По куреням поползли слухи, что небо не сыпет снегом из-за гонений тумэтов на шаманов. На лам, после отъезда шаманов резко участивших проповеди, стали посматривать злее.

Но вот ближе к концу праздника, когда ущербная луна тускло сияла на небе, снег пошел. Сначала вершины гор, сопок, затем и степь словно покрыло пушистым белым войлоком, потом крупные хлопья повалили чаще и гуще. Через два дня робко заголубели разрывы лохматых облаков, и люди начали было собирать оружие и сумы, как с востока подул сильный ветер. Он волну за волной притащил невесть где собравшиеся тяжелые тучи. Небо над горами и степью потемнело средь белого дня, и снег повалил опять, с еще большей силой.

И снег, падавший сверху, и снег, поднятый яростными порывами ветра с земли, смешался, засвистел, завыл и закружился в неистовой пляске. Казалось, само небо упало на землю и, придавив обветшалые травы, склонив в поклоне кустарник, потрясая деревьями, сплошной колючей полосой бури двинулось на запад по пастбищам и куреням хори. И длилось это три дня и три ночи. Затем небо очистилось, и небывало яркое солнце брызнуло ослепительными лучами на преображенный мир.

Почти все хори, оставив в куренях малых детей и немощных стариков, выехали на пастбища искать разбежавшийся скот. Буря натворила немало бед. Если среди взрослого скота и в табунах погибших животных было немного, то овец и коз под сугробами пало много, недоставало жеребят и телят. Почти полностью спаслись спрятанные в затишье стада, не пострадали верблюды, но потери все же были очень ощутимы. Ветер принес хори большое горе, но он же спас от белого дзута, так как унес большую часть снега с пастбищ, и длительная бескормица, которая могла медленно погубить чуть ли не весь скот, не угрожала. Поэтому старейшины родов, объехав и осмотрев свои земли, решили пастбища не менять и курени оставить на прежних местах.

Постепенно охватившее людей потрясение улеглось. Жизнь входила в прежнее русло. Настало время вспомнить о тэнгриях и духах. Но из-за отсутствия шаманов достойным образом умилостивить их было трудно. В некоторых родах, как у саганутов — Барас, соответствующие обряды исполняли кузнецы или кто-то из стариков, смысливший в заклинаниях, а в некоторых куренях ограничились домашними жертвоприношениями. Но в это время дали о себе знать забытые всеми в эти черные дни ламы. Пользуясь бедой и растерянностью людей, они сумели показать свое сочувствие к горю народа. Во-первых, они собрались группами по три-четыре и во всех куренях провели благодарственные молебствия. В течение трех дней и ночей над стойбищами вместо рокота хэсэ и заклинаний шаманов в установившейся после метели и бури тишине гремели бискигуры, цанги, хэнгэргэ, звучали басистые голоса лам, хором читавших на чужом языке сутры и тарни святого учения. Во-вторых, они отправили в Хух-хото двух наиболее ученых лам, и те убедили хунтайджи и хана не взимать до благополучных времен с хори албан...

Между тем пришло время начинать и общинную охоту. По многим долинам и падям к Болдог-горхону потянулись из куреней целые отряды вооруженных верховых. Среди всадников было немало женщин и девушек, которым обычай не запрещал принимать участие в молодецком занятии, ехали и улигершины — какая охота могла быть удачной,

если перед этим не послушать героических преданий о мэргэнах былых времен? Навстречу всем с верховий Болдог-горхона ехали сопровождаемые Бурхи шаманы.

В неподвижном стылом воздухе предгорий по берегам Болдог-горхона задымились семь огнищ, зазвучали старинные ураны, засуетились, захлопотали на стоянках беспокойные галши, устанавливая с выделенными им охотниками юрты и майханы, обустраивая все походное хозяйство...

...Одинокий старый лось, чутко шевельнув ушами, поднял голову: за ручьем по склону пади, вздымая снежную пыль, вихрем неслись испуганные изюбры. Впереди бежал громадный светло-бурый вожак, за ним несколько телят-годовиков и четыре матки. Не задев ни единой ветки, не хрустнув сучком, они скрылись в чаще. Лось настороженно поводил ушами: все так же монотонно, чуть покачивая на ветру вершинами, шумели матерые сосны, шелестели на ветках кустарника чудом оставшиеся после бури засохшие листья, попискивали под снегом мыши, и где-то вдали стучал дятел. Зверь наклонился и стал обгрызать нежные, красноватые побеги тальника, в изобилии росшего по берегам ручья.

Переждав непогоду в густом березняке у подножия лысой каменистой сопки, лось уже неделю бродил по лесам в поисках хорошего кормового места, там-сям перебиваясь корой осинника, ветками ерника. Наконец-то сегодня на рассвете он наткнулся на заросли густого тальника и не скоро собирался покинуть эту падь.

Объев верхушки нескольких кустов, лось подошел к журчащему под тонким льдом ручью, ложе которого было почти незаметно среди покрытых глубоким снегом высоких кочек. В этот миг ему показалось, что в окружавшие его привычные звуки вмешалось что-то чуждое. Перестав жевать, он прислушался. Чуткий слух уловили далекий собачий лай. Лось не спеша вышел на лед ручья, разбив его копытами, напился, поднявшись на другой берег, высоко вскидывая длинные могучие ноги, ровной рысью побежал прочь.

Лай собак приблизился, послышались треск сучьев, говор людей и конский всхрап. В падь выехали два всадника в остроконечных малгаях и длиннополых овчинных дыгэлах. Перед ними, устало высунув языки, бежали на коротких поводках два лохматых, вислоухих пса. Наткнувшись на следы лося, они вздыбили загривки и стали шумно и жадно принюхиваться.

— Смотри, Шалдан, вот свежие следы лосей,— один из всадников — Бурхи, назначенный газарши крыла младших родов,— ткнул наконечником копья в подтаявшее углубление в снегу,— один из них тут долго стоял и ел ветки тальника.

— Ты верно говоришь. Надо предупредить по цепи, как бы не выпустить их из круга,— забеспокоился Шалдан и вскинул лук — тяжелая сигнальная стрела с резким, далеко слышным свистом устремилась ввысь. Позади них раздались крики, разноголосьем прокатившиеся далеко влево и затихшие где-то за высоким отрогом хребта.

— Ну, ури, поехали. Скоро должны сойтись тобчи,— заторопился Бурхи.

Всадники, стегнув распаренных лошадей и придерживая рвущихся с поводков собак, двинулись по ручью вверх.

Около полудня по цепи охотников передали, что у самого перевала оба передовых тобчи сошлись — аба хайдак замкнула облаву и вступила в самый ответственный период. Охотники развернулись, приготовили оружие, затем, постепенно смыкаясь, двинулись к условной середине круга.

Баясхалан, ехавший между Болзоем и отцом, вынул из колчана длинную стрелу с широким ножеобразным наконечником, взял ее

вместе с луком в левую руку и, стараясь верно выдержать направление, тоже повернул коня.

Непросто было ехать по снежному лесу. Буреломы, чащи, россыпи камней, скалы, крутые склоны сопок, незамерзающие ручьи и талые болота — все затрудняло движение. И надо было через все это проехать, пробиться так, чтобы не отстать от цепи облавщиков, не вырваться вперед, и главное — ни в коем случае не упустить из круга добычу.

Баясхалан теперь знал, что кроме желанной, увлекательно-страстной стороны, о которой известно по многим рассказам старших и сказаниям старины, охота имеет и другой облик, суть которого — тяжкий труд. Когда отец год назад сказал, что мучения охотника равны ста дням, а радость — одному, и не взял его на облаву, Баясхалан ему не поверил и долго носил в себе обиду. И теперь, когда круг охотников заметно сузился и стали видны соседи слева и справа, а впереди в косых лучах предвечернего солнца среди стволов деревьев замелькали носившиеся от цепи к цепи обезумевшие звери, доносился их топот, рев и хрюканье, его охватили сильное волнение и смутный страх. Он начал понимать, что это занятие, кроме всего, еще и опасное.

На большой поляне у слияния двух речек, где местами торчали голые стволы чахлых лиственниц и росли среди муравейников и кочек редкие, невысокие кусты ерника, творилось что-то невообразимое. На этом пространстве метались согнанные в одно разношерстное стадо, зажатые со всех сторон разные звери, какие только водились в верховьях Болдог-горхона. Став тесным кругом, около пяти тысяч всадников стали их выборочно бить. Стреляли и мелких, и крупных животных, оставляя нетронутыми часть маток и молодняк. Стремившихся вырваться из кольца зверей били на бегу стрелами или кололи копьями. Снег на поляне вскоре окрасился кровью.

Баясхалан несколько раз порывался сразить лосей, но всякий раз его опережали, мелких животных он, боясь промахнуться, не стрелял. Но вот громадный кабан, в загривке которого торчала чья-то стрела, выскочил из толчеи и бросился прямо на него. Только Баясхалан начал натягивать лук, как услышал яростный крик Болзора:

— Оставь! Стрелой не возьмешь!

Соскочив с лошади, тот с копьем в руках побежал наперерез. Когда кабан, брызгая из пасти кровавой пеной, был от него в нескольких шагах, Болзор стремительно нагнулся, приставив древко копья к кочке, направил наконечник прямо в грудь животного. Кабан с хрипом подогнул ноги и замертво повалился вбок. В этот миг Баясхалану наконец-то повезло: вслед за кабаном побежала матка с поросятами, и ему удалось выстрелить. Стрела пробила лопатку и глубоко засела в теле животного. Детенышей, хотя они были довольно крупными, отец стрелять не разрешил.

Через некоторое время облавщики убили достаточно животных, и охота подошла к концу. Привязав коней, все принялись стаскивать добычу в одно место. Пушных зверьков сложили отдельной кучей.

С криками: «Бара-а, бара-а, баро-о...» подъехали Саримай, все четверо тобши и оба засагула. Начался дележ добычи.

Сначала засагулы — Гутар, койон хальбинов, представлявший младшие роды, Боохой — от старших родов — велели разобрать туши зверей, насчет которых не было споров, кто убил. Их тут же растащили и начали свежевать. Потом они стали осматривать стрелы и раны в тех тушах, которые охотники оспаривали. Если в теле животного было несколько стрел, их вынимали, измеряли глубину поражения.

Убитого Болзором кабана стал отчаянно оспаривать один из гучитов. Призывая в свидетели тэнгриев, он показывал засагулам обломок торчавшей из загривка стрелы и громко утверждал, что рана, нанесенная ею, была смертельной и что охотник саганутов только добил ослабевшее животное. Засагулы вынули обломок и пришли к мнению, что

рана не могла быть столь сильной. Так быстро разобрались почти со всей спорной добычей, кроме огромного лося, в боку которого торчали глубоко вонзившиеся четыре стрелы. Боохой предложил тут же освежевать зверя и проверить, чья стрела сидит наконечником в его сердце. Спорщики быстро ободрали лося и разрубили его повдоль. Оказалось, что сердце животного пробила стрела Бабжи, которую засагулы определили по оперению, так как у всех его стрел они были сделаны из передних перьев орлиного правого крыла и, вращая стрелу по ходу солнца, наносили соответствующие ранения.

Затем засагулы обвинили восемь облавщиков из разных родов в том, что по их вине из круга ушли несколько зверей. Это подтвердили и другие охотники. Боохой перед толпой облавщиков поставил всех восьмерых на колени. Гутар вынул из их колчанов по три стрелы и с треском сломал над поникшей головой каждого.

Одиннадцать охотников, которые отстали от цепи и догнали всех уже тогда, когда облавный круг был замкнут, тоже поставили на колени. Над головами этих облавщиков засагулы, достав из их колчанов по две стрелы, растрепали оперения...

Туши зверей были разделаны, мясо и шкуры уложены в переметные сумы. Все сели на коней и к сумеркам были внизу у своих огнищ, где уже, дразня проголодавшихся людей, вкусно пахло жареным на углях мясом и над котлами с чаем клубился пар.

Когда сагануты и хальбины угоняли коней на пастьбу, Болзор предупредил Баясхалана, чтобы не отпускал своего коня: они вдвоем поедут по важному делу. Озадаченный юноша отвел солового коня Болзора и выделенного ему Бурхи из табуна жеребца в сторону к деревьям, привязал.

«И куда собрался этот беспокойный человек на голодных лошадях,— думал он.— Почему он часто ездит по ночам?»

После еды у костров пошли разговоры вокруг событий дня, вспоминались случаи из прошлых аба хайдак, потом улигершины и некоторые хорошо умевшие рассказывать охотники из стариков принялись за старинные предания. Больше всего людей сидело вокруг костра Хусы, где Боco рассказывал улигер о смелом и удачливом охотнике Хэедэр-мэргэне...

На самом интересном месте, когда Хэедэр-мэргэн, женившись на красавице небесного происхождения Булган Жабхай, вступил в единоборство за право обладания ею с сыном тэнгрия Болдор-мэргэном, братом красавицы, Баясхалана позвал Болзор. Уловив кивок Тарбы, он поднялся. Болзор подвел своего коня к огню, сложил в суму два стегна кабаньего мяса, и они отъехали. Узнавая места по известным только ему приметам, Болзор к середине ночи повернул в узкую долину среди скал. По ее дну протекал черной полоской небольшой стремительный ручей. Вскоре впереди мелькнул огонек костра. Навстречу путникам со злобным лаем бросился огромный пес.

— Янгар! Своих не узнаешь! — сердито крикнул Болзор.

От костра подошел высокий человек и принял у них лошадей.

— Амар сайн,— поздоровался Болзор и спросил: — Все в сборе?

— Все, кроме бодонгутского Зангилы.

— Где дурисха?

— В юрте.

— Ты с парнем свари мясо,— сказал Болзор Баясхалану и пошел в юрту.— А лошадей стреножь и отпусти, тут по ручью хорошая ветошь,— добавил он, остановившись у самого входа.— Будем ночевать.

Когда рубили у костра мясо и складывали в большой черный котел, Баясхалан в высоком человеке узнал второго исунгута Ногто. Заметив, что юноша часто с опаской оглядывается на собаку, тот подал ему кусок мяса и сказал:

— На, покорми с рук и давай маленькими дольками, пусть запом-

нит. В следующий раз, может быть, тебя отправят сюда одного, так что знакомство пригодится.

Они налили в котел воды, добавили в костер дров, молча посидели. Потом исунгут расспросил Баясхалана про облаву, про количество охотников и добытых зверей.

Пес вдруг вскочил и с лаем кинулся по ручью вниз. Баясхалан на полуслове умолк, а исунгут, вытянув шею, прислушался. Когда лай перешел в виноватое повизгивание, собеседник опять продолжил расспросы.

— Жаль, что в этом году мне не удалось поохотиться, в горах выпал небывалый снег, почти все звери ушли оттуда в долины и пади. Там, наверное, остались одни яманы и их извечные враги — снежные барсы,— с сожалением сказал он и, услышав топот, поднялся, чтобы встретить подъехавшего всадника. Тот, отдав лошадь, мельком взглянул на Баясхалана и ушел в юрту. Баясхалан начинал догадываться, что здесь, недалеко от пещеры со спрятанными онгонами саганутов, этой ночью собираются все шаманы хори и хотят, видимо, решить какое-то важное дело.

В котле забурлило, повалил густой пар. Растолкав по сторонам костер, они железным крюком вынули из котла чуть красноватые, исходящие соком куски мяса, сложили в деревянную тарелку и корытце. Исунгут отнес их в жилище. Когда вернулся, вдвоем подхватили котел и понесли туда же.

Там было жарко и светло от ярко горевших в очаге сухих веток. Сняв малгаи и расстегнув до пояса дыгэлы, сидели одиннадцать человек. Каждый из них вынул из-за пазухи и подал исунгуту пиалу, Баясхалан налил в них горячий бульон, исунгут положил между тарелкой и корытцем кожаный мешочек с толченой солью. Потом они вышли и стали жарить на углях куски кабаньего мяса.

— Давно я не ел свежего мяса,— проговорил исунгут, моргая заслезившимися от дыма глазами и быстрым движением отрезая у самых губ куски свинины.— А белая пища у нас кончилась неделю назад.

— А шаманы все так и живут тут? — спросил Баясхалан.

— Да. Все, кроме нашего Ногто, или Болзора, как зовут его теперь в курене.

— Саганутыы поступили правильно, сделав из одного шамана двух людей. Лама думает, что дурисха Ногто изгнан, как и все, из рода, и не обращает никакого внимания на Болзора,— довольно сказал Баясхалан.

— Эта выдумка твоего деда и дурисхи оказалась очень удобной. Ногто под новым именем ездит везде и стал самым близким нукером верховного шамана. Три дня назад он предупредил нас о начале облавы, а до этого ездил в Хух-хото,— исунгут отпил большой глоток холодной воды прямо из хунэга и схватил с углей большой кусок мяса.

— Знаю. Я тогда его сопровождал. Только не пойму, в какое время дурисха отправил туда Туесука,— сказал Баясхалан.

— Туесука в Хух-хото послал не дурисха, а нойон Тарба. Там живет его давнишний тала из тумэтов.— Только ты никому об этом не говори...

Костер догорал, угли потемнели, покрылись серым налетом. Вокруг было очень тихо, и слышались лишь журчание ручья да звон колец от треножников пасущихся лошадей. Стало подмораживать.

— Ну, хватит, что-то я сегодня разболтался,— исунгут вытер о голенища гутула нож и поднялся.— Пошли спать в юрту.

Баясхалан собрал у костра остатки дров, исунгут захватил две дымящиеся головни, раздул их, и они зашли во вторую пустующую юрту.

А там, где сидели шаманы, действительно начался важный разговор.

Как только все наелись, Уялга обвел сидящих мутным взглядом и заговорил:

— Шаманы! Черная тоска заполняет мое сердце, когда подумаю о судьбе народа одиннадцати отцов. Алтан-хан твердо вознамерился вывести с корнем древнюю веру монголов в своем улусе. На наших глазах усиливаются ламы, в тумэтских родах уже не остается служителей неба, и люди, лишенные благосклонности духов, перестают поклоняться онгонам предков, вместо вечного синего неба и матери земли поклоняются бронзовым идолам. Надзигается эта беда и на племя хори. Что они думают и что говорят?

Молча выслушали эти слова собравшиеся, отвечать никто не торопился.

Немного подождав, Уялга сказал:

— Говори ты, дурисха Унну.

Унну поднял голову, взглянул на ничего не выражающие глаза верховного шамана и вновь уткнулся вниз.

— Или мы так и будем жить в этой берлоге? — повысил голос Уялга.— Почему молчишь?

— Старейшины кубдутов и сам Борюхай рады, что буря не так сильно погубила скот,— тихо проговорил Унну.— Они благодарят лам за то, что упросили хана отсрочить албан. Нойон мне вчера сказал, что перед снегом у него гостил галзутский Буржу и подбивал на побег за перевал, на север...

— Ну и что он ему ответил? — вопросил Уялга.

— Борюхай советовался со стариками, и они решили, что поступят как все.

— Так. С дохлой овцы хоть шерсти клок.— Уялга повернулся к гучитскому шаману Соло.— А что думает твой Мэргэн-Шара?

— Гучиты побежали бы хоть завтра, но снег... и зима...

— Хорошо.

Так Уялга опросил всех. Оказалось, что нойоны и старейшины всех родов еще перед бурей обсуждали возможность побега и все вроде бы не против, но ссылаются на зиму и трудности пути из-за снега.

Верховный шаман, не отпуская собравшихся, надолго замолчал. Из неуверенных ответов некоторых шаманов ему стало ясно, что мысль о побеге в Халху многим старейшинам родов не понравилась. Конечно, зимой, да еще такой снежной, нельзя трогать скот с места, но, кто знает,— думал он,— к лету они могут придумать другие причины отказа. Да и ламы не будут сидеть всю зиму просто так — опутают глупых людей, а те, как многие тумэты, забудут, что когда-то поклонялись небу и духам, начнут учить новые молитвы и будут довольны, лишь бы было что есть и пить. Надо что-то предпринять, иначе возврата к народу не будет.

— Шаманы,— заговорил наконец,— поезжайте к огнищам, расскажите людям, что в первую весеннюю луну хунтайджи заберет от хори всех дарханов и три тысячи мужчин для работы в монастыре. Китайцы Хух-хото не успевают тесать камни и месить глину, а хану нужно со стрсительством торопиться. Самая черная работа ждет этих людей, а пищей им будет только сваренное в воде просо. Летом, после освящения храмов, заберут от нашего народа на учение тысячу мальчиков. Пусть люди это знают и думают уже сегодня, как должны мы все поступить.

Завтра мы с дурисхой Ногто едем в Халху. Встретимся с их шаманами и постараемся, чтобы к приезду туда посланцев Саримая владетели северной стороны были настроены к ним благосклонно.

А вы, каждый из вас, не тратьте время на набивание животов мясом и архи, а охотьтесь, как все облавщики. Всю свою долю добычи везите сюда. Зима длинная, делать хэрэг здесь некому — значит, и кормить-поить нас тоже некому. Каждый из вас за время охоты пусть заимеет по десять-двенадцать нукеров, притом таких, которые пойдут

за вами хоть в пасть мангадхаю. Придет время, и они вам пригодятся.

К середине следующей луны мы вернемся, надо будет подыскать стоящее место и сделать для всех облавщиков тахил, но перед этим за день я должен знать от вас о ходе облавы, о всех удачах и несчастьях, что, с кем и когда приключилось. Вы поняли меня?!

Шаманы попрощались. Зябко кутаясь в шубы, спотыкаясь в темноте о камни и кочки, поймали лошадей и гурьбой тронулись в путь.

19

Вот и пришла на земли хори долгожданная весна! От яркого солнца, с каждым днем поднимавшегося все выше и выше, и ветра, все чаще ласкавшего теплым дыханием степные холмы и пастбища, снег потемнел. Начал быстро таять, мутными потоками скатился в ручьи и речки, тысячами сверкающих озерков заблистал по впадинам и лужайкам степи. Лишь в густом лесу да по тенистым сопкам снег еще держался ноздреватыми темными сугробами, скрывался в оврагах и расщелинах. На солнцепеках робко пробилась первая трава, рассыпались пушистые голубовато-фиолетовые подснежники, нежной зеленью засветился лиственничник.

Однажды безоблачным сияющим днем над куренем саганутов с трубными криками, словно заклиная людей сохранить чистоту помыслов и дел, пролетел на север бело-розовый клин лебедей. Услышав птиц, из всех юрт высыпали люди. Старики и женщины стали брызгать вслед каравану священных предков жертвенным молоком. Три раза окунув в хунэг с молоком ритуальную ложку с девятью углублениями, махнула в сторону севера и Эрэкшэн. Проводив птиц взглядом, пока те не скрылись за вершинами гор, старуха стала искать кого-нибудь из внуков.

— Сэргэ-э, Онго-ор, Абугу-у-л! — раздался вскоре ее громкий крик.— Сходите за аргалом.

Пасущие за куренем двух овец мальчики, схватив сплетенные из ивовых прутьев корзины, побежали в степь. Старуха озабоченно оглядела овец, что-то невнятно пробормотала, покачивая головой.

К весне с пищей становилось плохо. В конце зимы редко у кого осталось нетронутым «нари» — заложенный с осени в берестяные бочки, врытый в землю с теневой стороны юрты и засыпанный снегом запас мяса на весну. В большинстве юрт ели в основном белую пищу да заготовленные впрок высушенные ягоды, дикий лук, истолченный в ступе сульхир и верблюжатник, которые поджаривали с маслом и добавляли в чай.

Однако Эрэкшэн, несмотря на все трудности, с осени оставила не забитыми две овцы из доли своего айла и старалась, чтобы они не отощали. А берегла она овец вот почему — в юртах Энгэра и Бэлгэ к концу первой весенней луны должны были появиться по четвертому ребенку. Рожениц полагалось подкормить свежим мясом.

...Однако Эрэкшэн немного ошиблась. На пятый день после второго весеннего новолуния, ранним утром, в юрту стариков прибежал взволнованный Энгэр:

— Мать! Началось... Муулен послала к вам.

— Ты чего испугался? Будто бы в первый раз,— сердито проговорила давно ожидавшая этого дня Эрэкшэн, поднимаясь с постели.— Беги за Галбай, да малгай одень!

Старуха торопливо засеменила к юрте Амгалана и разбудила старшую невестку. Вдвоем они подложили в очаг Энгэра хворост, в правой половине юрты освободили место, расстелили кошму, сверху толстым ровным слоем насыпали высушенный толченый аргал, застлали все это куском бязи и в изголовье приготовленного ложа поставили вверх дном корзину.

— Ничего, не олень рогатый готовится на белый свет из твоего чрева, а дитя,— грубовато приговаривала старуха, укладывая рожени-

цу, которая с тонким подвыванием стонала и скрипела зубами.— На! Держись за корзину. Да помогут тебе мать златонедрая земля и вечное небо!

Жена Амгалана быстренько растормошила сыновей Энгэра. Бултамур. Мэнгэ и Сагадай поспешно оделись и убежали в юрту к деду.

Вскоре пришла самая почетная женщина рода — пятидесятилетняя, полная, румяная, с живыми быстрыми глазами и мягкими сильными руками повивальная бабка Галбай, по обычаю считавшаяся матерью всех тех, кого она приняла при родах.

Благодаря опыту и стараниям Галбай, Муулен разрешилась четвертым сыном. Счастливый отец, да и все люди айла облегченно вздохнули. Но радость продолжалась недолго — у роженицы задержался послед. Через некоторое время из юрты Энгэра вышла осунувшаяся и потная Эрэкшэн. В руках она держала тэрлиг Муулен, который повесила на зэлэ и молча прошла в свою юрту. Мужчины ее поняли без слов. Взяв луки, они стали метать в заднюю полу тэрлига тупоконечные стрелы для охоты на белок и колонков. Отчаявшийся Энгэр, не обращая внимание на укоризненные взгляды братьев, изо всей силы натянул тетиву и прострелил насквозь тэрлиг жены красной боевой стрелой. То ли помогло это, то ли ниспослали благодать духи предков, но к концу дня все завершилось благополучно.

На следующее утро Баясхалан ускакал в курень хуасайцев — обрадовать сватов, пригласить их в гости на родинный обряд.

Праздник «милангут» в айле Хусы начался шумно и весело. От хуасайцев приехали отец Муулен — глава большого семейства Баримта, его жена Мандухай и, к великой радости Баясхалана, Бабжа.

Мужчины чинно расселись в юрте Хусы. За праздничной трапезой произносились благопожелания Энгэру, его сыновьям, жене и всему айлу. Невысокий, сухощавый, степенный Баримта, после того, как Болзор принес необходимые для такого случая жертвы, поднял полную хундагу архи и сказал:

— В трудное для нас время родился у Энгэра сын. Весна года земли-зайца тянется, словно баранья тонкая кишка, и не видать ей конца. Роды потеряли много скота, пастбища обеструавлены, все трудней удерживать на них стада и табуны, а дарга Мандул почему-то медлит, не говорит, когда и куда нам двигаться. В память об этой тяжелой весне и чтобы он рос терпеливым и стойким, четвертого сына своей младшей дочери, пользуясь правом, отведенным мне обычаем нашего народа, нарекаю именем Хату-Хавар. Да будет его судьба легче нашей, а жизнь долгой и счастливой!

— Да исполнятся ваши слова! Да сбудутся благопожелания! — раздались возгласы.— Пусть будет ему удача во всем! Пусть растет здоровым и счастливым!

Баримта выпил архи до дна, ему последовали все присутствующие.

Разговор постепенно перешел на волнующие всех вопросы: когда позволят родам перекочевать на новые пастбища и что за албан ждет всех в ближайшем будущем.

— Худа, что говорят в вашем курене о строительстве монастыря? — озабоченно спросил Хуса у Баримты.

— Зимой, когда я ездил с нашим караваном торговать в Калган, мы заезжали в Хух-хото. Монастырь я видел... Строительство шло небывалое. Место отведено для храмов и мастерских величиной с ваш курень, если не больше. Наружная стена такая высокая, что через нее, наверное, не перебросит малгай даже такой силач, как наш Бабжа. Людей работало там целый тумэн, в большинстве монголы. Встречал и тангутов, и китайцев. Китайцы кладут стены храмов, обучают монголов своему искусству, почти все надсмотрщики из них. А тангуты все работают в мастерских по книгопечатанию и литью бурханов, колокольчиков и чашечек для алтарей новой веры. В то время строительство было еще не закончено. Много работы до завершения, наверное,

и сейчас. Когда люди поговаривают, что хан угонит туда и наших мужчин, я начинаю в это верить. Ведь трудятся там монголы из тумэтских родов...

— А как живется там всем этим людям? — поинтересовался Амгалан.

— Жизнь там ужасная, хуже я не видал. В юртах, говорили, обитает по тридцать человек, еда плохая, мяса дают очень мало, больше кормят вареным просом, белой пищи почти нет. Все завшивели, многие болеют и умирают. Порядок твердый, за больного долю работы заставляют делать его десятку, лишь после смерти добавляют нового человека. А мертвых вывозят за городскую стену и там сжигают.

Некоторое время все подавленно молчали. Каждый представил себе эти мучения и внутренне содрогнулся.

— Не дай нам, вечное небо, испытать это на себе и увидеть своими глазами,— угрюмо проговорил Хуса.— А что слышно от Саримая?

— К нам на днях от него приезжал шахар,— Баримта отложил обглоданную кость баранины, вытер руки. Дед Бабжи спешно собрался и уехал к галзутам. Тебе он что-нибудь говорил? — повернулся старик к Бабже.

— Нет, почтенный старейшина, он сильно торопился.

— Наш Тарба тоже уехал к Саримаю, вестей пока нет,— сказал Хуса и знаком велел Алдару принести чай.— Нелегкие времена настали. Все собралось на голову хори разом: гонение на шаманов, жестокая буря, голодная весна. Что ожидает нас летом?

Хуса задумчиво склонил голову. Молчали гости и сыновья. Болзор безмолвно сидел рядом с Баримтой и, прищурив глаза, тоже думал о чем-то своем.

Женщины занесли котел, разлили по пиалам чай. Баримта отпил глоток, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Тревожно на душе. В курене нашем молодежь стала неспокойной. Все усиленно вооружаются. У дархана Бойсора в кузнице молот стучит и день, и ночь, из добытых осенью сохатиных шкур очень многие сделали щиты, шлемы и куяки, железных пластин на них даже не хватило, целыми пучками изготовили боевые стрелы. Боохой видит это и не запрещает. Эх, наворожат эти юнцы на нашу голову войну, чует мое сердце!

— Да что там молодежь! — воскликнул Хуса.— Вон наш сосед, бодонгутский Дошхон, зимой вместо чая и котлов наторговал в Калгане железо, с тех пор в горне их дархана ни разу не гас огонь. Говорят, вооружил всех родичей и, мало того, разбил на десятки и сотни...

— Почтенный Баримта,— спросил молчавший до этого Болзор,— мне помнится, что в вашем курене осенью усиленно поговаривали о побеге в Халху. Как с этим делом у вас ныне?

— Осенью, особенно после аба-хайдак, об этом в курене было много разговоров. Однажды нойон Боохой даже собирал стариков и мы советовались... Но тогда ведь был большой снег, перевалы были недоступны. К тому же мы не знали и не знаем, примут ли нас нойоны Халхи, есть ли там свободные пастбища и осмелятся ли они вступить с Алтан-ханом в спор.

Болзор выслушал Баримту очень внимательно, не сводя со старика напряженного взгляда черных глаз.

— В том, что Халха примет нас, сомнений быть не может,— Болзор махнул рукой в сторону севера и повысил голос.— В монгольской степи еще ни один нойон не отказывался от увеличения числа подданных, а тут целый народ сам идет в их руки. Думаю, что они и Алтана не побоятся. Гонения в тумэтском улусе на шаманов, разрушение святилищ и другие черные дела хана давно не нравятся остальным потомкам Чингис-хана.

— Сомнения напрасны,— продолжал Болзор уверенно.— Осенью мы с Баясхаланом сопровождали дурисху Уялгу к шаманам Халхи.

Наш верховный шаман тогда договорился с их шаманами, чтобы к середине первой весенней луны они обговорили наши обстоятельства со своими нойонами и постарались, чтобы те приняли наш народ как братьев. Не пройдет и семи дней, как от них через наши кочевья должны проехать к Саримаю послы Халхи. То, что Саримай собрал нойонов родов, говорит о том, что дурисха Уялга находится уже в курене галзутов и там решают судьбу племени...

— Отец, почтенный Баримта и ты, Болзор,— загорячился и молчавший до сих пор Мунко,— надо нам вспомнить те времена, когда наш народ жил у Байкала вольно и был сильным, многочисленным, независимым, когда он и не думал о том, чье ярмо мягче: того хана или того нойона. Надо уходить в Халху и спуститься со скалистых гор в их нутуги не только униженно просящими земли и милости людьми, но и сильным, хорошо вооруженным войском. Пусть нойоны северной стороны увидят не только наши стада, но и наши тысячи. И осенью, во время облавы, и зимой наши воины часто встречались с воинами других родов, почти вся молодежь племени и большинство зрелых мужчин считают, что это правильно. Поэтому во всех куренях усиленно вооружается не только молодежь, но и бывалые воины и пастухи. Бодонгутский Дошхон, если уже составил из родичей десятки, сотни и собрал тысячу, прав. Вам, старейшинам, надо последовать его примеру.

По загоревшим глазам Алдара, Бухэ, Соло, Бэлгэ, Энгэра и других сыновей Хусе стало понятно, что долговязый молчун выразил их общее стремление. Старик ничего сыну не возразил. Обменявшись многозначительным взглядом с Баримтой и Болзором, он молча принялся допивать остывший чай...

Ранним утром следующего дня Бабжа и Баясхалан поехали в верховья Болдог-горхона на богатые, издавна известные саганутам солонцы. Бурхи, который как раз находился в курене, уверял, что туда в это время обязательно должны наведываться изюбры-пантачи, а словам человека, знающего тайгу и повадки зверей, как привычки опекаемого им табуна, можно было вполне доверять.

Вечером, когда солнце стало краем задевать горные вершины, а по ущельям скапливался и быстро густел влажный сумрак, охотники свернули от реки в глухой распадок. Остановиться решили под замшелой, от древности во многих местах треснувшей скалой из розового гранита.

Пока Баясхалан снимал с лошадей поклажу и седла, пока отводил их на кочковатую поляну, густо заросшую по весенней гари молодой травой, и, стреножив, отпускал пастись, Бабжа развел небольшой костер и вскипятил чай. Прежде чем сели подкрепиться, он принес в жертву духам окрестных мест первинки пищи и архи...

К солонцам вела узкая извилистая, порой теряющаяся тропинка. Охотники вышли в неширокую, зажатую с двух сторон сопками падь. Солонцы — цепочка изъеденных не одним поколением таежных обитателей ямок — тянулись вдоль подножия правой сопки. Местами ямы были глубиной по колено, и на дне их белел хужир — выход соли из земли. Шагах в тридцати-сорока от солонцов, сливаясь с каменной осыпью, с обнажившей песок и гальку подошвой этой сопки, были сооружены укрытия для засады-скрадки. Неподалеку в кустарнике чуть слышно журчал ручеек, за ним угрюмо громоздилась другая сопка, покрытая матерой лиственницей.

Края и дно солончаков были истоптаны изюбрами, косулями, кабанами, виднелись и отпечатки заячьих лапок.

— Смотри! — Бабжа взволнованно указал на большой глубокий след.— Это оставил крупный пантач, был он здесь прошлой ночью.

По тому, как след широких копыт на концах был чуть изогнут во-

внутрь, он решил, что зверь, должно быть, старый, с крупными рогами. Сходив к трухлявой березе, Бабжа набрал горсть превратившейся в прах мучнистой древесины и подкинул вверх. Пыльное желтое облако потянулось в сторону низины, медленно осело в траву.

— Вот и хорошо. Надо сесть вон там — зверь, откуда бы не пришел, нас не сможет учуять,— довольным тоном сказал он, показав на ближнее укрытие.— Только надо наломать сосновых веток и чуть прикрыть камни.

Баясхалан, во всем полагавшийся на опыт друга, молча кивнул.

...К ночи ветер совсем затих. Лишь порой тишину нарушал легкий шелест молодых листьев кустарника. Время тянулось медленно. Комаров было еще мало, но нет-нет да под ухом слышался их злобный писк, следовал едкий укол в лицо или шею. Приходилось терпеть, неосторожное движение могло выдать.

— Я немного вздремну. Как только взойдет луна, разбуди,— шепнул Бабжа и, удобно прислонившись к нагретым за день камням, уснул.

Баясхалан остался как бы один. Он внимательно всматривался в размытые темнотой очертания солонцов, кочек и бугорков за ними, боясь пропустить малейшее движение. Но тщетно — все по-прежнему оставалось на местах, словно застыло навеки. Вспомнив высказывания о том, что в ночной засаде лучше полагаться на уши, Баясхалан приподнял голову и, раскрыв рот, напряженно прислушался. Сперва показалось, что кроме привычного звона тишины, ничего не слыхать. Но нет. Вот еле слышно пролетела какая-то птичка, рядом в камнях что-то зашуршало, и раздался тонкий писк. «Мыши» — решил он. Немного погодя где-то на дальнем лесном болоте гулко заревел водяной бык — выпь, снова тишина.

...И опять, в который раз Баясхалану вспомнилась Аргали. В сагалган, когда они с ней подружились в курене галзутов, он не придал случившемуся особого значения, хотя был поражен ее красотой. Глаза Аргали, ее гибкий и сильный стан, особенно граничащая с дерзостью смелость, которая, как ни странно, вполне уживалась в ней с мягким, почти нежным обращением, почему-то не забывались, хотя прошло уже полгода. Временами он мечтал о новой встрече с ней, а порой она ему снилась. Первый раз случилось это осенью прошлого года, когда он сопровождал Уялгу и Ногто в кочевья Халхи. На трудном и опасном пути через горы однажды им пришлось ночевать без огня. Пустив стреноженных лошадей на ветошь крошечной полянки, путники, опасаясь промышлявших невдалеке неизвестных охотников, забрались под ветви громадной ели и, тесно прижавшись друг к другу, уснули. Где-то в середине той длинной и студеной ночи он и увидел этот сон. Одетая во все белое Аргали не спеша ехала на вороном коне по цветущей степи. Баясхалан кинулся ее догонять, однако ноги были словно чужими и никак не хотели бежать. Аргали несколько раз оглянулась и, грустно улыбнувшись, все так же неторопливо уехала вдаль и вскоре растаяла в каком-то синем тумане. Он видел Аргали во сне после и каждый раз не мог ее догнать — то ноги отказывали, то подводил конь.

Как бы часто девушка не грезилась ему, он даже в мыслях не мог признаться, что любит ее, а сказать об этом вслух или поделиться с кем-либо своими переживаниями было свыше его сил. «Может быть,— думал он,— само небо хочет соединить нас, а я, дурень, своим молчанием только навлекаю на себя его гнев и обездоливаю свою судьбу...» И ему снова, как наяву, вспомнились ее мягкие руки, которыми она касалась его синяков в уютной юрте Ногохон, теплый бок девушки, волнующе гревший его, когда сидели они тесно прижавшись во время игры. «Нет. Надо завтра посоветоваться с Бабжой»,— решил он.

Внезапно за его спиной тишина ночи словно бы взорвалась, разразился оглушительный хохот. В смятении Баясхалан схватил лук.

— Не дергайся. Сиди тихо и смотри,— буркнул проснувшийся Бабжа.— Это филин.

Уняв бешено колотившееся сердце, Баясхалан решил больше не отвлекаться.

Между тем приближался восход луны. Седловина находившейся за ручьем сопки чуть осветилась. Постепенно свет разлился шире и вот, ударив из-за туч в вершины сопок, ясно обрисовал причудливо торчащие скалы и высокие одинокие деревья. Но здесь у солонцов и особенно у ручья все по-прежнему было во тьме. Затаив дыхание, Баясхалан прислушался. Жизнь леса шла своим чередом. Где-то справа послышался неясный шорох. Немного погодя раздался шум скатившихся с кручи мелких камней и песка. Баясхалан положил руку на лук. Но Бабжа, приподнявшись, отрицательно мотнул головой и опять прислонился к камням. Потревожившие Баясхалана звуки прекратились, но ближе, где-то у самых солонцов, послышалось чавканье, обозначились смутные невысокие тени. Баясхалан покосился на Бабжу — тот сидел спокойно, как будто дремал. Мысленно обругав друга пнем, он нарочито отвернулся от солонцов в сторону ручья... И тут ему не то показалось, не то увиделось въявь, что там, ближе кустов, как раз в низине, медленно и беззвучно плывет над землей что-то большое и светлое. Крайне озадаченный, он выпрямил спину и вытянул голову — да, там действительно тихо двигалось к солонцам что-то большое. Бабжа ткнул его под бок: «Тихо!»

Неизвестно, сколько прошло времени — Баясхалану показалось, что минуло столько, сколько хватило бы, чтобы разобрать и сложить во вьюки большую юрту,— пока туча, прикрывавшая луну, отошла прочь, и та залила мертвенно-бледным светом ручей с засеребрившимися листьями кустов, низину перед ним и черные полосы солонцов. К великой радости охотников, недалеко от большой ямы, прямо перед ними шагах в тридцати стоял красавец олень. По длинному и светлому туловищу, мощной шее и широким ветвистым рогам любой мог бы уверенно сказать, что это матерый изюбр-пантач. Вскинув голову и как бы вытянув рога вдоль спины, зверь медленно подошел к солонцу. Тени у других солонцов, оказавшиеся кабанами, недовольно фыркнули и пропали в темноте кустарника.

Бабжа поднял лук, Баясхалан последовал его примеру, обе стрелы почти одновременно, с легким звуком шмелиного полета прорезав сыроватый воздух, впились рядом под левой лопаткой изюбря. Пантач, резко вскинувшись, бросился в сторону ручья и исчез в густой тени сопки.

Баясхалан, не помня себя, схватил вторую стрелу и хотел кинуться вслед за ним, но Бабжа его остановил.

— Кажется, до ручья не добежал, не слышно всплеска воды. Если не ушел в верховья, то лежит где-то близко,— сказал он удовлетворенно и встал.

Думая, что теперь-то уж они непременно пойдут на поиски добычи, Баясхалан обрадованно вскочил, но Бабжа предложил дождаться рассвета. Отойдя от солонцов, они в узкой расщелине развели небольшой костер и немного поели.

...Утро было ясным и теплым. Охотники пошли по ручью вверх и вскоре нашли свою добычу. У самой воды под высоким кустом ивняка, подогнув ноги под себя, лежал на животе большой бык. Было похоже, что смерть настигла его на бегу, он не дергался и не бился. Изюбр был несколько необычной светло-бурой масти. На рогах, покрытых короткой маслянистой шерстью, было двенадцать отростков.

— Это уха-голдо, очень редкий вид изюбра... Хозяева окрестных гор ниспослали нам большую удачу,— значит, у нас с тобой, как говорят старики, «ганзага ниилэ». И любое дело, если мы будем совершать вдвоем, должно иметь благополучный исход — онгоны моих и твоих предков пришли к согласию и слили воедино наши судьбы.—

Довольный Бабжа похлопал оленя по спине и громко, вздымая обе руки к небу, произнес древнее при охотничьей удаче восклицание: — Бараа, бараа, баро-о-о! Баян дайдын хэшэг — бардам эрыын олзо!

Отправив Баясхалана за лошадьми, он сноровисто и быстро освежевал быка. Шкуру тщательно расправил и повесил на толстую ветвь лиственницы. Вырубленные с частью лобовой кости рога спрятал в тень, мясо отделил от костей и сложил двумя ровными кучками на ветошь. Когда юноша вернулся, у ручья весело потрескивал костер, над которым висел полный воды котелок. Приятно пахло дымом ивовых сучьев, дразнил желудок аромат жарившихся на огне кусков печени и трубчатых костей оленя.

После еды, когда допивали чай, сосредоточенно о чем-то поразмыслив, Бабжа сказал:

— Баясхалан, я хочу предложить тебе свою дружбу. Времена наступают тревожные, каждому человеку необходимо иметь рядом надежное плечо и верную руку товарища. Иначе нельзя. Согласен?

— Да... для меня, Бабжа, это высокая честь,— обрадованный и взволнованный Баясхалан вскочил на колени.— А чем будем меняться?

— Меняться будем ножами и обряд верности закрепим клятвой на крови.

— Я готов!

Будущие «анда нухэдут» встали, торжественно передав друг другу ножи, надрезали подушечки больших пальцев и, крепко обнявшись, высосали один у другого выступившие капли крови.

— Теперь, да будут свидетелями высокие тэнгри, духи этих гор и онгоны предков,— голос Бабжи от волнения чуть охрип, но был тверд,— все, что я имею и буду иметь еще, принадлежит и тебе, а все, что есть у тебя и будет еще — принадлежит и мне. Отныне и до смерти радости и беды — все у нас общее, вся жизнь едина.

— Да будет так! — воскликнул Баясхалан.

Союз вечной дружбы был заключен, и довольные друзья, наполнив мясом переметные сумы, приторочив к седлам шкуру и рога, тронулись в обратный путь. Дорогой они решили отдать шкуру на выделку отцу Баясхалана и его же попросить сделать им из кожи по куяку, железные пластины для которого надеялись обменять в Датуне или Калгане у китайских торговцев на панты. А сварить рога до нужного состояния намеревались с помощью деда Хубиты — известного мастера в таком деле.

К середине дня побратимы выехали в долину Болдог-горхона. Над ними светило яркое солнце, кругом торжествовала зрелая весна. Бабжа затянул старинную протяжную песню о гнедом иноходце. Баясхалан не присоединился и о чем-то грустно размышлял.

— Чего опустил голову, друг? — тяжелая рука Бабжи опустилась на его плечо.— Смотри, как красив наш край!

Баясхалан решился и рассказал ему об Аргали.

— Не рановато ли ты задумался о женитьбе? — Бабжа испытывающе посмотрел на него.— Ты ведь еще очень молод, а в куренях старших родов красивых девушек очень много.

— Мне без нее нельзя. Но если ты решишь...

— Э-э, парень. Да ты, оказывается, влип. Погоди, это дело надо хорошо обдумать.

Бабжа задумался: «Кто знает наперед свою судьбу, возможно, та девушка и станет ему надежной подругой в жизни. Но кто из нас знает ее нрав, какие люди были в их кости, кто прославил род гучитов, кто опозорил? Баясхалан неопытен, в нем голос желания сильнее голоса необходимости. Он видит перед собой только внешность Аргали, ее красоту, ее высокие и выпуклые, словно хундага, груди, длинную косу, острые смешливые глаза на румяном лице. Но что там, внутри, какое сердце и какой ум — ему неведомо. А если судить по родите-

лям? Так... Ее отец Худэр... он воин честный и в народе известный, его брат Мэргэн-Шара глава рода... Гучиты им довольны. А мать...»

— А кто ее мать? — прервал свои мысли Бабжа.

— Она из бодонгутов, племянница Дошхона.

Немного еще подумав, Бабжа остановил коня и решительно сказал:

— В ее кости ни со стороны отца, ни со стороны матери изъяноа вроде бы нет. Раз она тебе нравится и без нее уже не можешь, сделаем так: переговорим сначала с Аргали, если она согласится — обратимся к твоему отцу, и пусть он решает... Если же он или родители невесты воспротивятся, мы соберем надежных парней и ее похитим. Время нынче лихое, а скоро ни гучитам, ни саганутам будет некогда думать о каких-то двух непокорных возлюбленных, а потом, надеюсь, все утрясется. Вот так-то, друг мой.

...Ближе к вечеру охотники поднялись на высокий увал и оглядели. Болдог-горхон образовывал здесь огромную излучину. Правый скалистый берег дугообразной неприступной стеной прижимал стремительное течение реки. Вдоль него в бессильной ярости клокотало множество пенистых водоворотов. Сопки левого берега отступали от русла далеко в сторону. Между ними и рекой простиралось обширное, изрезанное старицами, протоками, заросшее травой и кустарником, пространство.

Отсюда с высоты не было видно, что творится там, в низине, и путники, решив ехать по прямой, погнали коней с увала. Проехав алданов триста, они наткнулись на старицу, которая еще вчера была почти сухой. Теперь же по ней, пенясь и бугрясь, неслась коричневая вода, увлекшая с собой в стремительном, ревущем беге коряги, валежины и даже целые, вывороченные с корнями деревья.

— Поедем краем леса,— крикнул Баясхалан сквозь шум потока.

— Да. Это пошла с гор снеговая вода, прямо не проехать.

Всадники направились в сторону корявой сосны, за которой берег значительно возвышался. Прикинув расстояние до нее, Бабжа решил, что если вода не пойдет валом, эти два харана они смогут спокойно преодолеть. Однако на деле оказалось не так просто. Когда до желанного берега было алданов пятьсот-шестьсот, ехавший сзади Баясхалан испуганно дернул повод и крикнул:

— Смотри, под копытами коней выступает вода!

Бабжа, привстав на стременах, оглянулся и к своему ужасу увидел, что за ними по всей низине блестящим валом, подминая кусты, ломая деревца, катится прорвавшаяся из какой-то теснины огромная масса воды. Тотчас стал слышен ни с чем не сравнимый гул.

— Гони! Не отставай! — Бабжа хлестнул гнедого и ринулся вперед.

20

— Табахал, ты еще долго..? — невысокий сухощавый старик, сняв с ветки поваленного бурей дерева мокрый тэрлиг, встряхнул, вывернул наизнанку и опять повесил сушиться.

— Нет, дурисха. Вода уже закипает,— ответил молодой с редкими усами и бородой монгол, поправляя костер.— Я брошу сейчас борсо[1], и мы скоро согреемся.

Услышав это, трое мужчин, сушивших у другого, более сильного и яркого костра намокшие потники, седла и сумы, достали мешочки с айрулом, пиалы и подсели к Табахалу. Через некоторое время все впятером, поеживаясь и вздрагивая от мокрой одежды, поворачиваясь к огню то боком, то спиной, стали есть. От одежды шел пар, приятно грело нутро горячее варево.

Солнце между тем клонилось к закату. Одинокое дерево, под которым расположились эти люди, бросало длинную тень вниз, туда, где

[1] Борсо — сушеное мясо.

широченной, переливающейся золотистыми бликами полосой несла свои воды уже успокоившаяся, как будто удовлетворенная напоминанием о своей силе и мощи река. Было тихо, только потрескивали костры, и слышалось хрумканье пасущихся невдалеке коней. Все десять низкорослых, разномастных животных с длинными косматыми гривами и хвостами были тоже мокрыми.

Вдруг вороной широкогрудый жеребец вскинул голову и пронзительно заржал. Где-то за кустами раздалось ответное ржание. Сидевшие у костра на миг опешили, затем все, кроме шамана, вскочили, схватили кто лук со стрелой, кто саблю. Вскоре послышался неторопливый топот двух лошадей, затем показался крупный гнедой мерин, на котором ехал крепкого сложения монгол с непокрытой головой, за ним и второй всадник на вороном поджаром коне. Люди у костров, не выпуская из рук оружие, настороженно всматривались в подъезжающих.

— Сайн байна, почтенные путники! — поприветствовал их первый всадник и, остановив коня в некотором отдалении, спросил: — И вас не миновало несчастье?

Ответа не последовало. Подъехавшие, искоса поглядывая на вооружившихся, нарочито спокойно спешились и привязали лошадей к ветвям поваленного дерева. Тут шаман встал, подойдя к всаднику вороного коня, взял за плечи и повернул к себе. Всмотревшись в его лицо, он удовлетворенно хмыкнул: «Друзья, это парни хори. А этот,— ткнул он пальцем в сторону Баясхалана,— приезжал ко мне, сопровождая дурису Уялгу».

Тревожная обстановка разрядилась. Халхасцы отложили оружие. Бабжа с Баясхаланом сняли вьюки и седла, первый вынул из сумы большой кусок изюбриной печени, молча подал Табахалу, в котором безошибочно определил котлового.

— Дурисха Эршим, как ваше здоровье, не устали ли в пути? — спросил Баясхалан, присаживаясь к шаману.

Эршим знаком повелел налить гостям пищу.

— Ехали мы, да не лишит нас благодати синее небо, хорошо. Только сегодня, когда в условленном месте ждали дурису Ногто, нас догнала и чуть не погубила вода. Пришлось вплавь перебираться на этот берег, на том ведь скалы. Теперь сидим тут, сушимся.— Эршим, проговорив это, взглянул на печень, которую Табахал поспешно резал на куски и нанизывал на оструганные прутья тальника.— Значит, вы едете с охоты?

— Да,— коротко ответил Бабжа.

За едой и разговорами выяснилось, что дурисха Эршим едет послом от шаманов и сайтов улуса Амбахая к дурисхе Уялге и нойону Саримаю.

— Сможем ли мы завтра доехать до куреня саганутов? — спросил Эршим и озабоченно окинул взглядом почерневшую в наступивших сумерках и зловеще поблескивающую под ущербной луной реку.— Ногто, видно, мы уже не встретим и до Уялги без саганутов не доберемся,— горестно заключил он и поворошил палкой угли костра.

Бабжа вопросительно посмотрел на Баясхалана, тот подумал и сказал:

— Я не знаю, почему вас не встретил дурисха Ногто. Но место, где скрываются наши шаманы, знаю и могу туда проводить.

Эршим удовлетворенно кивнул.

Назавтра, во второй половине дня, благополучно преодолев несколько полноводных притоков Болдог-горхона, путники свернули в узкую долину, по которой осенней ночью вел Баясхалана Ногто. Обе юрты оказались на месте, опять же навстречу всадникам со злобным лаем выскочил огромный пес, но, учуяв запах Баясхалана, умолк и улегся в тени юрты.

Гостей встречать вышли все шаманы хори, кроме Ногто. Оказа-

лось, что тому, когда позавчера ночью он ехал сюда, кто-то в лесу устроил засаду и ранил в спину большой охотничьей стрелой с широким наконечником. Злоумышленник стрелял с близкого расстояния и рассчитывал наверняка убить. Однако шамана спас надетый под тэрлиг куяк. Стрела, хоть и пробила железную пластину куяка, опасную рану не нанесла и застряла между ребрами. Резко повернув коня, Ногто кинул его в сторону. Вторая стрела злобным шмелем пролетела мимо, а шаман примчался в это стойбище, так и не вынув из спины злополучную стрелу. Уялга сам вытащил ее и наложил на рану повязку с целебными травами, а на место встречи послов из Халхи отправил Туесука, но тот их там уже не застал и, едва не погибнув в потоке, вернулся только к сегодняшнему утру.

Дав немного отдохнуть лошадям, выделив шаманам половину добытого мяса, охотники засобирались в курень саганутов.

Перед самым их отъездом Уялга и Ногто позвали друзей в юрту.

— Передашь ее нойону Тарбе,— сказал Уялга и подал Баясхалану длинную стрелу с черным оперением, наконечник которой был покрыт коркой засохшей крови.

Ногто вытер выступивший на лбу мелкими капельками пот, тихо проговорил:

— Пусть Тарба и твой отец узнают, чья это стрела. Если же она не принадлежит саганутам, поезжайте в другие роды, переговорите со всеми нойонами, а те пусть спросят у мастеров — того, кто хотел убить меня, надо найти. Надо не потому, что я хочу отомстить, а потому что есть люди, которые хотят сорвать наши планы. И эти люди среди хори. Тарба и другие нойоны родов должны проследить, чтобы ни один человек из наших куреней без их ведома не смог уехать в ставку хана, особенно внимательно надо следить за ламами и теми людьми, которые часто возле них крутятся...

Ногто хотел назвать имя Шабхару, но воздержался, тяжело дыша, опустился на ложе. Уялга поправил на нем повязку, обратился к парням:

— И еще, нукеры, передайте Тарбе — пусть немедленно едет к Саримаю и попросит его где-нибудь в надежном месте, недалеко от куреня саганутов,— Уялга особенно нажал на эти слова,— собрать большой совет племени. Дней через пять-шесть, когда Ногто станет лучше и спадет вода, мы с гостями из Халхи приедем к саганутам.

С такими напутствиями друзья поехали вниз по долине реки, стараясь держаться подальше от воды и ближе к предгорьям.

В курень они приехали глубокой ночью. Амгалан, выслушав рассказ охотников, тотчас поднял Хусу и вместе с ним и парнями, несмотря на позднее время, направился к нойону рода. Приехавший в конце дня от галзутов Тарба спал. Ночные посетители сначала вошли в юрту его сына Шиду, который встал и пошел будить отца.

— Нойон вернулся от Саримая с плохими вестями, наши худшие предположения подтвердились,— сказал он, уходя,— только одно его немного утешило, что от наводнения не пострадал скот и не захватило валом курень.

Вскоре Шиду вернулся, позвал всех к отцу. В юрте старейшины уже горел огонь, на треноге очага стоял котел с водой.

Внимательно выслушав Бабжу и Баясхалана о цели приезда шаманов Халхи и про случай с Ногто, Тарба попросил добавить в огонь хвороста, осмотрел стрелу. Потом передал ее Хусе.

— Надо бы показать ее Барасу. Если наконечник кован им, он должен узнать,— предположил тот.

Тарба согласился и, пока Баясхалан ходил за кузнецом, кратко поведал свои новости. Оказалось, что к Саримаю приезжал дарга Мандул и передал собравшимся старейшинам родов волю хунтайджи, который еще не решил, куда переместить на лето своих подданных, и велел пока жить на старых местах.

— Тумэтские роды уже перекочевали и заняли лучшие пастбища,— печально сказал Тарба.— Там, где в прошлом году весной и в начале лета мы ставили курени, сейчас живут их люди.

— Что думает Саримай? — спросил Хуса.

Тарба помедлил и как-то неуверенно сказал:

— Он подозревает, что хунтайджи готовит для нас печальную участь, поэтому и медлит с выделением нам кочевий, хочет угнать то ли на Хатунай-гол, то ли к великой стене. А может быть, думает передать нас во владение монастыря. В общем, нойон племени сам ничего точно не знает, кроме того, что через двадцать дней мы должны отправить на стройку по сто мужчин из каждого рода и дать каждому для работы там по две лошади.

Хуса горестно покачал головой. Амгалан растерянно заморгал и переглянулся с парнями, в душе которых непроизвольно вскипала злость на хунтайджи, обида и горечь сознания слабости своего народа.

Снаружи послышался глухой говор, в юрту зашли Барас с Баясхаланом и все три сына кузнеца. В огонь опять подбросили хворост, и Барас стал осматривать стрелу. Он сначала изучил древко, потом оперение, соскоблив остатки крови, долго ощупывал наконечник, затем молча передел ее старшему сыну. Тот, тоже не спеша осмотрев стрелу, передал остальным братьям.

— Этот наконечник ковал я,— сказал наконец один из сыновей кузнеца — Сабиндай.— И отдал его в прошлом году на летнике покойному Шэрхи.

Тарба в сильном волнении хлопнул ладонью по колену. Хуса, чуть не поперхнувшись чаем, поспешно поставил пиалу и растерянно посмотрел на сына кузнеца.

— Ты не ошибся? — Амгалан сердито выхватил стрелу у Сабиндая и потрогал наконечник.

— Мои сыновья свою работу ни с чьей не перепутают,— с обидой выговорил Барас.— Этот наконечник сделан из железа, которое мы прошлым летом выменяли в Датуне, когда ездили с нашим караваном. Помнишь, Тарба? Ты еще там купил Шиду тангутский панцирь...

Тарба ничего не ответил.

— Тогда, наверное, и стрела сделана покойным. Ведь он всегда для себя и сыновей изготавливал их сам,— вставил слово Амгалан.

— Ногто не зря говорил, чтобы вы, нойон, обратили внимание на тех, кто часто бывает у ламы,— взволнованно сказал Баясхалан.

— Да-да, старший сын Шэрхи часто бывает у Лодоя.— Шиду повернулся к отцу.— Помните, я вам еще зимой говорил об этом?

Хуса задумчиво погладил усы и, ни к кому не обращаясь, как бы сам себе, сказал:

— Неужели это черное дело рук Шабхару?

Старик, должно быть, никак не мог поверить. Слишком оно было невероятным, и в голове Хусы, да и остальных, никак не укладывалось, что родич может решиться прервать жизнь родича, тем более шамана, почитаемого всеми не меньше старейшины, да еще таким коварным способом.

Подобные сомнения терзали душу и Тарбы. Перед его мысленным взором за короткое время промчались те долгие годы, в течение которых он знал Шэрхи и его сыновей. Как ни силился нойон вспомнить случай, когда кто-то из них совершил бы предосудительный поступок или нарушил в чем-то обычаи рода и племени, так и не вспомнил.

— Ногто подстерегали позавчерашней ночью. Шиду, ты с Хурцахаем на рассвете поедешь к Ногто, расспросишь о месте засады и проверишь все следы,— решительно сказал старейшина.— А ты, Амгалан, вместе с Моху узнаешь, где провели ту ночь сыновья Шэрхи, особенно Шабхару. Учтите, что он должен был все это время находиться со стадом коров за рекой. Тебе, Хуса, и Барасу повелеваю принести сюда утром все стрелы из юрты Шабхару и его братьев. А сам я с

Эльбэгом, старшим сыном Бурхи, и с тобой, Сабиндай, поеду утром к Дошхону, затем с ним заедем к Боохою — Бабжа можешь ехать с нами,— и так, собирая по пути всех нойонов родов, доберусь к концу завтрашнего дня до Саримая. Чую я, что приближаются нелегкие времена...

— Нойон, а как быть с этим делом? — Амгалан кивнул на стрелу, брошенную кем-то у порога и тускло мерцавшую железом наконечника.

Гарба чуть задумался и ответил:

— Тебе, Амгалан, и тебе, Барас, надо выведать имя ночного стрелка. Если найдете виновного — держите под охраной до моего возвращения. Судить будем потом всенародно в присутствии Ногто.

Жарко. Сыновья и внуки Саримая с раннего утра стали снимать с юрт айла второй слой войлока. Сам нойон в сопровождении Баян-Мункэ — старшего сына, Шодора и Буржу поехал к табуну. Ему хотелось не только проверить состояние лошадей, размяться и освежить голову на степном ветру. Главной целью поездки было желание вдали от суеты не спеша обдумать положение племени, посоветоваться об этом с Шодором и особенно с Буржу, чье влияние было сильным не только среди родичей, но и во всем племени.

Приезд Мандула с требованием отправить в Хух-хото на месяц тысячу сто мужчин с двумя лошадьми у каждого для завершения строительства монастыря, его недомолвки и увертывания от прямого вопроса о времени кочевки на летние пастбища Саримая очень насторожили. Особенно встревожило главу племени сообщение Шодора о том, что земли, на которых уже многие годы летовали хори, заняты тумэтскими родами. Имевшийся у Шодора в столице хана свой человек передавал, что хунтайджи, по всем признакам, не собирается перемещать хори на новые кочевья, да и подходящих для пастбищ мест вблизи уже не имеется.

Саримай всю ночь ломал голову над тем, что бы это значило, каковы планы хунтайджи, и ни к чему хорошему не пришел. Он понимал, что скот как-то можно прокормить и на нынешних кочевьях, особенно после спада воды. Но осень и тем более зиму на выбитых скотом и табунами пастбищах продержаться немыслимо. Падеж животных будет неизбежен, а это для племени равносильно гибели.

Саримай, проследив взглядом за парящим в вышине орлом, увидел, как тот, сложив крылья, камнем ринулся вниз, потом исчез на мгновение за высоким курганом и вскоре тяжело поднялся с трепыхающимся тарбаганом в мощных когтях. «Да. Надо срочно решать, как быть,— подумал он,— хунтайджи затеял недоброе дело. Если промедлим, то окажемся, как этот разжиревший тарбаган, в смертельной хватке тумэтского орла».

— Шодор,— Саримай придержал лошадь,— можно ли верить твоему другу из Хух-хото?

— Да. Этому тумэту в тангутскую войну я спас жизнь, он стал моим побратимом. В нас теперь течет общая кровь,— заверил Шодор.

— Я в ту войну тоже с одним тумэтом стал единокровным братом и тоже слизывали друг у друга кровь с пальцев,— недовольно проговорил Саримай,— но он оказался скользким, как рыба, и увертливым, как китайский торговец.

— А кем он служит хану? — спросил Шодор.

— Сотником.

— У нойонов могут быть разные обстоятельства, а мой побратим — простой нукер стражи хунтайджи, и мы, обыкновенные воины, не можем иметь причин для отступничества от клятвы на крови.

— Ты теперь не простой воин, а глаза и уши хори, мой самый приближенный нукер,— резко проговорил Саримай и хлестнул коня.

Буржу и Баян-Мункэ тоже прибавили ходу.

Так молча проскакали они несколько харанов. Впереди у самого подножия высокой, с еще не растаявшим снегом на вершине горы стали заметны несколько юрт, в которых с самой осени жили табунщики галзутов. Передав коней выскочившим встречать мужчинам, раскрасневшиеся от быстрой скачки приезжие вошли в приятную прохладу жилища.

Отведав не очень разнообразное угощение хозяев и освежившись несколькими пиалами терпкого кумыса, Саримай, табунщики и прибывшие с нойоном галзуты объехали рассеявшиеся по предгорьям косяки лошадей. Глава рода осмотром табуна остался доволен. Большинство лошадей успели вылинять, бока жеребых кобылиц лоснились от здоровья и сытости, полные сил жеребцы, храпя и косясь на непрошеных гостей налитыми кровью глазами, ревниво крутились вокруг своих косяков и, казалось, были готовы при одном неосторожном движении наброситься на них, изрубить твердыми, как камень, копытами и искусать зубами.

На обратном пути Саримай, Буржу и Шодор снова пытались найти хоть какую-то причину загадочного поведения хунтайджи, взвесили все возможные ходы хозяина, но никак не смогли прийти к общему мнению.

— Все-таки я думаю, что хунтайджи намерен переселить нас в Хух-хото,— в который раз уверял Саримая Буржу,— раз не дал пастбищ, значит, отберет весь скот и сделает из нас камнетесов или заставит пахать землю и выращивать просо.

Саримай с этим предположением не согласился. После долгого спора сошлись на том, что Шодор поедет в ставку хана и еще раз попытается разузнать намерения хунтайджи.

Вечером, когда они вернулись в курень, Саримая ждали приехавшие нойоны всех родов. Выслушав доводы Тарбы и других старейшин, глава племени согласился на хурал нойонов, шаманов всего народа одиннадцати отцов и встречу с послами из Халхи...

Накануне второго весеннего полнолуния на уртон севернее куреня саганутов в широкой, закрытой со всех сторон сопками котловине с раннего утра хлопотали Хуса, Бурхи и выделенные им люди. Вблизи от маленького круглого озерка, с удивительно прозрачной и холодной даже в самый сильный зной водой, поставили девятнадцать юрт, разожгли под большими черными котлами костры. Несколько парней отобрали из отары пять овец пожирнее, быстро их зарезали и освежевали. На ветки одиноко растущей у озерка сосны подвесили тулумы с архи, чтобы они слегка подогрелись под лучами солнца, в воду опустили дашмаги с кумысом — пусть будет холодным и лучше сохранится.

Прежде чем начать совет, все шаманы и нойоны поднялись на плоскую, широким полукругом огибавшую котловину с северной стороны возвышенность. Там, среди древних, сложенных из огромных каменных плит могил перед обо совершили обряд поклонения тэнгриям, духам предков и хозяевам окрестностей. Дурисха Уялга сказал, что всевышние силы предопределили успешное завершение хурала.

Перед большой восьмистенной юртой из белого войлока постелили куски кошмы и разложили на них седла. По правую руку Саримая уселся дурисха из Халхи Эршим, по левую руку главный шаман племени Уялга, за ними, по старшинству родов, разместились нойоны и шаманы хори. Хотя многие уже знали, что должен сообщить на совете посланец северной стороны, шаман Эршим поднялся и торжественно, как требует в таких случаях обычай, начал свою речь:

— Уважаемые нойоны и служители духов племени одиннадцати отцов! Холодной осенью через покрытые глубоким снегом горные пе-

ревалы, испытывая холод, голод и другую нужду, в наши северные пределы прибыли посланцы вашего народа высокий дурисха Уялга и дурисха Ногто. С великой печалью они поведали нам, шаменам Халхи, о том, что вы претерпеваете неслыханный гнет тумэтского хана, который, изменив исконной вере монголов, наложил на вас непосильный албан, совершает в отношении людей хори и шаманов жестокие гонения, разрушает святыни, предает огню онгонов, что Алтан хочет отнять у вас главное богатство — ваших детей и превратить их в изменников своего народа, служителей неприемлемой монголами новой веры, которая, как черный коршун, спустилась в наши степи с заоблачных вершин Тибета и терзает души людей. И еще они поведали нам о том, что вы, нойоны и шаманы хори, полагаясь на силу Вечного Неба, желая сохранить свой народ и древние обычаи, проситесь под высокую руку нашего нойона Амбахая, достойного сына и последователя Гэрэсэндзэ — младшего сына великого Бату-Мункэ Даян-хана, дабы он дал вам пастбища, оградил от коварных замыслов Алтана и его войска.

Шаманы Халхи, близко восприняв постигшее вас горе и проникнувшись желанием помочь попавшему в беду народу одиннадцати отцов, передали слова дурисхи Уялги своему нойону и старейшинам. Они внимательно нас выслушали и вот что передают вам: «Ты, нойон хори Саримай, и вы, нойоны родов, и вы, достойные шаманы народа, не теряя время на пустые разговоры и распри между собой, поднимайте весь народ. Табуны и скот, а вместе с ними женщин, детей и стариков отправляйте через скалистые горы на север. Сами, образовав единое войско, идите за ними, и пусть ваши глаза будут на затылке. Если хан пошлет погоню — не бойтесь, горные тропы узки, извилисты, и вы сможете легко отбиться. А в пределы Халхи Алтан вторгнуться не посмеет — ему сейчас, именно сейчас, никак не нужна война ни с Халхой, ни с каким-либо другим улусом Монголии. Если же лишенный благодати Вечного Неба и Матери Златонедрой Земли тумэтский хан в слепой ярости, ведомый коварными альбинами, посмеет начать войну, то его войско за этими синими, достигающими святых небес вершинами встретят объединенные тумэны всей Халхи, тумэны чахаров великого хагана и тысячи воинов хорчинов. Но этого не случится — хан Алтан озабочен все усиливающейся смутой на западных границах своих владений — там на него усиленно точат зубы ойраты. Поэтому не бойтесь и решительно двигайтесь на север, мы вас ждем». Вот что повелели передать вашему хуралу наши нойоны. Я закончил.

Дурисха Эршим сверкающими от волнения глазами оглядел сидящих нойонов и шаманов, затем, приняв слегка трясущимися руками от Бурхи большую хундагу с кумысом, маленькими глотками осушил ее и сел.

Хори, и сидящие кругом сайты, и теплившиеся в отдалении простолюдины, сначала вполголоса, потом все громче стали обсуждать сказанное. Хурал загудел разноголосьем, послышались отдельные выкрики, кое-кто даже вскочил с места.

Саримай, решив унять готовые вспыхнуть страсти, знаком подозвал Хусу и велел подавать еду.

За трапезой все угомонились, разговор стал степеннее, тише. Наблюдая за сайтами, улавливая обрывки восклицаний и следя за выражением их лиц, Саримай приходил к мысли, что побег в Халху — дело почти решенное. С довольным и победным видом переглядывались, чинно вкушая баранину, Бсохой, нойон хуасайцев, бодонгутский Дошхон, кубдутский Борюхай и некоторые другие нойоны родов. Шаманы же, особенно гучитский Соло, хальбинский Хидан и дурисха кубдутов Унну, просто светились изнутри. Даже в мутных, никогда не выдававших его мыслей глазах Уялги нет-нет да мелькали и мгновенно гасли довольные искорки.

В глубине души глава племени уже не считал новую веру настолько уж гибельной для хори, тумэтов и других монголов. Он видел, что она может усмирять многие непокорные и горячие головы, давать надежду несчастным на лучшую участь, смягчать жестокие нравы и внушать почтение к старейшинам и нойонам. Внимательно наблюдая за деятельностью лам, много раз беседуя с ними, он по достоинству оценил их обширные знания, умение лечить болезни, стремление выучить людей читать и писать. Как-то постепенно к нему пришло убеждение, что польза будет и от того, что сотня-две мальчиков хори обучатся всем этим мудростям в монастыре. Долгие годы жизни под властью тумэтов убедили Саримая, что помыслы и дела Алтана намного полезней, чем у других степных владык. Особенно он ценил установившиеся в последние десять лет спокойствие и мир. Одно только открытие торговли с Китаем значительно облегчило жизнь подданных Алтана, в том числе и хори. Все это произошло на глазах всех нынешних нойонов родов. «Неужели они так ослеплены шаманами, что забыли о тех временах, когда, кроме кожи и шкур, трудно было найти, чем прикрыть наготу, когда тулга для очага считалась чуть ли не богатством? Теперь сидят разодетые в китайские шелка и дабу, пьют купленный там чай, режут масло ножами, изготовленными из китайского железа, и, когда пришла пора за это платить, пусть и очень дорогой ценой, решились бежать. И мало кто понимает, что побег лишит народ всего этого, а там, в Халхе, племя ожидает все тот же албан, все та же неволя».

Думая так, Саримай стал сожалеть, что не отложил хурал племени, не собрал в единый кулак сторонников. Он мучительно искал возможности убедить хурал воздержаться от этого шага, но не находил. Не находил главным образом из-за того, что ни он, ни другие главы родов не знали, какую участь готовит племени хунтайджи. Саримай не очень-то верил, что тумэтский хан превратит их в строителей или заставит пахать землю. Слишком это сложно для Алтана, и для этих целей у него есть китайцы, которых, с согласия императора, можно поселить в Хух-хото и под городом бессчетное количество. «Надо попытаться выиграть десять, хотя бы пять дней,— наконец решил он.— Приезд Шодора, может, что-то прояснит. Если же тумэтские правители действительно задумали переселить племя под столицу и отобрать скот, то побег состоится и без моего согласия, будет при этом плохо организованным, обернется большой бедой».

— Нойоны и шаманы,— Саримай, заметив, что многие ожидающе поглядывают в его сторону, встал.— У нас было время обдумать слова дурисхи Эршима и слова владетелей Халхи. Теперь пусть каждый высказается. Начнем с самого младшего рода. Говори ты, Тарба!

— Саганутy много думали над этим и решили, что иного пути у народа нет,— поднявшийся Тарба поправил пояс.— Хочу хуралу сообщить неслыханное. Недавно у нас старший сын Шэрхи, Шабхару, пытался убить дурисху Ногто. Два дня назад он сознался, что на черное дело убийства уважаемого всеми шамана и родича его направил лама Лодой, который речами, словно змеями, опутал его душу и ослепил разум. Вот чего стоят слова этих альбинов в желтой одежде о смирении и грехе убийства. Чтобы не случилось худшего, чтобы тумэты не сгубили совсем наши обычаи, исконную веру и народ, мы, саганутy, за уход в Халху. Но просим подготовить его в глубокой тайне. Все дни, пока не перейдем перевал, никто не должен отлучаться из куреней, особенно тех родов, которые ближе к ставке хана. Лам тоже не надо отпускать до последнего дня... Я сказал все.

Гул возмущения прошел среди людей. Новость действительно была неожиданной. Случалась в куренях вражда, бывали драки, доходило порой и до убийства. Но такого, чтобы ночью, в коварной засаде убить родича,— хори не помнили и не слыхали.

— Что решил суд саганутов? — сурово спросил Саримай.

— Дуриска Ногто просил сохранить жизнь Шабхару. Мы наказали его плетьми и отдали Ногто в услужение, как богола, жену и детей взял младший сын Шэрхи.

— Вы поступили правильно,— глава племени поискал глазами Гутара.— Что скажешь ты?

— С саганутами у нас одно огнище, один уран и одни мысли.

— Понятно. Дошхон?!

Нойон бодонгутов, быстро соскочив с кошмы, выпрямился во весь свой богатырский рост:

— Надо уходить, но нужно собрать воедино воинов уже сейчас, назначить всех начальников от тысячников до десятников. Прикрывая уход племени, нам неизбежно придется биться с тумэтами.

— Кто еще так думает? — спросил Саримай.

В поддержку Дошхона высказались почти все нойоны, а кубдутский Борюуха, кроме того, высказал дельную мысль. Не спеша поднявшись на ноги, он степенно поправил нарядный пояс, поводил плечами.

— Скалистые горы имеют три перевала,— раздался в установившейся тишине его уверенный голос,— надо, не теряя времени, все их разведать и, подобно уртонам на ханских дорогах, образовать через харан или два караулы, чтобы путь постоянно просматривался. Тогда никто не заблудится, и легче будет провести по ним караваны родов и скот, а при появлении погони можно дымом подавать об этом весть от истоков Болдог-горхона через все перевалы до земель Халхи. Войска предлагаю разделить на три части и пустить позади всех. Если сделаем так, то горы пройдем в три раза быстрее.

— А если погоня пойдет только по одной из троп и будет очень сильной? — спросил Дошхон.

— Я думал и об этом,— спокойно сказал Борюуха.— Всему нашему войску в горах не развернуться. Чтобы устроить тумэтам засаду и удержать их, сколько надо, хватит и одной трети, зато остальные две части и скот пройдут спокойно.

Некоторое время все молча обдумывали доводы кубдутского нойона.

— В словах Борюухи есть разум зрелого мужа и опытного воина,— сказал Уялга и поднял взгляд на Саримая.

Глава племени оглядел всех сидящих и понял, что возражать дурисхе никто не собирается. «Вот и найден повод, чтобы оттянуть время»,— пронеслось у него в голове, и, облегченно вздохнув, Саримай поднялся.

— Раз все согласны с Дошхоном и Борюухой,— твердо сказал он,— предлагаю назначить начальником всего войска нойона хуасайцев Боохся, помощниками ему Дошхона и гучитского Мэргэн-шару. Пусть они за пятнадцать дней соберут шесть тысяч воинов здесь, в этих местах, и готовят их. Тысячников и сотников пусть назначат сами, а те — десятников. Нойону Тарбе и его людям повелеваю разведать все тропы и поставить караулы. За это же время, не снимая юрт, предлагаю приготовить всем вьюки, пригнать к верховьям Болдог-горхона табуны и стада. Через пятнадцать дней уйдет и вода. После этого, да снизошлет нам удачу Вечное Небо, отправимся в ночь третьего весеннего новолуния в путь.

Эти слова Саримая были встречены гулом всеобщего одобрения. Хурал племени на этом закончился, но сайты не торопились разъезжаться и еще два дня прожили в котловине, обговаривая всевозможные дела по организации войска и сборов в необычный путь. Саримаю и Уялге пришлось разрешать многие споры, разногласия. Но все нойоны и шаманы отправились в свои курени довольные принятыми решениями.

Окончание следует.

МОНГОЛЬСКОЙ

НАРОДНОЙ

РЕВОЛЮЦИИ — 70 ЛЕТ

Борис МАКАРОВ

ТОСТ

Бат-Амгалан, председатель сомона «Оргил»,
В белые чаши
кумыс белопенный налил.
Белая юрта.
В ней запахи трав и огней,
И фотографии
сахарно-белых коней.
Бат-Амгалан произносит свой тост не спеша:
— Выпьем за то,
чтоб всегда была белой душа!
Я поражен,
хоть давно поражаться отвык,—
Как хорошо
мне понятен монгольский язык.
Белые души сегодня в особой цене,
Даже дороже коней,
чьи портреты на белой стене.
Чистые души,
я в этот торжественный час
Чашу свою поднимаю с любовью за вас!
Бат-Амгалан!
В пригобийском суровом краю
Первый глоток — за высокую душу твою!

ОХОТНИК САМБУ

Охотник Самбу
седоглав,
темнолиц.
Он века ровесник.
Но вскинет ресницы —
Как будто все шкурки
добытых лисиц
В зрачках у него
продолжают светиться.
Он легок и ловок,
Но любит подчас
Притворно вздохнуть,
О былом вспоминая:
— Как видно, старею...
Не тот уже глаз.
В монету за сто лишь шагов
попадаю...
А раньше-то! О-о-о! —
И в колечки дымок.
— Меня обходили болезни и беды
От пули летящей
Прикуривать мог.
И пулей мог трубку
Разжечь у соседа...
Соседняя юрта
Белеет вдали.
За ней, как травинки,
По склону березы.
У юрты Самбу
Журавлят журавли,
Спокойно ласкают
В неспрятанных гнездах.

ПЕТУХИ РЭНЦЭНХАНД

В юрте красавицы Рэнцэнханд
Тесно от петухов.
На шелке, ситце и на мехах
Поет петушиный хор.
Гребень у каждого чуть набекрень.
Хвост — семицветный бант.
Ярок осенний промозглый день
В юрте у Рэнцэнханд.
Обычай аратов — восторг скрывать.
Но тут — сто похвал вокруг.
Недаром училась она вышивать
У русских своих подруг.
От Гоби Иркутск за тысячу верст,
Но будто на скалы мхи,
Узорно ложатся на тонкий холст
Иркутские петухи.
В Гоби о них лишь знают из книг.
Здесь климат суров и лют.
Но взглянешь, глаза закроешь на миг
И слышишь — поют... поют...

АДЪЯА

Здесь, в гобийских горных отрогах,
Остро чувствуешь времени бег.
Адъяа — сомонный фотограф,
Уважаемый человек.
Хочешь — нет ли, а дни умчатся,
Будто дикие жеребцы.
Лишь она обладает властью
Взять мгновенье под уздцы.
Вскинет брови — две струйки ночи,
По прибору проверит свет:
— Улыбнитесь, прошу вас очень.
...Жить теперь вам
Сто тысяч лет.
И хоть в это поверить трудно.
Цифра... кружится голова.
Долго-долго с улыбкой люди
Вспоминают ее слова.
Я позирую терпеливо,
Из улыбки — хоть лодку строй.
До чего же она красива,
Эта девушка, боже мой!
И пусть знаю, что будет сильно
Много поводов для молвы,—
Все равно увезу в Россию
Фотографию Адъяы...

КОННЫЕ СКАЧКИ

Да будет для всех удача
Мерцать, как звезда вдали.
Скачки!
Конные скачки
В отрогах Отхон-Тэнгри!
Разорваны в клочья ветры.
Пестро от женских обнов.
Тридцать два километра —
Дистанция скакунов.
Всадников не рассмотришь —
В гривы разом легли.
Взрываются комья мокрой,
Одетой в кружак земли.
Упавших жалеть не надо.
Здесь выверены слова:
Монгол должен ловко падать
И мужественно вставать.
Но вот уже финиш рядом.
Не топот копытный — град.
Ведь первого ждет награда
Прекраснее всех наград.
В ней все — ледохода радость
И белый тэнгрийский снег.
Высокая та награда —
Улыбка Оюунчимэг.
И я, забывая возраст,
Чеканную рву узду.
Ловлю воспаленно воздух
И верю в свою звезду.
В руках еще хватит силы.
В душе не обрывки струн.
Не подведи, мой милый,
Не отступись, скакун!

МОЖЖЕВЕЛЬНИК ВЕЗУ...

Можжевельник везу —
Драгоценный подарок арата
Из зеленой долины,
Где мчится гривастый Буянт*.
Мне немножечко грустно,
Как будто расстался
я с братом.
В блестках светлой печали
Прощальная песня моя.
Можжевельник везу.
Когда снова замечется вьюга
И мороз постучится
В квартиру и душу мою,
Терпкий привкус дымка
Вдруг напомнит далекого друга
И теплее мне будет
В суровом сибирском краю.
Вновь послышатся мне
Хрипловатый басок моринхура**,
Топот диких коней,
Тарбаганий встревоженный свист.
И январский мой вечер,
Готовый быть долгим и хмурым,
Станет звездно-прозрачен,
Буянтово-светел и чист.
Можжевельник сгорит.
Растворятся зеленые ветки,
И тепло, и дыханье
Отдав мне свои до конца.
Только все же прекрасно,
Что дружба дается навеки
И умеют хранить
Благодарность
Людские сердца.

---

* Буянт — река в МНР.
** Моринхур — монгольский музыкальный инструмент.

Виктор САПОВ

БЕССМЕРТНИК

Над Хамар-Даваном ярко светит солнце,
Серебрится речка, скованная льдом.
На снегу бессмертник выглянул в оконце,
Здесь цветок над каждым, спящим вечным сном.

Счесть ли эти звезды стройных обелисков,
А под каждым рота, батальон иль полк.
Чувствую, отмерив путь этот неблизкий,
Что герои лет тех мне дают урок.

Низко поклонюсь я уцелевшим, павшим,
Отстоявшим скудный дальний уголок.
За любую землю бился, как за нашу,
Закалялся сталью дружбы оселок.

У бетонной стеллы той заиндевелой,
Где кладут к подножью на гранит цветы,
Что на солнце кровью снова пламенеет,
Я в строю у страшной огневой черты.

1988, ноябрь, Халхин-Гол.

ФЛЕЙТА

Писателю **Л. Тудэву**

На закате после боя
Жаркой схваткой разогретый
Эскадрон в зените лета
Слился сном с травой степною.

Сторожат сон часовые,
Да не спится комиссару:
Вороненый ствол кресалом
Пилит он, склонивши выю.

У него талант, сноровка
Переделывать оружье.
Боевой трофей послужит
Звонкой флейты заготовкой.

Стало меньше в арсенале
На земле одной винтовкой,
Но зато порой жестокой
Флейта души возвышала.

1990, январь, Улан Батор.

Борис ЗОЛОТАРЕВ

СЕРЕБРЯНАЯ УЗДЕЧКА

ИЗ ПОВЕСТИ

Повесть Б. Золотарева рассказывает о судьбе бедной монгольской семьи. Хозяин ее погиб в борьбе с белогвардейцами, мать осталась с дочкой и сыном. В 14 лет маленькому Цагану вручают серебряную уздечку, оставшуюся от отца, — признание его возмужания.

Закончилась Великая Отечественная война. И вот Цагану приходит время служить в армии...

Начало мая выдалось необычно теплым. Чаще всего в это время года здесь на севере Монголии дуют пронзительно-холодные, «байкальские» ветры, свирепствуют многодневные снежно-песчаные бураны. Нынче же теплые дни установились еще в конце апреля.

Зеленым пламенем занялись сопки, по утрам и на закате солнца по-летнему туманились пади, лиловели степные дали. До предельной чистоты и яркости выголубело небо.

Радовали людей и сообщения с фронтов — приближалась долгожданная победа.

В то утро Цаган, босый, в нижней рубашке, вышел на улицу. Его привлек необыкновенный шум на площади. «Что-то сегодня радио слишком рано включили?» — подумал он и поспешил туда послушать последние известия, чтоб побыстрей пересказать их матери и сестренке.

Услышанное ошеломило его. По радио повторяли сообщение об окончании войны с фашистской Германией. Слова московского диктора сменялись бодрой музыкой, заглушались радостными голосами собравшихся у громкоговорителя степняков.

Цаган прибежал домой, во всю ширь распахнул двери юрты, задыхаясь, выкрикнул:

— Мама! Сэндэн! Победа!.. Победа!..

Солонто стояла у тагана с горшком лапши. Услышав крик сына, она бестолково засуетилась, ища место, куда бы поставить посудину, наконец, обхватив голову руками, выбежала из юрты.

— Я же говорил, скоро победа, говорил, говорил! — кружился и подпрыгивал Цаган. — А ты... — недоуменно остановился: — А ты, что, мама? — Плачущей мать Цаган видел нечасто. Обычно она старалась не показывать детям слезы.

Он оставил мать на улице, забежал в юрту, чтобы одеться, и чуть не поскользнулся. На полу валялись черепки, лапша, к порогу текли ручейки воды.

— Сэндэн! — позвал сестру.

Вместо нее вошла мать, всплеснула руками.

— Не тужи о горшке, мама!

Солонто засмеялась:

— Уж верно, по разбитому горшку не вздыхают. День-то какой, день-то какой!..

На улицах села появились красные и красно-синие флаги, наспех написанные лозунги, послышались музыка, песни, и эта нарядная пестрота как нельзя лучше шла весеннему наряду земли.

Той же победной весной в селе открылись курсы ветеринаров. Солонто стала уговаривать сына, чтобы и он подал туда документы.

— Сказывают, заниматься будет доктор из Советского Союза. Выучишься — пойдешь работать в наш госхоз. А скот ты любишь.

Да, животных Цаган любил. Он иногда думал: хорошо бы научиться их понимать. Вот, скажем, лошадь. Бывало, уставится на тебя умными глазищами,

вроде что-то говорит тебе, а ты не понимаешь ее, не догадываешься, чего ей надо. Или корова. Всегда с печальными глазами. Почему?

А Солонго продолжала:

— И в армию, говорят, не возьмут тех, кто пойдет учиться на ветеринара.

Эти слова обожгли Цагана.

С детства ему хотелось стать танкистом. Быстроходные могучие машины, молодых улыбающихся парней в необычных шлемах он видел в кино, на фотографиях в журналах и газетах. Часто о них рассказывал и дядя Жалбу. «Здорово дрались советские танкисты на Халхин-голе, — говорил он. И всегда рассказ заканчивал советом Цагану: — Придет время идти на службу, просись в танкисты». С годами эта мечта отодвигалась, уступая место другой.

Однажды Цагану дали в библиотеке потрепанную книгу. В ней рассказывалось, как горстка цириков-пограничников разбила роту японцев, напавших на заставу. Почти все пограничники погибли, а врага не пропустили. Цагану вдруг подумалось: вот в таком, наверное, бою погиб и его отец.

Он решил пойти служить на границу. Все-таки конь настоящий, а не железный роднее, ближе ему. Недаром говорят: монгол сначала учится ездить на коне, потом ходить по земле. А на быстром коне и с острой шашкой в степи он неуязвим.

— Мама, я буду цириком, — сказал он, едва мать замолчала.

Солонго хлопнула себя по бокам:

— Этого еще не хватало! Отца убили на войне, дядю покалечило. Хватит с нас!

— Войны, мама, уже нет. Да и почему думаешь: если уж военный, так обязательно он должен воевать? Охранять границу буду.

— Вечно ты против материнской воли, — проворчала Солонго. — Все сам да сам. Отцова кровь в тебе бродит.

— Да не сердись, мама!

Солонго махнула рукой, отошла от сына.

Мечта между тем шла Цагану навстречу.

На очередном ревсомольском собрании в ячейке объявили, что идет набор для службы на границе. Цаган тут же написал заявление.

Военный городок располагался у самой монголо-маньчжурской границы. С севера и востока подступали скалистые горы, на их склонах вперемешку росли приземистые маньчжурские сосны, черные даурские березы и высоченные мачты-лиственницы, местами над деревьями громоздились голые скалы, похожие на древние мертвые башни и сказочные замки. У подножья гор плескался Керулен с пологими откосами золотистого песка, капризными поворотами.

Новобранцев привезли в городок ночью. Утром выстроили на плацу, распределили по взводам и отделениям, познакомили с командирами, распорядком. Во время переклички Цаган услышал знакомое имя Туул, с ним вместе, в одном взводе. Неужели одноклассник? Ведь он с родителями уехал в Улан-Батор! Когда распустили на перекур, Цаган пошел искать земляка. Они радостно обнялись, в казарме заняли койки рядом.

— Понимаешь, не брали меня, — вполголоса говорил Туул. — Что-то с глазами, мол, неладно. Упрашиваю айкомовцев и докторов — не соглашаются. Двинул к начальству повыше. Там назначили новую комиссию. И вот... — Он схватил подушку, скомкал ее и кинул на койку: — Добился-таки. Будем вместе! Попросимся на одну заставу. А командира отделения Алтая ты, случаем, не знаешь? От ребят слышал: из твоих мест, из Архангая. Сверхсрочник, строгий, говорят.

Цаган пожал плечами.

В начале второй недели распределяли коней. За Цаганом закрепили поджарого тонконогого степняка по кличке Рабль[1], с темными, почти черными гривой и хвостом. Цаган взял повод в руки, похлопал коня по гриве:

— Посмотрим, как ты летаешь.

---

[1] Рабль — самолет (монг.).

Фиолетовым глазом Рабль покосился на нового хозяина, как бы отвечая: «А я посмотрю, каков ты всадник».

И служба-учеба началась. Шли день за днем, неделя за неделей, внешне похожие одна на другую: подъем, физическая зарядка, три раза столовая, далее — занятия, там личное время, отбой — и снова новый круг.

Втянувшемуся с малых лет в напряженный во всякое время года ритм жизни арата-степняка Цагану не был в тягость и военный распорядок. Он аккуратно соблюдал строгий армейский режим, старательно исполнял приказы, слушал командиров внимательно, стремясь вникнуть во все тонкости военной науки.

Хотя в армии не выбирают дела и занятия по своему вкусу, не делят их на главные и второстепенные — все одинаково важно! — у Цагана самыми желанными были уроки верховой езды, рубка лозы и, конечно же, наряды на границу. Когда он садился в седло обученного коня, с настоящим боевым клинком, ему казалось, нет таких преград, которые бы он не одолел. Он не мог дождаться, когда станет настоящим пограничником. Но пока он всего-навсего боец учебного батальона, стреляет по фанерным мишеням, рубит ивовые прутья, задерживает условных нарушителей. «А ведь скоро поеду на заставу, — подбадривал он себя. — Куда же пошлют?» Нет, он не о том, где лучше и легче, просто интересно, где будет служить.

Не обходилось и без казусов.

На стрельбище выполняли упражнение — стреляли из карабина по движущимся мишеням. Цаган свалил в своем секторе все пять щитов, а патроны еще оставались. Рядом с ним на огневом рубеже лежал Сангарал — молчаливый нескладный цирик, он истратил все патроны, а поразил только три мишени. И целился не спеша, а выстрелит — и мимо. Сангарал нервничал, на лице выступила холодная испарина.

— Сейчас уложим, — шепнул Цаган цирику, ища глазами, где командир отделения, сержант Алтай. Ага, вон он, на крайней огневой точке, что-то объясняет цирику. «Не заметит».

Меткими выстрелами Цаган уложил злополучные мишени.

Номер однако не прошел. Наверное, правильно говорят: командир затылком видит, спиной слышит. Пришлось Цагану объясняться.

— Оказывается, напрасно хвалю тебя, — издалека начал скороговоркой Алтай, сверля цирика глубоко спрятанными колючими глазами.

— Хотел помочь товарищу, — признался тот.

Алтай покачал головой.

— И ты считаешь это помощью? Мой дед-охотник, помню, говорил: «На охоте плохой стрелок — зверю помощник». Замени слово зверь на слово враг да представь, что ты не на стрельбище, а на поле боя, что получится?

И перед строем объявил Цагану выговор.

Неладно получилось и с уздечкой.

Однажды на занятие по верховой езде Цаган надел на коня серебряную уздечку. И надо же, на манеж пришел сам комбат капитан Омбо! Кадровый кавалерист, военного коня он не позволял называть лошадью. «Лошадь возит воду, — сердито поправлял он в таких случаях. — А конь — воеводу».

Омбо вышел на середину круга и, заложив руки за спину, стал разглядывать будущих пограничников. Молодые наездники сидели в седлах цепко, непринужденно — дело для них привычное. «Монгол родится в юрте, вырастает в седле, умирает в степи». Но некоторые из цириков сидели, то слишком низко наклонясь к гриве, или, наоборот, далеко назад откачнувшись, взмахивали руками, будто собирались вспорхнуть. Омбо хотел было остановить занятие, как вдруг его внимание привлек цирик на молодом халхасце с темными гривой и хвостом.

— Это что за артист? — показал капитан на Цагана.

Алтай глянул на цирика и удивился. Готовились к занятию, все было в порядке. И когда успел заменить форменную уздечку на свою, домашнюю? Ну и настырный, прямо-таки поперечный.

— Уздечку он привез из дома, — доложил Алтай. — Но надевать я ее не разрешал.

— Выходит, самовольно? — повысил голос Омбо.

— Разрешите исправить?

— Да, да, немедленно, — уже как-то рассеянно перебил комбат сержанта, а про себя продолжил: «Где же я такую уздечку видел? Где?»

Перед уходом с манежа Омбо приказал Алтаю прислать к нему цирика.

— Сразу же после занятия, — добавил он, — и с уздечкой.

Омбо медленно поворачивал в руках уздечку, качал ее, а чтобы лучше разглядеть украшения — серебряные квадратики, треугольнички и круглые нашлепки, подносил близко к глазам, при этом высоко вскидывал выцветшие кустистые брови. Лицо его делалось то задумчивым, то вдруг озарялось каким-то светом, который, казалось, излучали морщинки в уголках глаз.

«Что с ним? — удивлялся Цаган, следя за комбатом. — Вроде всегда хмурый, туча, а тут...»

— Как звали твоего отца?

Цаган ответил:

— Хабдагаем.

Продолжая рассматривать уздечку, Омбо подошел к Цагану, стоявшему перед ним навытяжку:

— Я ведь знал твоего отца. Хорошо помню! До сих пор вижу его прямотаки буденовские усы.

— Расскажите, товарищ капитан, как погиб отец!

Омбо передал Цагану уздечку, подошел к шкафу, стоявшему у самого стола, достал пожелтевшую газету, протянул цирику:

— Возьми. Статья тут моя, писал лет семь назад, ты тогда, наверное, еще читать не умел.

Он глянул на настольные часы, неожиданно посерьезнел:

— Армейский порядок нарушать нельзя. Нельзя! Ты скоро станешь пограничником, а пограничник — это цирик во всех отношениях образцовый, я бы назвал его эталоном в армии. И первое качество пограничника — дисциплинированность, от нее начинаются честность, мужество, убежденность.

«Ну вот, пошло, — покосился Цаган на комбата. — На политзанятиях сегодня об этом же говорили. Ладно, слушать надо».

— Тебе же есть с кого пример брать. На отца равняйся. Он был ранен, а когда потребовалось помочь окруженному отряду, не раздумывая пошел... Словом, в статье об этом я подробно написал.

— Понял, товарищ капитан, — торопливо проговорил Цаган, сгорая от нетерпения скорее прочитать статью.

Комбат снова глянул на часы, собрал со стола бумаги, спрятал их в сейф, надел фуражку.

— А уздечку храни. Она не простая, серебряной прозывается, лучшими мастерами сработана. Тогда других наград не было, вот наш дарга и придумал отмечать самых храбрых такой наградой. Их совсем мало, я вот с тех пор первую вижу. Теперь эта награда приобрела другой смысл. Она не просто награда отцу, дар сыну, а наказ старшего поколения молодому, своей смене: берегите, защищайте то, что завоевано нами, добыто ценой многих жизней! Помню, отец твой говорил: «Разобьем мятежников, новую жизнь строить примемся, детей растить». В партию готовился он вступить, да вот не успел. Обидно, ведь тот бой был последний.

Цаган молчал.

— Вот все. Можешь идти. Да, уздечку советую сдать в музей. Напиши матери, все-таки семейная реликвия, память самая дорогая.

Ночью Цаган дежурил на конюшне. Утром, сдав пост другому цирику, позавтракал и отправился в комнату Сухэ-Батора. Вчера перед заступлением на дежурство получил от Ринчины письмо, а ответить не успел. Пишет она редко, каждое письмо выучил, как стихотворение. Пошла учиться на счетовода, кончит курсы и будет работать в госхозе.

Цаган положил перед собой лист бумаги, поставил чернильницу, но прежде чем написать первую строчку, еще раз развернул вчерашнее письмо. «Парни и девчата собираются в Красной юрте, а мне там скучно, потому что нет тебя. Думаешь ли ты обо мне?»

Цаган вздохнул. Эх, крылья бы! Слетал бы в Боронцы, глянул на тебя, на мать, сестренку — и обратно. А о тебе, Ринчина, я всегда думаю, во сне вижу. Каждый день с закатным солнцем привет посылаю — ведь ты в той стороне, куда садится солнышко. Смотри вечером на него и знай: поцелуй оно тебе несет горячий, долгий. Так бы и погладить твои волосы, мягкие, душистые, как степные цветы. А скучать, — продолжал он мысленный разговор с Ринчиной, — некогда. Много учимся. В кружок самодеятельности хожу. Ездим с концертами на стойбища. Недавно читал скотоводам стихотворение «Поздний ягненок». Помнишь, оно всем в классе нравилось?

Он снова уткнулся в письмо: «Ты, дорогой мой, учись и служи хорошо, смотри, не пропусти через границу шпиона». Чудачка! Я не только что шпиона — всамделешной заставы не видел. Скоро поедем туда. Ну, надо писать. Он обмакнул перо, вывел на бумаге: «Здравствуй, любимая Рин...»

Громкая команда в казарме остановила руку Цагана. Дверь распахнулась:

— Выходи! Тревога!

На ходу застегиваясь, поправляя фуражки, цирики выбегали на улицу и, не ожидая команды, выстраивались поотделенно. Откуда-то перед цириками появился капитан Омбо.

— В наш тыл прорвались два нарушителя границы. Нам приказано организовать преследование и задержать. В поиск пойдут...

В первую группу вошло все отделение сержанта Алтая. Цирикам предстояло обследовать Лиственничную падь. Маршрут был не из легких. Падь врезалась далеко в горы, по дну ее среди высокого и плотного ивняка и боярышника текла илистая речушка. Сунешься неосторожно в воду — увязнешь по пояс.

Алтай разделил отделение на две группы, старшим одной из них назначил Туула, батальонного силача.

Прежде чем войти в падь, Туул объявил:

— Цаган и Сангарал, пойдете по левому берегу речки, ответственный, — он уперся взглядом в Цагана, — будешь ты. Остальные за мной!

Цаган махнул рукой Сангаралу и первым нырнул под навес кустов. Упругие колючие ветки боярышника цеплялись за одежду, царапали лицо, ноги путались в густой высокой траве. А ведь надо идти быстро и по возможности бесшумно, не пропустить следов, других знаков, которые могли оставить нарушители. Да и быть готовым ко всяким неожиданностям, неизбежными в любом поиске. А тут еще посыпал дождь, сначала мелкий, редкий, он вскоре усилился, полился с шумом. Цирики моментально промокли насквозь. Сангарал захныкал:

— Давай переждем. В такую погоду собак не выгоняют, а мы...

Цаган не дал ему договорить, прошептал:

— Прекрати!

Сангарал замолчал, нехотя побрел, на чем свет стоит кляня про себя Цагана. «Выслуживается! Глядишь, скоро портрет нарисуют и повесят в казарме».

Цаган неожиданно изменил направление — пошел к речушке. Там остановился, что-то рассматривая под ногами, а когда подошел Сангарал, спросил его озабоченно:

— Ничего не видишь?

— Тебя вижу!

— Знаешь, Сангарал, еще скажешь что-либо не по делу, не обижайся...

Цаган показал под ноги:

— Видишь следы человека, в воде обрываются. Твоя задача: идти по берегу и проследить, не выходят ли они на наш берег?

Цаган снова наклонился над следом, чему-то улыбнулся. Выпрямился, тронул Сангарала за локоть:

— Не такие мы простаки, чтоб верблюда за овцу принять.

И от этого дружеского пожатия локтя и загадочной улыбки в Сангарале что-то тронулось, ему вдруг стало легче. «Может, зря я на него? Он ведь сейчас для меня командир, с него и спросят».

Дождь, как начался неожиданно, так и прекратился сразу, будто отрезало. Вышло солнце, и все вокруг задымилось от испарины.

Цаган шел быстро, напористо, часто утираясь то платком, то рукавом. Чтобы не потерять его из вида, Сангарал прибавил шаг и скоро согрелся, рас-

стегнул ворот гимнастерки, но все равно пот заливал глаза, тек по спине. Но теперь злости у цирика не было ни на погоду, ни на «выслуживающегося» Цагана. Больше того, ему захотелось подражать товарищу. Цагану ведь труднее, думал Сангарал, он почь ке спал, сразу после дежурства, а вида не показывает. А я что, хуже его? Он догнал Цагана, виновато заговорил:

— Знаешь, я там свежую ямку видел...

— Где? — впился Цаган взглядом в цирика.

— У той кособокой ольхи. Может, зверь рылся?

— На границе не должно быть «может», «наверное», «кажется». Все надо знать точно, все должно быть опознано. Показывай!

Место Сангарал нашел быстро. Да, действительно, кто-то рылся тут совсем недавно. Цаган палкой сгреб траву, и цирики увидели в ямке что-то завернутое в плотную бумагу. Сангарал потянулся к ней, но Цаган остановил его:

— Идем дальше, мы и без того времени немало потеряли. Еще раз говорю: примечай все и своевременно докладывай о всем замеченном! Сломанные веточки видел? Я уже две встретил, и обе в одну сторону. Неспроста это кем-то сделано...

Кусты кончились, и цирики увидели впереди, метрах в ста пятидесяти, старую заимку, которая смотрела на них двумя маленькими окнами.

— Проверим! — кивнул Цаган на избушку.

Сангарал сел на мокрую кочку. Он тяжело дышал, лицо было бледное.

— Плохо тебе?

— Ногу трет.

— Переобуйся, положи травы туда, где трет.

Сангарал сделал так, как советовал Цаган, потоптался.

— Лучше? Ну вот. Теперь слушай. Ты подберешься к заимке во-он по тому мелкому кустарничку, станешь под окнами. Я к двери, а там... следи за моей командой.

У избушки Цаган увидел следы, очень похожие на те, что нашел на берегу речушки. «Путаешь, хитришь, — ухмыльнулся он. — мы не из таких, чтоб верблюда за овцу принять...»

В заимку они ворвались вместе. Там оказались «нарушители» — лейтенант Жамьян и сержант Алтай.

Потом был разбор занятия. Дозольно поглядывая на циряков, капитан Омбо говорил:

— Все действовали активно. Особенно хочу отметить отделение сержанта Алтая и в его составе группу Цагана и Сангарала.

Обоим цирикам капитан объявил благодарность.

Сангарал, стоявший в строю рядом с Цаганом, легонько толкнул его в бок:

— Спасибо!

Цаган скосил глаза на цирика, прошептал:

— Все хорошо. Я думал, ты обиделся.

Третий день шла война с Японией. В районе города Маньчжурия советские войска разгромили крупную часть японцев. Разрозненные ее группы, побросав тяжелое вооружение и раненых, разбрелись по горам и болотам. Самураев неотступно преследовали советские подразделения. Монгольскому командованию было сообщено, что вдоль вала Чингис-хана движется отряд японцев, он, очевидно, попытается кратчайшим путем через Восточный аймак МНР пробиться в Китай. Один из районов, где могут выйти самураи на территорию Монголии, — учебный пограничный городок.

Туда направили старшего лейтенанта Тогмида. Он должен помочь командованию батальона выставить заслоны в местах наиболее вероятного появления японцев и не дать им уйти безнаказанно. «Не будут сдаваться — уничтожить!» В помощь пограничникам, которые только что приняли присягу, выделили эскадрон циряков, дополнительное вооружение и снаряжение — пулеметы и минометы, портативные рации, медикаменты.

Отправив все это на «студебеккерах», Тогмид с русским врачом, толстым

капитаном, и медсестрой, маленькой, изящной монголкой, на «виллисе» выехал чуть позднее.

Места Тогмиду знакомы. Три года командовал взводом в учебном батальоне, затем столько же был начальником заставы, что недалеко от лагеря.

Он сел на заднее сиденье рядом с врачом, снял фуражку и ремень, откинулся назад и, закрыв глаза, углубился в думы. Сказать семье, куда едет, он, естественно, не мог. Впрочем, за десять лет совместной жизни жена и двое сынишек привыкли к его внезапным отлучкам и ожиданиям, которыми так богата жизнь офицера-пограничника.

Вспомнился разговор в штабе. Седой полковник много говорил о коварстве самураев. По пути продвижения они отбирают у населения продукты, крепких лошадей, отравляют воду в колодцах, глумятся над жителями. «Об этом обязательно расскажите цирикам, чтобы знали, с кем придется драться».

Больше всего Тогмида интересовало другое: сколько японцев, одной или несколькими группами они идут, как вооружены? В штабе на эти вопросы ясных ответов не дали. «Не зря мы тебя посылаем, сам ответишь на них. Надеемся на тебя».

«Спасибо за доверие, — улыбнулся Тогмид, — попробуем разобраться».

В августе по утрам падают на землю плотные холодные росы и туманы, они держатся стойко и долго: в низинных местах часа два—три после восхода солнца, а в глубоких падях и распадках почти до полудня.

Вот в такое туманное утро из учебного лагеря выехал эскадрон цириков и взял курс на восток, к границе Маньчжурии. Переправившись вброд через речушку, впадавшую в Керулен, конники на рысях промчались по просторной долине, пока не уперлись в гряду невысоких сопок. Склоны их оказались каменистыми, с коварными щелями. Угодит лошадь в такой каменный капкан, и, считай, твой путь окончен.

Тогмид задумался: как быть? Искать объезд? Но на это потребуется немало времени, а у них дорога каждая минута.

— Спешиться! — скомандовал он. — Идти в один след. За мной сержант Алтай, вы, лейтенант Жамьян, замыкающим.

Шедшие впереди зорко смотрели под ноги, вовремя предупреждали об опасных щелях.

Перевалив через сопки, цирики сделали привал в распадке — тупике с бойким ручейком, бившим из-под горы. Тогмид окликнул сержанта Алтая.

— Подбери двух толковых цириков и с ними ко мне. Сходим в разведку.

Алтай повернулся, но Тогмид остановил его:

— А сейчас пришли ко мне цирика Цагана.

Цаган явился, доложил. Офицер сделал жест рукой: «Садись!»

Цаган опустился на траву рядом с Тогмидом.

— Узнаешь меня?

— Только вошли в казарму, сразу опознал, — улыбнулся Цаган. — Как можно забыть вас! Земляки...

— Вытянулся, в плечах раздался, окреп. Только, говорят, ершистый.

— Такой уж, видно, родился.

Помолчали оба.

Подошел сержант с двумя цириками. Тогмид встал, надел фуражку, кивнул на Цагана:

— Он тоже пойдет с нами.

Поправив на груди автомат, Цаган встал в строй рядом с двумя цириками. Один из них был знакомый — прокаленный ветрами и солнцем гобиец Саваз. Однажды кто-то из цириков неодобрительно отозвался о его родной Гоби, мол, лучше быть быком, чем человеком в Гоби, где дороже всего на свете глоток воды и клочок травы. Саваз бросился с кулаками на цирика. Ладно, товарищи уняли. Успокоившись, Саваз с сердцем сказал: «Кто не знает Гоби, тот не знает Монголии».

Разведчики поднялись на вершину сопки, поросшей мелким кустарником, колючим и почти без листьев. Вплоть до горизонта, где пирамидами громоздились сахарные кучевые облака, лежало болото, среди серо-зеленых кустов-островков проглядывали матовые окна воды. Хотя не ощущалось малейшего дви-

жения воздуха, оттуда, из низины, несло запахом застойной гнили. Внизу, у подножья сопки, пролегала старинная дорога, по которой когда-то пробирались караваны верблюдов с товарами в Китай. Со временем нашли более удобный путь, эту дорогу забыли, она одичала, заросла.

Сколько Тогмид ни напрягал глаз, ничего подозрительного не обнаружил. Ни звука, ни движения! Такое безмолвие и пустота всегда гнетуще действовали на него, вызывали неприятное ощущение одиночества, заброшенности, обостряли чувство беспокойства, словно вот-вот что-то неприятное должно произойти. Он глянул на цириков. Те негромко переговаривались, похоже, спорили. Тогмид подошел к ним.

— Товарищ старший лейтенант, посмотрите туда, — показал Цаган на склон голой сопки.

Офицер поднес к глазам бинокль и быстро отнял его.

— Козы... Так, что ли?

— Да! — подтвердил цирик. — Но почему они бегут так быстро, да еще на открытое место?

Тогмид снова взялся за бинокль, повторяя негромко: «Козы, козы...» — и неожиданно заключил:

— Кто-то спугнул... Живо вниз!

Привал прервали. Прежде чем двинуться дальше, выслали дозор под командованием сержанта Алтая.

Цирики ехали по старой тропе уже часа полтора и никаких признаков присутствия людей не обнаружили. Алтай начал сомневаться: мало ли почему козы бежали на открытое место? Может, не человек спугнул их? Вон просвет виден, надо остановиться там и решить, что делать дальше? Может, дождаться отряда и высказать свое мнение, что незачем и ехать туда?

Вдруг он резко рванул поводья. От неожиданности конь взвился свечкой. Алтай похлопал коня по шее, поднял руку: остановиться! Спешился и, низко наклонившись, стал осторожно раздвигать траву. Цирики подъехали к нему и увидели на росистой траве конские следы. И хотя никто ничего не сказал, каждый понял: тут проехали самураи.

Сержант вскочил в седло, махнул рукой:

— Глядеть в оба! Ехать, чтобы мышь не услышала.

...Смешанное чувство радости и беспокойства овладело Цаганом, когда он узнал, что и его зачислили в оперативный отряд. В первые минуты в нем все напряглось до предела — сознание, мускулы, даже мысли, и это напряжение готово было вылиться немедленно в действия. Прикажи ему — и он бросится в огонь, к черту на рога, куда угодно. Но, видя, как деловито, сосредоточенно, с каким-то непонятным спокойствием готовились в рейд командиры и старослужащие, он снова обрел уравновешенность, возбуждение спало. К тому же какой-то внутренний голос все настойчивее твердил: «Не горячись, остынь! Ты не на стрельбище, не на учебном занятии, предстоит встреча с настоящим врагом — беспощадным и коварным, и его надо победить, обязательно победить». Может, это говорили мать, капитан Омбо или сержант Алтай, его командир отделения?

И вот сейчас, когда он увидел следы самураев, им вновь овладело волнение, называемое боевым азартом. Враг близко, возможно, видит их, цириков, и выжидает момент, чтобы открыть убийственный огонь. Нет! Надо опередить самураев, первыми обнаружить их. Сжав автомат, Цаган стал осматривать кусты, камни.

Заросли поредели, и цирики увидели трех всадников в желто-зеленых фуражках. У каждого за спиной торчала длинноствольная винтовка «Арисака». Кони под седоками брели медленно, должно быть, немало отшагали. Утомленными выглядели и всадники; они сидели в седлах скособочившись, выпустив из рук поводья.

Цирики остановились.

Алтай, в общем-то уравновешенный, даже несколько для командира медлительный, заволновался: впервые предстоит решить боевую задачу. В нем словно начала раскручиваться какая-то потайная пружина. Глаза нетерпеливо перескакивали с одного предмета на другой, рука постоянно тянулась к автома-

ту, висевшему на груди, от волнения и напряжения на полных щеках выступил румянец.

Как же поступить с японцами? Это, конечно, дозор. А дозор от своих, известно, далеко не отрывается, может быть, в полукилометре, иначе — в десяти—пятнадцати минутах езды. Возможно, основной отряд и дальше, но возьмем самое минимальное — полкилометра. Что можно успеть за 10 — 15 минут? А может, не брать дозор, пропустить его? Ведь без перестрелки не обойтись. Успеют ли подойти наши, услышав стрельбу?

Все-таки надо попробовать взять японцев. Это же надежный «язык»!

— Савваз, с докладом к старшему лейтенанту, а мы тут... Словом, быстро!

Савваз ускакал, и Алтай объявил свой план:

— Дозор обгоним вот по этой лощине, справа, затем внезапно нападем. И всадники, и кони, сами видите, уставшие. Не ускачут от нас. Ясно?

Алтай уже разобрал поводья, готовился тронуть коня, но Цаган вдруг кивнул в сторону японцев:

— Смотрите, они спешились!

В самом деле, японцы уже стояли около своих коней и пугливо озирались по сторонам. Неужели заметили? Кажется, нет. Вон винтовки сняли и прислонили к дереву, разнуздали лошадей, пустили их пастись, а сами уселись в тени.

Нередко в сложных ситуациях, когда нет времени для размышлений, моментально рождаются смелые и правильные решения. В данном случае так получилось и у сержанта Алтая. Взять без шума японцев на открытой местности, решил он, не удастся. А что, если схитрить? Он повернулся к Туулу:

— Снимай седло и уздечку со своего Корня.

Цирик недоуменно смотрел на Алтая: что он придумал?

— Быстро! Быстро!

Вдвоем они «раздели» коня, травой протерли его спину и живот, чтобы меньше были заметны следы от седла и подпруг, затем Алтай, пригнувшись низко, за прядь гривы вывел Корня на тропу, повернул его в сторону японцев. Далее сработала привычка. Завидев группу людей, Корень непременно шел к ней, но если там не оказывалось знакомых, немедленно поворачивал — чужим в руки не давался.

Легкой трусцой Корень побежал в сторону японцев. Те повскакали с мест и кинулись было к оружию, но остановились. Лошадь-то без седока, седла и уздечки, значит, бесхозная, пригодится в дальней дороге. Корень приблизился к японцам, остановился и пошел в сторону. Сначала один японец, за ним второй и третий бросились наперерез лошади, намереваясь поймать ее.

Этого и ждал Алтай.

— Туул, в случае чего поддержишь нас огнем! — приказал он цирику. — Цаган, за мной!

Они вскочили в седла и галопом помчались к дереву, под которым стояли винтовки самураев.

Японцы заметили их поздно.

— Ложись! — скомандовал им Алтай.

Тем временем Цаган держал японцев под прицелом.

Дозор был взят без шума. Когда же Алтай и подоспевший Туул обыскивали пленных, один из них заерзал, что-то пытался достать из бокового кармана, Туул ударил японца, да, видно, не рассчитал: тот то ли от удара, то ли от страха потерял дар речи и на допросе только мычал и мотал головой.

Уже после, посмеявшись над выдумкой Алтая, Тогмид спросил:

— А если бы у кого-то из них были пистолет или граната?

— У рядовых японцев нет пистолетов, — уверенно заявил Алтай. — Гранаты у двоих были. Но они, видно, забыли в суматохе о них, да и не успели бы воспользоваться.

...Выслушав доклад Савваза, старший лейтенант Тогмид прямо в седле развернул карту, нашел на ней место, где обнаружены японцы, подозвал к себе лейтенанта Жамьяна, командира второго взвода.

В батальон Жамьян приехал сразу из военного училища. Это был молодой, среднего роста офицер с редкими для монгола желтыми глазами. Был он всегда аккуратно, с каким-то особым шиком одет. Как истый кавалерист, любил ще-

гольнуть умением виртуозно поджигитовать в седле, особенно на виду у молодых цириков.

— Давай-ка прикинем, где встретить японцев, — озабоченно начал Тогмид, обращаясь к подъехавшему Жамьяну. — Смотри, по правую сторону дороги болото, по левую — сопка с крутым склоном, за нею степь... Самое подходящее место остановить самураев тут, в узком месте, на выходе из пади.

Лейтенант покусал верхнюю пухлую губу — так он делал, когда требовалось высказать свое решение, заметил:

— Выбор верный. Только предлагаю выставить на сопке заслон. В болото самураи, может, и не сунутся, а на сопку, если приспичит, полезут, все-таки суша.

— Согласен! А теперь — вперед, надо спешить. Детали на месте.

На сопку отправили отделение сержанта Алтая. Взбираться на нее пришлось, как по ступенькам лестницы, с выступа на выступ, протискиваясь между огромных камней.

Цаган заметил седловину и устремился к ней. В спину, прерывисто всхрапывая, тыкался горячей мордой Рабль, как бы подгоняя: не задерживай! Обернувшись, Цаган потрепал коня по гриве:

— А ты оправдываешь свое имя...

Стараясь не отстать, за Цаганом упорно лез низкорослый Сангарал. До седловины оставалось не более десяти метров, и тут случилась беда: конь Сангарала поскользнулся и, не удержавшись на крутизне, покатился по склону, застрял в расщелине и заржал. Спасти его не было никакой возможности, пришлось пристрелить.

Наконец цирики поднялись на сопку. У всех от пота темнели спины, блестели лица, все часто дышали. Умаялись и кони: они глубоко водили взмокшими боками, шумно втягивали округлившимися упругими ноздрями воздух. Чуть в стороне от остальных цириков стоял Сангарал, глаза его были влажны. Алтай подошел к цирику и, как можно спокойнее, сказал:

— Ты не виноват.

— Надо было вытащить. Зачем так жестоко?

— И мне жаль, — в тон ответил Алтай. — Не муха ведь... Но лошадь сломала ногу, заржала. А под носом японцы. — И построжал: — Все, кончай панихиду!

Макушка сопки была сравнительно ровная, лишь кое-где торчали крупные, будто сундуки, камни: на противоположном пологом склоне кудрявился густой березняк, за ним, на сколько хватал глаз, раскинулась лиловая степь.

— Коней поставить в той рощице. С ними останется Сангарал. Каждому занять огневой рубеж.

— Товарищ сержант, — взмолился Сангарал, — Я с вами...

— Выполняйте приказ!

Сержант выбрал для себя место на правом фланге — за продолговатым камнем, откуда был отличный обзор долины и сопки, затем осмотрел огневой рубеж каждого цирика, сделал несколько замечаний, еще раз напомнил:

— Без команды никаких движений!

Японцев увидели не сразу. Сначала внизу послышался неясный шум, будто по верхушкам деревьев и кустов прошелся ветер или прошелестел крупный дождь, вскоре из зарослей вынырнул всадник, за ним второй, третий... Японцы ехали по двое в ряд, громко переговаривались, смеялись — словом, уверенно, как на прогулке. В строю были и вьючные лошади, на каждой по два мешка наперевес.

Цирики, засевшие на сопке, с нетерпением посматривали в сторону распадка, куда только что подошел отряд Тогмида. Вон группа под командованием лейтенанта Жамьяна, отличного рубаки и ловкого наездника, пробирается к самому узкому месту, чтобы запереть выход из долины. Другую повел Тогмид.

«Сейчас будет сигнал к атаке», — подумал сержант Алтай, и, как бы в ответ на его мысли, раздались выстрелы. Тишину вспороли скороговорки ручных пулеметов, треск автоматов. Над долиной заплескалось разноголосое «Ура!» — это цирики кинулись в атаку на самураев.

Появление монголов на их пути оказалось для японцев полной неожидан-

ностью, и они поначалу опешили. Передние ряды остановились, а задние продолжали напирать, и скоро строй смешался. Началась беспорядочная пальба. Наконец самураи опомнились, послышались протяжные зычные команды. Одни японцы погнали коней к кустам, другие к узкому проходу, откуда только что выехали, и всюду натыкались на цириков.

У болота поднялась суматоха. Самураи нещадно хлестали лошадей, которые не хотели лезть в трясину, упирались, шарахались, а некоторые, освободившись от седоков, с диким пронзительным ржанием уносились в разные стороны. Более опытные японцы, поняв, что попали в ловушку, повернули от болота и отчаянно помчались навстречу монголам, намереваясь смять их.

Цагану, возбужденному близостью врага, разгоравшимся боем, не терпелось ввязаться в перестрелку. Сердцу в груди стало тесно, трудно было дышать, даже ладони вспотели. Он ловил на мушку то одного самурая, то другого и всякий раз, стиснув от досады зубы, снимал палец со спускового крючка. Нельзя! Нет приказа.

Убедившись, что выход из долины прочно закрыт, японцы бросились к сопке.

Сержант Алтай видел, как самураи дружно, валом хлынули к горе, кто на лошадях, а большинство, побросав их, бежали или ползли на скалистый склон.

Взвилась красная ракета. Не дожидаясь, когда яркое пятно на небе растает, Алтай поднялся на колени и торопливой скороговоркой скомандовал:

— По самураям огонь!

В редком кустарнике Цаган увидел японца в желтых сапогах, он торопливо стаскивал с себя зеленоватый френч, срывал погоны.

— И форма стала не нужна, вояка! — прошептал Цаган и дал по нему короткую очередь.

Японец упал, так и не успев сорвать второй погон. Потом Цаган сразил очкастого самурая, который, обняв коня за шею, гнал на сопку. А там что?

Левее Цагана никого из цириков не было. Это, очевидно, заметили японцы и, прячась за камнями, повалили туда. «Хотят обойти меня», — стрельнуло в голове Цагана. Когда самураи выскочили на открытое место, Цаган яростно полоснул по ним из автомата. Около Цагана густо зацокали пули, в лицо брызнули каменные крошки. Он сменил позицию, высунулся из-за укрытия, и в тот же миг ему хлестко ударило в правое плечо. Сгоряча не ощутил боли и, только когда почувствовал, как что-то горячее потекло под мышку, понял: ранен!

«Ну, гады!» — зло выругался он, отполз за другое укрытие, снова выглянул. Несколько японцев затаилось в небольшом углублении, метрах в двадцати. Автоматом не достанешь. Цаган зарядил гранату, кинул в углубление. Ухнул взрыв — с шуршанием покатились с крутизны камни, послышался истошный крик.

Остальные японцы, не очень-то маскируясь, рванули в сторону, в обход Цагана. Если не остановить, они перевалят сопку, увидят в рощице коней и тогда... Цаган крикнул:

— Японцы прорвались!

Не дожидаясь подмоги, он, чтобы лучше видеть, встал на колени и короткими очередями обстрелял самураев, бросил еще одну гранату. Те залегли, открыли ответный огонь.

Рядом появился Туул, прокричал:

— Держись, Цаган!

Правое Цагана грохнул взрыв. В ушах зазвенело, сильнее заныло правое плечо. Он поднял автомат, который почему-то вдруг потяжелел, стал непослушным. Сознание заработало толчками: видел, как к нему бежали цирики, другое ускользало — где же Туул? Только мысль: «Японцы не должны пройти» — пульсировала неизменно четко, настойчиво, как приказ. Да это и есть приказ. Должен выстоять! Он положил автомат на камень, припал к прикладу. Были выстрелы или нет, он не слышал, но увидел: два японца, оказавшиеся уже на макушке сопки, неуклюже взмахнув руками, выронили винтовки и рухнули. Он еще раз нажал на спусковой крючок... Перед глазами, как в испорченном кино, запрыгали пятна-кадры, потом почувствовал, как кто-то легко поднял его, и он поплыл, поплыл...

Туул, на что уж сильный, с трудом оторвал Цагана от камня, за который он ухватился левой здоровой рукой, а правой все норовил поднять автомат.

— Отстань! Японцы там... там! — выкрикивал Цаган в горячности.

Уложив его в безопасное место, в кусты около рощицы, Туул, на ходу меняя диск в автомате, побежал на сопку и прямо перед собой увидел группу японцев. Вскинул автомат, полоснул по ним. Над головой Туула звенькнула, будто лопнувшая струна, пуля, вторая ударила в автомат. Так и есть: заклинило затвор! А самураи рядом. Он упал на землю. Самураи, очевидно, решили, что скосили цирика, побежали к рощице. Туул вскочил, взял автомат за горячий ствол, кошкой метнулся к ближнему японцу, ударил по голове, повернулся, достал второго.

— Туул, японец сзади! — услышал он крик, но не узнал голоса.

Крутнувшись, Туул увидел перед собой разъяренный оскал, но поднять автомат не успел. Ударом кинжала в бок японец свалил цирика. И сам тут же рухнул от пули сержанта Алтая, бежавшего на помощь товарищу.

Сангарал, оставленный в рощице охранять лошадей, то и дело выбегал на опушку, с тревогой прислушиваясь к выстрелам на сопке. «Может, помочь кому надо, а я тут отсиживаюсь? — терзался цирик. — Но не бросишь же пост... Приказ!»

И все же он не остался безучастным свидетелем боя. Когда перестрелка особенно ожесточилась и приблизилась, Сангарал выбежал на взгорок и увидел стремительно приближающегося японца. Еще немного, и он будет у коней. Сангарал тщательно прицелился и выстрелил. Это был единственный японец, который прорвался к березовой рощице.

Бой в долине и на сопке кончился. Немногие уцелевшие самураи сдались. Они выползали из кустов, поднимались из-за камней, злобно сверкая кровью налитыми глазами, бросали к ногам цириков оружие и молча отходили в сторону, где их тщательно обыскивали. У многих находили спрятанные пистолеты, кинжалы и даже гранаты. У одного офицера под нижним бельем обнаружили боевое знамя — белое полотнище с большим красным кругом посередине.

Редкие автоматные очереди и одиночные выстрелы раздавались лишь у болота. Небольшая группа японцев отыскала в зарослях ивняка крошечный островок — нагромождение голых камней и засела в них. Скоро трое из них сдались, а оставшиеся — судя по выстрелам, двое-трое — на неоднократные предложения прекратить бессмысленное сопротивление отвечали грязной руганью и выстрелами.

Лейтенант Жамьян, знавший немного японский язык, еще раз крикнул:

— Сдавайтесь! На размышление даем пять минут!

— Да что, товарищ лейтенант, возиться с ними!? — горячился гобиец Саваз с огромным синяком на лбу (в рукопашной схватке японец врезал ему ребром ладони). — Разрешите? — С этими словами он вытащил из сумки гранату.

Жамьян остановил его:

— Спрячь!

Саваз зло плюнул в сторону японцев и отошел.

Лейтенанту непременно хотелось взять этих японцев живыми. По тому, как отчаянно те сопротивляются, можно было сделать вывод: важные это птицы.

Шла последняя минута последнего предупреждения. Жамьян глянул на часы, натянул ниже фуражку:

— Что ж, начнем!

Неожиданно над камнями показались руки, затем вышел японец — в очках, с брюшком, без головного убора. И тотчас раздался выстрел — японец, что-то крикнув, упал.

Жамьян метнул взгляд на цириков: кто?

— Свои его, — сплюнул Саваз и снова вытащил гранату: — Товарищ лейтенант, разрешите? Что с ними церемониться?

— Оставить!

Жамьян жестом подозвал цириков к себе ближе и объявил свой план захвата японцев.

Двое цириков, отвлекая их внимание на себя, стали изредка обстреливать

их, а тем временем другая группа во главе с лейтенантом Жамьяном по мелководью скрытно подобралась к засаде.

Маневр удался. Цирики подошли к камням с двух сторон, оставалось сделать решительный бросок. И в этот момент их заметили. Из укрытия выскочил самурай и дважды выстрелил в цириков, а вместо третьего раздался сухой щелчок. Отбросив в сторону маузер, японец юркнул за камни, выхватил из ножен длинный офицерский меч с лакированной рукоятью и ударил себя в живот. Все это было сделано с такой быстротой, что цирики не успели и глазом моргнуть.

Вылазка эта стоила жизни Савазу. Одна из самурайских пуль угодила цирику в голову. Ему тотчас сделали перевязку, отправили в медпункт. По дороге он скончался.

Лейтенант Жамьян долго казнился: зачем он придумал брать этих обреченных самураев живыми?

Управившись с самыми неотложными делами, Тогмид ушел в канцелярию батальона, рухнул на диван. Тело враз обмякло, словно вынули из него некий стержень, лишили мускулов. Отяжелели и дрожавшие от возбуждения руки. Ныла нога. В пылу боя он не сразу почувствовал, как пуля чиркнула чуть выше колена. Заметил санитар, оказавшийся рядом, он и сделал перевязку.

Тогмид откинулся на спинку дивана, закрыл глаза, и сразу ожил бой: послышались захлебывавшиеся очереди пулеметов и автоматов, хлопки винтовок и карабинов, ржание раненых лошадей, перед глазами поплыли знакомые лица цириков. «А действовали все умело, напористо, — отметил он. — Не подвели молодые пограничники! Не обошлось и без потерь: есть убитые, многие ранены. Да, подумать, кого предложить к награждению. Впрочем, до этого ли сейчас? Непонятно, зачем торопят?

Тогмид мотнул головой, встал, открыл окно — повеяло прохладой, горьковатым запахом начавших увядать берез. Он умылся, накинул на плечи шинель и отправился в медпункт. Вот-вот прилетит санитарный самолет за тяжелоранеными, помочь отправить их. После проверить, надежно ли охраняют пленных. Ну и грабители же эти самураи! В мешках, что сняли с вьючных лошадей, оказались, кроме штабных документов и орденов, золотые и серебряные монгольские и китайские украшения, табакерки, пиалы, бурханы, небольшие картины.

Цагану разрешили ходить только через три недели после операции. Признаки контузии окончательно исчезли — голову не кружило, не было тошноты. Из правого плеча хирурги вынули пулю и два крошечных осколка от гранаты, но рука действовала плохо, была на повязке.

Обычно после обеда он брал журналы и газеты и спускался со второго этажа госпиталя во двор, садился на скамейку под раскидистой яблонью. Прочитав газеты, Цаган погружался в раздумье. А были они невеселые.

Вроде все складывалось так, как задумал. Хотелось стать пограничником — добился, мечтал выучиться на командира — тоже получалось, комбат обещал дать рекомендацию в училище. А вот дальше все полетело кувырком. В первом же бою ранило. Теперь вряд ли оставят в армии.

Скорее бы уж комиссия! О фронте нечего и мечтать. Война кончилась. Жидковаты оказались «дети солнца». А на весь мир раструбили: непобедимая квантунская! Где же она? Развалилась! Верно советские солдаты окрестили ее — хвастунская.

Очень жаль Туула и Савааза — погибли! Туул носил амулет — серебряного бурханчика на тонкой витой цепочке. Мать у него богомольная, пошел в армию — повесила на грудь. Цаган как-то спросил: «Веришь?» Тот неопределенно ответил: «Может, что и есть. Маму не хотел обижать — взял». А какой богатырь был! Как-то на спор поднял на вытянутых руках камень размером с крупную овцу. Меня вынес с поля боя. Это сержант Алтай сказал.

И комбат Омбо погиб геройски. В газетах писали. Капитана Омбо вместе с группой цириков окружили самураи. Цирики отстреливались до последнего патрона, всех ранило. Японцы с криком «Банзай!» бросились на израненных. Омбо нашел в себе силы, опираясь на шашку, поднялся и кинул под ноги врагам последние две гранаты. А воевал он в составе советско-монгольского конно-

механизированного корпуса под командованием советского генерала И. Плиева. Добрый был комбат, зря боялись его цирики.

...В конце дня в госпиталь пришла почта.

Сегодня повезло и Цагану: сразу три письма.

Он прошел в отдаленный угол двора, сел на полюбившуюся скамеечку под яблонью.

Первым распечатал письмо от матери. Его писала под диктовку сестренка, пятиклассница Сэндэн. «Как же ты, сын мой, не уберегся от неприятельской пули? Сколь раз увещевала тебя: не горячись, не лезь бесшабашно! Да, видно, не доходит до тебя материнское слово. Ну, ладно, уж не сердись, я не ворчу. Как ты там, родной? Куда тебя ранили? Целы ли руки и ноги?

Цаган читал и видел расстроенное лицо матери. Уж прости меня, расчувствовался и он, за то, что много хлопот-забот приношу своим несносным характером! Что же дальше? «Рады мы, конечно, что вы, наши защитники, одолели врага-японца. Хорошо ли лечат тебя? Может, какой травы прислать? Вот управлюсь — приеду к тебе...»

Второе письмо было от друга детства Базара. Вспомнил! Ну-ка, что ты пишешь?

Оно оказалось совсем короткое, одни восклицания: «Хвалю! Гордимся тобой! Крепись!» И все в том же духе. Только в конце сообщал, что ходит на курсы русского языка, а через год поедет в Советский Союз поступать в медицинский институт.

«Хвалю!» — резюмировал Цаган и взялся за письмо от Ринчины. Он долго вертел конверт в руках, зачем-то посмотрел его на свет, перечитал адрес, написанный мелким кудрявым почерком, и только после надорвал. Из конверта выкатился тонкий шелковый платок. Развернул его — в середине поля вышит узорчатый оранжевый круг, означающий пожелание здоровья и долголетия.

— Спасибо, милая! — прошептал Цаган, поцеловав платок.

«С горечью узнала, что тебя ранили...» Да что вы — сговорились? Нужна мне жалость, как лысому расческа! Ага, а это совсем другое. «Я верила в тебя — ты выполнишь любой приказ своего командира. Когда началась война, у нас было ревсомольское собрание. Парни и девчата решили работать по-фронтовому: не жалея сил, все делать быстрее, лучше — в общем, равняться на вас, наших смелых цириков... Поправляйся, милый, скорее и приезжай домой. Очень жду тебя. Жду! Жду!! Целую тебя и твои раны, чтобы быстрее зажили».

Цаган еще раз пробежал по последним строчкам: «Целую тебя и твои раны...», — положил письмо на скамейку. Ну, вот, будто побывал дома, среди своих, услышал родные голоса. И вдруг спохватился: как же он будет писать ответы? Правая-то рука на повязке. Опять придется просить Жамца. Покалеченный лежит парень-красавец. До армии работал табунщиком. Спортсмен. На фронте был связистом. Во время боя нарушилась связь, и он вызвался исправить повреждение телефонной линии. На ровном месте японцы заметили смельчака, обстреляли из миномета, ранили в обе ноги. Жамц продолжал ползти на локтях, нашел обрыв и, когда соединил оба конца провода, потерял сознание. В госпитале Жамцу отняли левую ногу. Первые дни цирик совсем было пал духом, часами тоскливо смотрел на толстенную культю. Врач часто подходил к нему, говорил: «Не унывай, парень, сделаем такой протез, не то что бегать — плясать станешь». Жамц повеселел, каждый день стал девушке писать, учительница она. О, письма у него душевные получаются, даже стихами может. Цаган уж не раз просил его. Так пишет, будто мысли читает.

В начале октября Цагана вызвали на медицинскую комиссию. Его долго вертели, прослушивали, простукивали, проверяли слух, зрение, мяли руки, ноги.

— Не напрягайся и не бодрись! — весело и певуче заметил седой врач. — Не на базаре.

— Я ничего, — заверил Цаган. — Как есть!

— Вижу, — пропел врач.

Вечером того же дня Цагану объявили:

— Собирайся домой. Вот бумаги!

Немигающими, широко открытыми глазами Цаган уставился на врача, не решаясь брать документы.

— Никак, от радости дара речи лишился, хоть снова на койку. Да бери же бумаги! Завтра утром машина будет, уедешь.

Цаган продолжал страдальчески глядеть на врача.

— Товарищ доктор, насовсем меня из армии? Только честно!

Доктор зачем-то полистал документы, улыбнулся, сказал обнадеживающе:

— Через три месяца повторная комиссия. Организм у тебя крепкий, завидно крепкий. Нет оснований отказать тебе в службе. Словом, не унывай!

Цаган радостно кинулся к доктору.

— Спасибо вам! Спасибо!

Автомашину Цаган ждать не стал. Ему захотелось посмотреть город, ведь он впервые в столице! Затем зайдет в музей, сдаст уздечку. Мама согласилась. Потом он купит подарки маме, сестренке, дяде, тетушке и, конечно, Ринчине. Да, что же подарить ей? Шапочку белую? Нет, лучше украшения — висячие сережки, ослепительные, как ее улыбка, как ее глаза. В них она совсем красивой станет.

Едва забрезжил поздний рассвет за окнами, Цаган собрал немудрящие солдатские пожитки, стал прощаться с товарищами по палате.

— Не забудь об уговоре! — напомнил Жамц. — Побывать друг у друга на свадьбе.

— Как можно! — заверил Цаган. — Ну, а ты поправляйся быстрее. За каменной оградой госпиталя начиналась степь.

Цаган поднялся на макушку холма. Вот-вот покажется солнце.

Цаган любил восход, каждый раз он благоговел перед ним, словно видел в первый раз. Недаром табунщики считают самыми счастливыми минутами в своей жизни встречу солнца в степи. В этот момент лошади останавливаются и, повернув морды на восток, медленно покачивают ими, не иначе как кланяются начинавшемуся дню.

Низко над землей качался холодный слоистый туман. В полнеба полыхала алая заря, она была ярко-золотистой, почти белой, как в середине кузнечного горна.

Цаган снял фуражку, прошептал:

— Сейчас!

И вот на горизонте, казалось, из земной глуби, проклюнулась огненная горбушка, и от нее сразу потянулись косые лучи. Горбушка на глазах округлялась, становилась все крупнее и наконец оформилась в огромный желто-оранжевый шар, который легко, будто совсем невесомый, отделился от земли и устремился ввысь.

Не выдержав яркого блеска солнца, Цаган зажмурился, но перед глазами долго плавали белые, красные, желтые и черные круги, бесформенные пятна. Когда они растаяли, Цаган открыл глаза и увидел степь, затопленную золотисто-сиреневой дымкой.

Дышалось легко, глубоко, весь мир казался добрым, ласковым.

Немного Цаган прожил на белом свете и видел страну не всю — она такая огромная! — но и там, где кочевала когда-то семья, он видел одно небо — высокое, чистое, одну степь — яркую и ароматную весной, ласковую и щедрую летом, суровую и тоскливую в бесснежную и морозную зиму, но всегда, в любое время года, приветливую, родную, единственную.

Цаган погладил верх зеленой фуражки, натянул ее на голову и, напевая песню о девушке, которая ждет своего любимого из далекого похода, бодро зашагал в город.

Надежда КАРЛОВА

ШИПОВНИК

РАССКАЗ

И то, сколько шиповника вокруг,— было уже много.

А впереди еще зачинался.

На пятачке, испепеленном зноем, потоптанном конскими копытами, не имущем ранее иной травы, чем лебеда, пронзрос особо густо и, усыпанный цветами — сиреневыми, белыми, розовыми,— теперь, на закате, благоухал на всю округу.

В июле Супонин собрался в деревню — приобрел билет, купил дипломат и поехал разбираться со старухой-матерью и сестрой.

Выйдя из автобуса, пошел напрямик, через лес, и сразу на пути встал шиповник. Супонин полез в него, как в драку,— оцарапался, искровенился, еле выбравшись, беспомощно оглянулся: безвинно смотрели прямо в глаза жгучие кустарники, чуть поодаль по-хозяйски бродили белые кони, и их тела на закате казались багровыми. Зачуяв его, кони навострили уши, но встретили безмолвно, а оглядев, равнодушно отвернулись.

Супонин работал в автобусном парке механиком и считался особым специалистом. Его избирали в профком, и кто-нибудь из автобусников при этом обязательно для убедительности добавлял: «Супонина! Он совестливый. Из деревни же...»

Сперва ему было стыдно, что на него обращают внимание, но с годами перестал смущаться и стал призывать к совести. «Нам честно жить надо,— произносил он на собраниях,— самое главное, мы должны уметь говорить правду».

Его не одергивали, но за глаза мягко называли «Поня».

Жена и подростки-сыновья отговаривали ехать в деревню. Но за неделю до отпуска его избрали председателем головной группы народного контроля, и кто-то опять высказывался, что у него чистейшая биография.

Тут он и вспомнил Тальку.

Кто бы мог подумать, что Наташка, или просто Талька,— некогда лучшая в школе, звонкая, как птица летняя, с косой чуть не до пят, станет блудницей... Начнет зачинать детей. От одного, от другого...

Первого, Костю, он ей простил. Она приезжала тогда в город и жаловалась, что болеет, а отец, хворый с войны, наказывал: не излечившись, не возвращаться. Была она похорошевшая и нарядная. Валя, жена, позавидовала и все выспрашивала, где купила то, другое. Талька смущалась, говорила разное, а под конец заявила, что в моде теперь богатые, чем разозлила его. Он пристыдил: комсомолка, а рассуждаешь, как... И вспомнил слышанное: как мещанка. Помыкавшись по больницам и не попав к нужным врачам, Талька уехала обратно.

А через полгода в самые снегопады в голубом конверте из деревни пришло известие, что сестра родила сына.

Вскоре умер отец. Она бегала, доставала продукты и поминки отводила хорошо. Супонин был доволен, что крестьянская смекалка у

сестры имелась. Но не прошло и года после похорон, она родила Мишаню...

А минуло три года — печку они с матерью клали,— и то ли от печника, то ли еще от кого — Талька расщедрилась на девчонок-двойняшек. Валя только в ладоши хлопала и безудержно восклицала: «Сестричка так сестричка у тебя!»

Еще в автобусе, слушая, как шофер из их автопарка сокрушался, что поздно взялись охранять природу — столько погублено чистых и полноводных рек, Супонин был осенен мыслью: правильно, что не вникал в Талькину жизнь. Но теперь пришел его, брата, черед, и он, как велит совесть, едет...

Когда спустился в теплый и влажный калтус, покосами навстречу, облитая закатывающимся солнцем, неспешно вышла деревня. Он увидел родную избу, амбар, крытый корьем, у забора рядком две бочки. На лавке у амбарной стены, почерневшей от дождей, подслеповато щурясь на закат, сидела в коричневом мать, держа в руке костыль. Рядом возились ребятишки. Каталась по цепи Ласка.

Стоял вечерний тихий час. Пронзительно пели в калтусе каменки. Летали бабочки, медленно махая красивыми крылами. Бежали под ноги в ажурных шапочках одуванчики, но от шагов таяли, оставляя неприкаянный одинокий стебель. По дороге брел с пастбища скот, волоча за собой столбы пыли и разный летний гнус.

С крыльца, в чем-то синем, сходила Талька.

Завидев его, она побежала навстречу. За ней гуськом потянулись ребятишки. Поднялась мать и, волнуясь, стала переминаться с ноги на ногу, поддерживая себя костылем.

Талька упала ему на грудь и заплакала:

— А мы тебя, братец, на Пасху ждали!.. Потом и на родительский день.

Ребятишки — Мишаня с живыми круглыми глазенками на матовом личике, курносые девчушки, похожие на своего брата,— тоже прильнули и заревели, видно, на мать глядя. Костя сдержанно подал руку.

Подошли к матери. Она, обвив его за шею, беззубым ртом прошептала:

— Што ж, миленький, долго не был?.. А я ить слепа стала.

Супонин был сдержан, и они, видимо, почувствовали это — ведя в избу, неловко молчали, застенчиво сторонились. Однако Талька готова была в любую минуту снова кинуться к нему на грудь и плакать. «Так, наверное, ко всем бросается?» — с неприязнью подумал он о сестре.

В сенях пахло соленой черемшой.

Он строго спросил:

— Кто привез?!

— Сама ходила, сама,— живо отозвалась Талька.

Оставив дипломат у двери, он прошел и сел на деревянный диван с высокими подлокотниками.

Талька носилась как заведенная: ставила варить мясное, накрывала стол в передней, смеялась и без конца рассказывала деревенские новости:

— А сегодня в колхозе праздник — День русской березки. Деревня в лесу гуляла, только-только заявляется.

— И ты гуляла?!

— Не-е, братец,— отмахнулась она, мягко бегая с посудой из кухни и обратно.— Я — привязанная.

Мать присела рядом с ним и тоже радостно-суетливо стала говорить о сельских событиях.

Он оглядел избу. Все было, как раньше. Переднюю от кухни отделяла простенькая занавеска. Возле нее по одну сторону был определен комод, над ним висело с облупившимся краем зеркало, по другую — старый шифоньер. В углу, на низкой тумбочке, стоял телевизор «Рас-

свет». Было три кровати — на двух виднелась небогатая постелешка, а на третьей, что и находилась удобнее, у печки, лежало мягкое новое покрывало. Окинув эту постель взглядом, Супонин подозрительно глянул на сестру.

Как изваяние, посреди избы возвышалась печка — белая, ухоженная. Пол был чист, но местами краска сошла. Талька заметила его взгляд и сконфузилась:

— Хорошую краску не купишь — блату нету. Это что! — пренебрежительно махнула она.— Корову не могу купить! А знаешь, о чем я мечтала,— торопливо перешла на другое и замерла над столом с резной вазочкой из простого стекла, которую бережно несла из кухни.— Думала, будет праздник, приедет братец, возьму его под руку и пойдем с ним в клуб. А оно и вправду сбылось... Пойдем, а?!

Он отрицательно покачал головой: устал, пока добирался.

И она сразу согласилась, закивала и опять неслышно стала накрывать стол.

Мать спрашивала о семье и работе. Говорил он нехотя и больше ворчал на Тальку: «Что разбегалась!»

— Молчи, братец! — с нарочитой строгостью отвечала она.— Такой гость! Да у меня все готово!

За столом то и дело мать пододвигала ему хлеб, нарезанный большими ломтями, и говорила:

— Кушай, хлебушко, кушай. Вчера пекли.

Ребятишки поели быстро. Костя с Минаней устроились поодаль слушать взрослых. А девчушки, подобравшись к дипломату, стали по очереди прохаживаться с ним по избе.

За столом Супонин особо заметил, что ему рады — глядели на него, подставляли еду, ловили каждое слово. Он подумал: «Заставь молиться — и будут».

Мать снова сказала:

— Бери хлебушко, свой же...

Его взорвало:

— Что я, хлеба не едал?! В городе не чета вашему.

Мать торопливо закивала, но или от испуга, или твердо держась своего мнения проговорила:

— Не едал, бедный. Бедный...

Разговор за столом так и не начался. Пока Талька ходила кормить кур и поросят, Супонин вышел на крыльцо.

По дороге одна за другой ехали подводы, усеянные мужиками и бабами в цветастых одеждах. На одной из них под гармошку женский голос выводил:

То мое сердечко сто-онет,
Как осенний лист дрожи-ит...

Следом вступала вся подвода и тянула это же самое.

Около закрытого дежурного магазина толпилась молодежь. А возле единственного в деревне белого шлакоблочного дома заготовителя кожсырья Угрюмова, на месте которого когда-то было общежитие строителей, где Талька после школы работала поваром (благо — рукой подать), мужики брали гири, штангу. Однако, связанные со дня вином, спорили по пустякам, и поднять никто не мог. Угрюмов — еще не старый, здоровый, как битюг, в белых кроссовках и спортивных брюках — разминался. Рядом крутился схожий с ним как две капли мальчонка и променивал мужиков... Однако те не обижались, смеялись вместе с ним и уважительно называли мальца Борисом.

Угрюмов перехватил взгляд Супонина, вначале словно опешил, но через минуту-другую был уже спокоен, а потом и совсем безразлично отвернулся и стал ухватисто подкидывать одну за другой гири, как овчинку, поднял штангу, делая это себе в удовольствие и приводя в во-

сторг мужиков,— знал, что такой силы у тех нету, да и вообще ни у кого из деревни.

А гармошка была уже далеко. Но еще слышался одинокий женский голос, печально пеняющий кому-то:

Ко-го ж, ко-го ты полюбила,
Кому ты сердце отдала...

Он зашел в избу, сел за стол и, дождавшись Тальку, отрезал:

— Крышу на амбаре завтра буду крыть!

Мать сняла обувку и, к его удивлению, поковыляла к кровати, которую он мысленно определил за сестрой. Талька растерянно посмотрела на Костю. Тот определенно сказал:

— Если бы, дядя, у нас был шифер, то мы бы с мамкой, да еще Мишаня, поднатужились и сами перекрыли. Нету шифера — блату не имеем.

— Ты пионер? — строго спросил Супонин.

Костя с готовностью кивнул.

— А как рассуждаешь! Блату! — взвился дядя.— А его вообще нету! Говорю тебе, как рядовой член Коммунистической партии. Мои понятия об этом не имеют, а ты!

Талька спохватилась, побежала и принесла банку квасу, бухнула ее на стол.

— Братец, совсем забыла, пей-ка, пей! Сама ставила — думала, приедет наш дядя, угостить чем будет домашним,— весело подмигнула она Косте, и тот, было насупившись, улыбнулся.

— Где работаешь? — помолчав, спросил он.

— Уборщицей... в гараже.

Супонин подытожил:

— Шифер надо!

— Где же его взять? — растерянно засмеялась Талька и сразу нашлась: — Че тебе наш амбар? Перекро-о-оем! Лучше отдыхай!

Не дождавшись ответа, стала заботливо стелить ему постель и устало обронила:

— А мы тебя на Пасху ждали, потом на родительский день. Думала, папку помянем.

Себе она постелила на полу и там же Косте с Мишаней, оставив другую кровать двойняшкам. Управившись, достала из-за зеркала деньги, пересчитала и молча положила обратно. Костя с Мишаней позвали ее на кухню, там пошептались, и Талька, опять достав деньги, стала собираться:

— Пойду, поищу. Костя говорит, на ферме лежит.

Она расчесала перед зеркалом волосы и, смотав их в тугой узел, стала закалывать шпильками, скромно заметив:

— Че, братец, злой, как все? А мои ребятишки, как услышат про тебя по радио, или Костя в газете прочитает, так разгово-о-оров! Будем, говорят, как дядя,— он всегда в почете.

— Ладно тебе! — одернул он.— Не в тебя бы только!

Она так и застыла со шпилькой, но потом, не глядя в зеркало, слепо воткнула ее в волосы и медленно произнесла:

— Во-он о чем ты! Сразу бы и сказал, зачем ехал!

Постояв минуту-другую, вернулась, положила деньги обратно за зеркало. Накинула полосатую косынку на плечи и, словно решаясь, идти или нет, растерянно спросила:

— Так надо?..

Он отвернулся.

Талька вышла, мать вслед перекрестила ее.

Супонин включил телевизор и лег в постель. Двойняшки, забравшись на свою кровать, поиграли тихо и вскоре уснули. А Костя с Мишаней, закрыв ставни, пристроились смотреть телевизор, но больше поглядывали в его сторону.

Тальки не было и не было. Супонин спросил:

— Как думаете, где в данный момент находится ваша мать?

— Где, где? — растерялся Костя.— Сказано же: по делу ушла.

— И часто ходит она по делам?

— Когда приспичит,— мягко сказал Мишаня и добавил с запинкой: — А нам без мамки не вы-жить.

— Без нашей мамки мы все пятеро сгинем,— подала голос со своей кровати мать.

Ребятишки под разговор о матери, как по команде, стали раздеваться: аккуратно складывали на стульях рубашки, простенькие штанцы.

— Джинсы бы вам,— заметил Супонин.

Они замерли, и стало слышно, как громко говорят по телевизору. Быстрее отошел Мишаня:

— Нам бы корову,— тоненько сказал он,— на молоке мы быстрее бы выросли.

— У вас вообще есть, что носить? — не унимался дядя.

— Барахла полно-о,— опять охотно отвечал Мишаня.— Мы шибко не брезгуем: дают — берем. Вон, у которых отцы ихние есть, и то подсобирываются.

— Ниче-е, вырастем! — твердо заверил Костя.— Зато стране от нас пополнение будет. Мы не белоручки, вытянем.

— Слушайте, давайте начистоту! — не выдержал и нервно подскочил Супонин.— Мы ведь с вами мужики!

Ребятишки, оживленные, приподнялись с постели. Костя глянул в упор:

— Давайте! Только ты, дядя, первый начинай. Мы не знаем, покажи!

Как перед азартной игрой, засверкал глазенками Мишаня.

— Вы чего, не поняли? — озадачился Супонин.— Я сказал: давайте правду в глаза. Знаете, что это такое? Серьезная штука. Своих учу без конца быть правдивыми.

И он стал говорить, что необходимо с детства осуждать все плохое, честно говорить о том, как живут, и смело смотреть правде в глаза.

— Я однако буду спать,— отказался Мишаня и стал заворачиваться с головой в одеяло. А Костя, пожав плечами, засмеялся:

— А че говорить? Как живем, так и есть эта самая правда. Чистая, как монета.

— Опять не поняли меня? — заволновался Супонин и снова начал о том, как надо жить по совести. Он говорил и говорил, да все такими словами, что ребятишки перестали дышать. А когда кончил, довольный, спросил: — Теперь вопросы есть?

— Е-есть,— слабо подал голос Мишаня из-под одеяла.

— Говори! — по-командирски разрешил дядя.

— А правду Борька Угрюмов говорит, что слаще пирожного ничего на свете не сыщешь?

Супонин дал совет:

— Вырастете — уезжайте из деревни!

— Ни за что! — дерзко воскликнул Костя.— Может, мамку с бабушкой придется из ложечки кормить,— и, подняв голову, озабоченно спросил: — Ты, дядя, когда укладывался спать, вымыл ли ноги? Постель-то у тебя чистая. Иди к бочкам... Ласка не тронет.

Когда Супонин вернулся, ребятишки спали.

Тальки все не было.

Он выключил телевизор, свет и, обращаясь впотьмах к матери, заговорил:

— Что же ты, старая, думаешь? Она ведь пятого принесет, и десятого.

Мать отозвалась не сразу. Потом мягко, сглатывая слова, проговорила:

— Она ить здоровеньких родит. На Костю в школе грамоты дают и говорят: не в четвертый бы ходить ему, а в семой. Чистенькие они у нее, по хозяйству шуруют тока так. Мне с ними лучшей, зять-то еще бы не стерпел меня... Че думаю? Председатель колхозный корову не велит давать, говорит, ребятишки незаконные... А Талька, она вина в рот не берет, табак не курит,— и медленно, с расстановкой сказала: — Стро-ого себя блюдет!

— Матушка!..— взмолился он,— строже-то некуда?! Значит, ты волю дала?

— Не давала,— тихо возразила она.— Кабы я была купчиха, а твой батька, царство ему небесное, купец,— только бы деньги да золото сыпали. А то сошлись — битый да граблеяая, войной покалеченные, выпустили вас на белый свет, а силенок поднять не хватило. Ты в город сбег, а Талька и девкой становилась, и мужиком. Слава богу, хоть рожать могет...

— Перестань, мать, прибедняться! — вскричал он.— Все так жили! Я говорю, зачем она так-то? Подруги все замужем. Она ведь пятого принесет, десятого...

— С мужьями живут подруги. Верно то,— покорно согласилась мать, как припомнив о чем-то давнем, выветренном наполовину из памяти. И тут же добавила: — А больница таким, как Талька, не помогает избавляться.

Помолчала, послушала, как скулит за амбаром Ласка, и неожиданно с вызовом произнесла:

— А я ить слепа стала! — Иль хотела перевести разговор, а то душой просила отклика, после которого, пусть слабого, становится все же веселей, когда намучишься вдвоем с душевной тяготой. Однако, не услышав ни слова, ни возгласа, неохотно стал терять его из памяти, стихла, даже как заснула, и вдруг испугалась: — Хоть бы на себя руку не занесла! — И, видимо, снова перекрестив Тальку, стала горячо шептать молитву в ночи.

Он опять вышел на крыльцо. Деревня засыпала беспокойно, вздрагивала собачьим лаем. Ласка тоже рвалась, но, привязанная, ходила все по одному кругу. Где-то кричали, похоже, дрались, плакала женщина, в шиповниках ржали кони. Лишь за полночь деревня впала в глубокий сон.

Но прозрачны июльские ночи: одна заря не ушла, а стала подниматься другая и, овеянная зыбким ветром на излете ночи, занялась и разгорелась на полнеба.

Тальку он встретил у крыльца и бичом полоснул перед ней.

С мраморно белеющим на рассвете лицом, в своем синем платье, теперь в кругу теней казавшемся темным и потому больше подчеркивающем стройное тело, с косынкой, давно небрежно кинутой на одно плечо,— она была красива.

Но то красота была ничто, коли сравнить, как Талька поднялась на крыльцо, будто на некую высоту, на которой, как ему показалось, он никогда и не пребывал, и там, полоснув его по сердцу кротким, тихим голосом, с тревогой спросила:

— Братец, родной, ты не хвораешь ли? Худой сильно! Кожа да кости. Погляди-ка днем на себя, погляди!

Он похолодел, взялся робостью и, беспомощно оглядываясь, прикрыл ладонями взбугрившиеся за ночь брюки на коленях.

А Талька, прижав руки к груди, все с тех же невысоких ступенек их крыльца чистосердечно заверяла:

— Шифер к обеду привезут. Привезут! Не расстраивайся!

...Как же упоителен и нежен запах цветущего шиповника! В одночасье, излучая тончайший аромат, распускаются бутоны, краше и трогательнее которых, быть может, нет в сибирской суровой природе. И зреют, становятся пронзительными, словно иглы, его шипы.

1941-1991

Алексей БАДАЕВ

* * *

Есть за околицей дорога,
Давно забытая дорога,
Обочь темнеют колеи.
Они — как вскрывшаяся рана.
Та женщина к ним утром рано
Всегда стремит шаги свои.
Глаза доныне не устали,
Искать кого-то в дальней дали,
И прежней веры полон взгляд,
Хотя полсотни лет, пожалуй,
Как друга молча провожала,
Надев свой шелковый наряд...
Все — то же. Разве что в ту пору
Судьба была сокрыта взору.
Кто знал: разлука — навсегда.
И будто в праздник Первомая,
Косынкой легонькой махая,
Стояла женщина тогда.
Но вот сейчас ей все известно.
Зачем же манит это место,
Где ветер резок и жесток?
Стоит и смотрит, вспоминая,
И словно траурное знамя —
Над головой ее платок...

Перевод **Юрия Ряшенцева.**

ПРОЩАНИЕ С СОЛДАТОМ

Умер сосед наш старый.
Осиротил свой дом.
Ушел он, покинув землю,
в сказку богатырем.
Ушел, как будто в разведку
на той, минувшей войне —
Увидеть, что там творится,
на той, другой стороне.
Ушел и не попрощался,
не помахал рукой —
Я слышал, что у разведчиков
есть обычай такой.
Но все равно обратно
он не придет теперь,
Крепко за ним закрылась
глухая черная дверь.
А был ведь старик — что надо!
Жить бы еще да жить,
Внуков любимых нянчить,
отчей земле служить,
Книжку свою пенсионную
прятать в старый комод —
И не считать охранной
грамотой от забот.
Но время пришло, как видно,
умер сосед-старик
Без муки, без долгой хвори —
казалось, что в этот миг
Его отыскала пуля,
летевшая тридцать лет,
С которой он разминулся,
когда еще не был сед...
И вот он лежит, спокойный,
табунщик, старый солдат.
Товарищи фронтовые
вокруг на него глядят,
Несут его так, как будто
он совсем невесом —
Как слава, как вздох, как время,
как праведный чистый сон.
Потом, постояв немного
у свежего бугорка,
Расходятся потихоньку —
дорога недалека,
Идут, набивая трубку,
горький глотая дым,
К своим текущим заботам,
к нелегким будням своим...

* * *

Тебе ль стыдиться собственной судьбы —
Того, что ты, когда народ услышал
Призывный голос боевой трубы,
С оружием не вышел для борьбы,
Поскольку малость возрастом
не вышел?
Тебе ли в землю опускать глаза
И прятать в них предательскую влагу,
Когда глядишь ты на медали — за
Москву и Ленинград, Берлин и Прагу?
И ты в тылу, мой сверстник, воевал:
Командовал комбайнами, станками,

Недоедал, недосыпал —
ковал
Победу полудетскими руками.
И нам с тобой стыдиться нет причин:
Когда б не эта жизненная школа,
На лицах меньше было бы морщин,
И сердце молодых еще мужчин
Не требовало б часто
валидола...

Перевод **Ильи Фонякова.**

ТЫ — МУЖЧИНА

Пойми:
Ты — мужчина, и — немолодой.
Ты знаешь, как пахнут цветы,
И знаешь,
Что порох — он пахнет бедой,
И жизнью учен этой ты,
И знаешь,
Что жизнь не проходит, как дым,—
Ты вовсе не глуп...
Почему
Ты стал безучастным, оглохшим, слепым,
бездушным ко всем,
Ко всему?
В автобусе ты
Спокойно сидишь,
А рядом стоит —
женщина,
Ты кулаком по столу стучишь,
А перед тобою —
женщина,
Овощи ты в ларьке продаешь,
А вырастила их — женщина,
Обед в ресторане ты подаешь,
А землю копает —
женщина...
Так что же
Я голоса твоего
Не слышу, как раньше,
Повсюду:
«О женщина!
Женщина — божество!
Женщина — чудо!»
Неужто сейчас ты,
Бывалый солдат,
В тобою спасенной стране,
Оглох,
Не оглохший под гром канонад,
Ослеп,
Не ослепший в огне?

Перевод с бурятского
Леонида Чикина.

Светлана НЕСТЕРОВА

О, память, ты, словно старушка,
Все тянешь к ушедшим годам.
В далекой, глухой деревушке
Родиться дано было нам.

Там плакали мамы негромко,
Когда объявили — война!
Кричали, когда похоронка
Поутру стучалась в дома.

Вернулся сосед — весь израненный,
Но зубы сомкнул, как тиски.
И снегом нетаявшим, ранним
Война побелила виски.

Мне помнится: мать возле печки,
Ей чудится голос отца.
Зажжет обгоревшие свечки,
Слезинку стирая с лица.

Три строчки, как черные птицы,—
Вдовою назвали вчера.
И оттого ей не спится,
Глаза не сомкнуть до утра.

Как все это врезалось в сердце
Памятью вечной во мне.
Все кажется, будто бы детство
Босое идет по стерне.

* * *

Говори своим громким шепотом,
Говори своим тихим словом,
Говори своим горьким опытом,
Говори за погибших — стоном.

Пусть к глазницам домов разрушенных
Рушники поднесут расшитые,
Пусть невесты дождутся суженых,
Встанут все, войною убитые.

И обугленным ртом от жажды,
Выпив горе войны — до дна,
Скажет каждый, пусть скажет каждый,
Что наделала с ним война.

Закричи, овдовевшее поле,
Спротника-береза, рыдай.
Вечно помни людские боли
Мой, восставший из пепла край.

* * *

Я смотрю в полночное небо.
Упала звезда.
В народе говорят — это угасла чья-то жизнь.
Как же много сыпалось звезд
С неба в то время,
Когда шла война?

* * *

Будут росы светлыми звездами
На ладонях земли родной,
Будет все для людей, что создано
И что мы создадим с тобой.

Будет хлеб на полях колоситься,
В небе жаворонки кружить,
Пусть трагедия не повторится —
Должен мир на планете жить.

Удивлять, как цветенье яблонь,
Поднимать до великих вершин...
Пусть от страха войны не зябнет
Мой еще не родившийся сын!

Зоя КОЗЛОВА

БЫЛА ВОЙНА

Была война, которой я не помню,—
Меня на свете не было тогда,
Там был мой дед в пехотном батальоне,
Пропал без вести, канул без следа.

Уехал дед в военном эшелоне,
И мой отец остался без отца,
Не знает даже, где он похоронен,
Не помнит сын отцовского лица.

Как много их, отцов и дедов наших,
Отобрала проклятая война,
И сколько их, погибших и пропавших,
Не досчиталась победившая страна.

Они остались там, в могилах братских,
На Волге, на Днепре и под Москвой,
В полях румынских и лесах словацких,
И в бронзе над болгарскою горой.

Была война, которой я не помню,
Но знаю: беспощадна и страшна,
Ведь столько по стране моей огромной
Сирот и вдов оставила она.

Евгений ГОЛУБЕВ

КОГДА СТРАНА ПРИКАЖЕТ БЫТЬ ГЕРОЕМ

Пятьдесят лет назад, 22 июня 1941 года в 3 часа 15 минут бронированные орды фашистской Германии обрушили на нашу Родину лавину огня и железа. Тысячи немецких орудий открыли ураганный огонь, гитлеровские стервятники бомбили советские аэродромы, железнодорожные станции, военно-морские базы и мирные города. Мотомеханизированные силы вермахта вторглись на нашу территорию. Война была объявлена фашистским правительством уже после того, как нападение совершилось. Сателлиты Германии — Венгрия, Италия, Румыния и Финляндия также вступили в войну против Советского Союза.

Вооруженная борьба на советско-германском фронте развернулась от Балтийского моря до Карпат, а через несколько дней после начала войны она охватила все приграничье от Баренцева до Черного морей. Командование гитлеровского вермахта сразу ввело в действие 153 немецкие дивизии. Группы армий «Центр», «Юг» и «Север» под командованием генерал-фельдмаршалов Бока, Рунштедта и Леeба на всех трех стратегических направлениях продвигалась на восток.

Нашего земляка Героя Советского Союза Д. Т. Левченко война застала на западной границе. Звание Героя воспитаннику коллектива железнодорожников г. Улан-Удэ было присвоено еще в октябре 1938 года за мужество, проявленное в боях с японскими самураями у озера Хасан. В момент нападения фашистов слушатель Военной академии имени Фрунзе Д. Т. Левченко, проходивший стажировку, исполнял обязанности командира полка при штабе 3-й армии в Гродненском гарнизоне Белорусского военного округа. В одном из многочисленных кровопролитных боев с гитлеровцами у села Новоселки, что в Бобруйской области, когда кончились патроны, коммунист Левченко повел бойцов в рукопашную схватку, был смертельно ранен и вынесен с поля схватки своими товарищами по оружию.

На границе под Перемышлем, во Львовской области, принял боевое крещение другой наш земляк В. И. Шаракшанэ. С тяжелыми боями дважды выводил он своих солдат из окружения. В дальнейшем батальон под его командованием храбро дрался в боях под Москвой, особенно когда он прикрывал в ноябре 1941 года отход своей дивизии от Истры по Волоколамскому шоссе. Бойцы батальона капитана Шаракшанэ стояли насмерть и оставили свой рубеж обороны только после того, как получили приказ об отступлении. Подвиги героев дивизии, в том числе комбата Шаракшанэ, остановившей врага на подступах к столице, подробно описаны в романе Михаила Бубеннова «Белая береза». Владимир Шаракшанэ погиб смертью храбрых в марте 1944 года при освобождении Белоруссии.

Еще один Герой Советского Союза полковник Н. Я. Клыпин, удостоенный высокого звания в 1940 году во время войны с белофиннами, встретил утро 22 июня 1941 года в бою с немецко-фашистскими захватчиками. Его танковая бригада дралась отважно, до конца, используя огневую мощь, скорость и броню «Т-34». В декабре 1941 года бронированный кулак гитлеровских войск — танковые армады генерала Гудериана — натолкнулся на яростное сопротивление советских воинов. На ближних подступах к Москве танкисты Клыпина дрались до последнего снаряда и патрона, даже в охваченных пламенем танках. И враг не прошел.

На Балтике, в Моонзундском архипелаге, в Ирбенском проливе топил вражеские корабли, высаживал морские десанты, срывая наступление гитлеровцев на Ригу, Таллин и Ленинград, в первые дни войны выпускник улан-удэнской школы № 2 Б. П. Ущев. Капитану третьего ранга моряку-катернику, участвовавшему в 93 боевых операциях, в 1944 году было присвоено звание Героя Советского Союза.

Тысячи воинов — уроженцев Бурятии сражались с самого начала войны в составе 46-й, 152-й и 109-й стрелковых дивизий, 13-й, 17-й и 57-й танковых дивизий Забайкальской 16-й армии. В составе 65-й и 114-й стрелковых дивизий, а также других соединений наши земляки защищали Ленинград.

Чем дальше развертывалась борьба, тем яснее вырисовывалась картина героического противостояния советского народа и его Армии военной мощи германского вермахта. В гитлеровских штабах это сразу почувствовали. Вот что писал, например, в те дни генерал Курт Типпельскирх, ставший позднее историком-баталистом: «Русские держались с неожиданной твердостью и упорством, даже когда их обходили и окружали. Этим они выигрывали время и стягивали для контрударов из глубины страны все новые резервы, которые к тому же были сильнее, чем это предполагалось... Противник показал совершенно невероятную способность к сопротивлению...»

Сообщение Советского правительства о вероломном нападении фашистской

Германии на нашу страну, прозвучавшее по радио 22 июня 1941 года, вызвало гнев и возмущение тружеников Бурятии. Несмотря на воскресный день, рабочие и служащие, колхозники и учащиеся собрались на митинги и собрания. 23 июня состоялся многотысячный митинг трудящихся г. Улан-Удэ, участники которого обратились к жителям республики с призывом — ударным трудом крепить оборонную мощь страны, помочь Красной Армии разбить немецко-фашистских разбойников.

Такие же митинги прошли во всех учреждениях, учебных заведениях, в колхозах, совхозах и МТС, на заводах и фабриках. Люди разных национальностей и профессий, старые и молодые, мужчины и женщины присягали на верность Родине, заявляли о своей готовности встать на ее защиту. Тысячи добровольцев подавали заявления с просьбой отправить их на фронт.

Бывший красный партизан из Иволги Г. Д. Калашных писал в своем заявлении в райвоенкомат: «...Мы испытали на своих плечах нищету и бесправие дореволюционной России. В огне гражданской войны, в победном шествии пятилеток мы завоевали и обрели свое счастье, свою беспримерную Родину. И эту Родину, это счастье будем защищать до последней капли крови. Прошу призвать меня в армию. Ничего, что я старик. Руки мои крепки и глаз меток...»

В письме на имя Сталина Герой Советского Союза Г. А. Гармаев (удостоенный этого звания в 1940 году за подвиги, совершенные в дни боев с белофиннами) обращался с просьбой разрешить ему быть на передовой: «...Я — участник боев с белофиннами — хочу пойти на защиту наших границ. Фашизм несет голод, нищету, смерть. Он должен быть стерт с лица земли...»

Семья красного партизана С. Л. Арсентьева (он сам, жена и дочь-комсомолка) обратилась с просьбой в военкомат Хоринского района «принять их добровольцами в ряды Красной Армии для уничтожения кровавого фашизма», одновременно они внесли 500 рублей в фонд Обороны.

Лозунг «Все для фронта, все для победы!» стал определяющим в жизни тружеников тыла. Призыв партии и правительства улучшить работу предприятий промышленности, транспорта и строительства, колхозов и совхозов, мобилизовать все силы на обеспечение неотложных нужд фронта нашел горячий отклик у рабочих, служащих и колхозников Бурятии.

В трудовых коллективах республики наряду со стахановцами появились двухсотники, которые выполняли нормы выработки за себя и за товарища-фронтовика. Применяя различные приспособления, совершенствуя свое мастерство, они стали выполнять по три, пять, десять норм, становились тысячниками. Первыми двухсотниками стали комсомольцы Улан-Удэнского авторемонтного завода Кротова, Рябов, Жариков, Железнова и Алипов, рабочие ЛВРЗ — Поздеев, Лукьянов, электросварщик Улан-Удэнского железнодорожного узла Палатников.

Высокий патриотический подъем проявляли женщины, молодежь, пенсионеры. Домохозяйки, старики, подростки вставали на рабочие места тех, кто ушел на фронт. Девушки становились к станку, а молодые колхозницы садились за штурвал тракторов и комбайнов. Как и по всей стране, в Бурятии росло и ширилось движение комсомольско-молодежных и фронтовых бригад, работавших под лозунгом: «В труде, как в бою!» Если в июне 1941 года их было всего 10, то к 1945 их стало уже 241.

Труженики республики, как и все советские люди, с первых дней Великой Отечественной войны оказывали материальную помощь фронту, вносили в фонд Обороны добровольные пожертвования, взносы деньгами, изделиями из драгоценных металлов, облигациями государственных займов, продуктами сельского хозяйства, промышленным сырьем и товарами. Уже на 20 августа 1941 года в фонд Обороны от жителей Бурятии поступило денежных средств свыше 10 тыс. рублей, облигаций на сумму 110 тыс. рублей, сельхозпродуктов — свыше чем на 10 тыс. рублей.

Горячую поддержку населения республики получила инициатива по сбору средств на строительство танковой колонны «Социалистическая Бурят-Монголия», эскадрильи боевых самолетов и другого вооружения для Красной Армии. Многие труженики вносили крупные суммы денег на строительство танков и самолетов, получая в ответ благодарственные телеграммы от Верховного Главнокомандующего.

62-летняя колхозница Ц. Е. Банзова из колхоза имени Сахьяновой — мать семерых детей, четверо из которых с оружием в руках защищали Родину, на строительство танковой колонны вложила 50 тыс. рублей.

Председатель колхоза из Бичуры Е. Л. Петров на собственные деньги купил своему сыну Владимиру самолет «Ил-4». И семейский парнек, ставший командиром грозной боевой машины, служивший в 19-м авиаполку 2-й гвардейской Севастопольско-Берлинской бомбардировочной дивизии, был единственным из авиаторов республики, летавшим на собственном самолете.

Трудящиеся Бурятии повседневно проявляли неключительную любовь и заботу о воинах. Одним из проявлений искренних чувств народа были сбор и посылка праздничных подарков фронтовикам. Это патриотическое движение началось по инициативе коллектива Улан-Удэнского мясокомбината. Этот почин был горячо поддержан по всей республике. За короткий срок лишь в декабре 1941 года было собрано и отправлено на фронт сухарей, мяса, рыбы и махорки, не считая теплых вещей, всего на сумму 2 млн. рублей.

В своем письме землякам-фронтовикам труженики колхоза имени Тельмана Селенгинского района, делясь трудовыми достижениями, призывали их: «Каждый раз, когда поднимается солнце над полями сражений, взгляните на него и вспомните свое родное Забайкалье. Вспомните высокое и чистое небо, привольные степи, прозрачные воды Селенги. Вспомните дым своих очагов, могилы предков и поклянитесь победить, победить во что бы то ни стало!.. Опасность могут преодолеть только сильные. Будьте сильными, достойными своих эпических предков — баторов».

Всенародная помощь фронту, забота о воинах и их семьях умножали силы Красной Армии. Чувствуя поддержку народа, защитники Родины самоотверженно били врага. Большой вклад в общую победу над фашистской Германией и ее сателлитами внесли труженики тыла, в том числе и трудящиеся Бурятии. Их трудовые дела оказались достойными ратных подвигов воинов-забайкальцев, храбро сражавшихся с оружием в руках на фронтах Великой Отечественной войны.

...3 июля 1941 года в центральной «Правде» был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении П. Харитонову, С. Здоровцеву и М. Жукову звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Газета сопроводила Указ о награждении, воздавая должное героям-летчикам, применившим воздушный таран, специальной передовой статьей, в которой, в частности, говорилось: «Доблестные авиаторы Степан Здоровцев, Михаил Жуков и Петр Харитонов первыми пополнили чудесную когорту Героев Советского Союза, вписавших незабываемые подвиги в историю человеческого дерзания, храбрости и самоотверженности».

Рядом с фотографиями Героев было помещено стихотворение А. Твардовского «Трое»:

Блистают зарницы великой войны, —
И вот они первые трое,
Отмеченных высшей наградой страны —
«Звездой Золотою» Героя.

В тревожное небо, в грозовую высь
С укатанной взлетной площадки
Они на машинах своих поднялись
С врагами помериться в схватке.

...Все трое с победой вернулись они,
И день этот — ныне вчерашний —
И новые, новые ночи и дни
Проходят в работе бесстрашной.

И сколько еще себя в схватках лихих
Покажут советские люди,
Мы многих прославим, но этих троих
Уже никогда не забудем.

Мы в них подведем нашим подвигам счет,
Победой над силой коварной,
И будет всегда называть их народ
С любовью своей благодарной.

Запомним же русские их имена,
Что дороги будут для внуков,
Здоровцев Степан — командир их звена,
Пилот Харитонов и Жуков.

Так из газетной публикации, из радиопередач родные и близкие, земляки и сослуживцы Петра Тимофеевича Харитонова узнали о том, что он стал Героем. На мясокомбинате, членом коллектива которого еще недавно он был, во время перерыва состоялся митинг. Люди говорили скупо, но от души. А со стены, перерисованный с первой полосы «Правды», на них глядел, знакомо улыбаясь, бравый, чубатый паренек в летной форме.

Приветственные поздравительные телеграммы ушли в тот день в Н-скую часть им. имя Харитонова от курсантов Улан-Удэнского аэроклуба, воспитанником которого он был, и от учащихся и учителей улан-удэнской школы № 12, в которой он вел занятия перед войной.

...К своим двадцати годам Петр Харитонов успел многое, ибо в довоенную пору ребята мужали рано. Романтика повела паренька из тамбовского села Княжево в Комсомольск-на-Амуре. Но на Дальний Восток он не попал. Доехал лишь до Забайкалья. Попутчики уговорили остановиться в Улан-Удэ на часок-другой, а вышло так, что насовсем. Строился Улан-Удэнский мясоконсервный комбинат, и работа там нашлась сразу. Она увлекла 19-летнего умельца. Кажется, экая премудрость — плотницкое дело, но оказалась отцовская выучка. Тот мог бы плотницкую науку в институте преподавать, — замечательным мастером в округе слыл. Вот и Петр выдался характером и способностями в отца.

А тут как раз раздался призыв: «Комсомолец, на самолет!» Десятки юных патриотов устремились в аэроклубы и авиашколы. Записался в курсанты Улан-Удэнского аэроклуба и Петр Харитонов. Успевал по-ударному трудиться на площадке строителей, а потом торопился на другую — летную.

Небо тогда манило к себе многих юношей и девушек Бурятии. В один год с П. Харитоновым радость первых полетов над Селенгинской долиной познал 18-летний Георгий Агильдин, участник войны, почти 30 лет своей жизни посвятивший авиации. Были курсантами аэроклуба Л. Петинов, Л. Убеев, У. Баранникова, В. Михалев — будущий Герой Советского Союза, также совершивший в дни войны два воздушных тарана, хорошо запомнившие учителя 12-й школы Петра Харитонова, успевшего сменить профессию (он окончил педучилище) и успешно овладевавшего летным мастерством.

В июне 1940 года, закончив авиашколу, Харитонов получил направление в часть, базировавшуюся близ Пскова, он быстро вошел в коллектив формировавшегося 158-го истребительного полка.

Летчики ежедневно совершенствовали свое мастерство: «утюжили» небо, вели учебные бои. Настроение было тревожно-приподнятым: коричневая чума, заполнив Францию, Бельгию, Голландию, Норвегию, Австрию, Чехословакию, Польшу, Грецию и Югославию, приближалась к нашим границам. И вот 22 июня в 4 часа утра на восходе солнца сигнал боевой тревоги поднял Петра Харитонова на ноги и отправил в грозовое небо Родины.

...Шел пятый день войны, когда Харитонов, несший вахту на подступах к Ленинграду, принял свой настоящий первый бой. Он заметил вражеский самолет, пробиравшийся в глубь нашей территории, и повел свой «ястребок» навстречу врагу. Фашист, обнаружив его, открыл огонь. Расстояние быстро сокращалось. «Ну, теперь я тебе покажу», — прошептал летчик и выпустил первую очередь, потом еще. «Юнкерс» колыхнулся. Фашистский пилот, видимо, решил повернуть назад и уйти от советского истребителя. Но Харитонов не переставал осыпать врага свинцовым дождем, кружился вокруг «юнкерса» и не давал ему набрать высоту. Но тут как назло кончились патроны. А упустить противника он не мог. Теперь Харитоновым владело только одно чувство — жажда мести, жажда победы.

«Юнкерс» удирал на всех скоростях. Еще минута — и он пересечет линию фронта. Решение пришло мгновенно. Харитонов ринулся за бомбардировщиком, догнал его и под пулеметным огнем винтом своего истребителя рубанул по хвостовому оперению «юнкерса». Вражеский бомбардировщик, беспорядочно планируя, врезался в лес и загорелся.

Самолет Харитонова тоже пострадал от тарана. Удар был силен — одну лопасть винта оторвало, вторую исковеркало. Продолжать полет было невозможно, и Харитонов пошел на снижение. Приземлился благополучно, без единой царапины. Да и самолет вскоре починили. Товарищи поздравляли героя, совершившего первый воздушный таран в полку (и, как оказалось впоследствии, один из первых в начале войны), предсказывали ему высокую награду. И не ошиблись, хотя и слегка «занизили» степень отличия. Даже отметить с товарищами получение высокой награды Харитонову не удалось: враг наседал, имея численное превосходство на земле и в воздухе, подходил все ближе и ближе, беря в тиски город Ленина. И летчики, не считаясь со временем, не щадя себя и своей жизни, сражались в хмуром ленинградском небе, защищая горожан от налетов гитлеровских стервятников. И поэтому банкет пришлось отложить «на потом», до победы.

Что касается экипажа с протаранненного «юнкерса», то трое летчиков, выбросившихся на парашютах, погибли, а четвертый уцелел. На допросе пленный показал, что весь экипаж был награжден железными крестами за бомбардировку мирных городов Франции и Англии. Асами, оказывается, были эти пираты, летевшие к осажденному Питеру.

Шли нелегкие фронтовые будни. Несмотря на пасмурную погоду, в небе было тесно от самолетов. Наши крылатые воины вели ожесточенные схватки с немецкими бомбардировщиками и истребителями. Уже не один десяток боевых вылетов успел совершить и наш земляк.

В тот понедельник, что пришелся на 25 августа 1941 года, он вылетел с напарником — лейтенантом Иозицей на перехват большой группы «хейнкелей-111», норовивших прорваться к Ленинграду. Бой сложился для Харитонова не просто. Встретив отпор всего лишь двух наших «И-16», экипажи «хейнкелей» не посчитали их серьезной помехой. К тому же на руку противнику была и густая облачность. Пришлось, что называется, «выковыривать» бомбардировщиков из нее. Не одну очередь выпустили Харитонов с Иозицей, пока увидели косую прядь маслянистой копоти от горевшего фашиста. На следующего «хейнкеля», подвернувшегося прямо под пулеметы, патронов осталось чуть-чуть. Выпустил Петр короткую очередь по моторам — и все. Вдавил гашетки — пулеметы молчат. Зато живо среагировал вражеский экипаж. Огрызнувшись огнем, он стал уходить в северо-восточном направлении. А направление это — самое опасное, самое тревожное. Ленинград отчетливо виден с высоты и поэтому надо было любой ценой преградить путь к нему начиненному фугасками «хейнкелю».

Решение было одно: снова таранить. И пока вражеский бомбардировщик разворачивался, ложась на заданный курс, Харитонов решительно сократил ди-

станцию, сблизился до предела, используя преимущество в скорости, и, накренив свой «истребок», ударил с ходу плоскостью о плоскость...

Боль сковала все тело. Превозмогая ее, Петр почти бессознательно откинул привязанные ремни и перевалился через край кабины. Когда раскрыл парашют, первое, что увидел, — сраженного «хейнкеля», а выше... четырех гитлеровцев, плавно раскачивавшихся на стропах парашютов и паливших в него из пистолетов. Бой продолжался и после того, как пилоты покинули свои машины.

Пули свистели рядом, и Харитонов подтянул стропы парашюта, чтобы ускорить падение: так труднее будет попасть в него. Невредимым он достиг земли и тотчас перезарядил револьвер. Схватка предстояла неравная: один против четверых. И тут к нему на помощь подоспел верный друг лейтенант Иозица. Он на бреющем полете прошел над лугом, поливая огнем фашистских летчиков, бравших Харитонова в кольцо. А вскоре подоспели на выручку наши пехотинцы, взявшие гитлеровцев в плен.

— Опять тараном? — удивились товарищи, когда Харитонов вернулся «на перекладных» в полк.

— Иного выхода не было, иначе бы немцы прорвались к Ленинграду, — развел руками Петр.

«Необыкновенная, я бы сказал, фантастическая стойкость духа советских летчиков, — писал в связи с этим мужественным поступком А. А. Новиков, командовавший в ту пору военно-воздушными силами Ленинградского фронта, — помогла нам под Ленинградом уже в июле 1941 года почти на нет свести численное и техническое превосходство фашистской авиации... Таран в то время имел огромное политико-воспитательное и психологическое значение. Он был еще одним убедительным свидетельством того, что мы уже тогда, в самый тяжелый период войны, взяли верх в самом главном — в моральном состоянии армии и народа».

Воспользовавшись очень редким в то лето ненастным днем, Новиков устроил нечто подобное летно-тактической конференции, которая была целиком посвящена тарану, его целесообразности и эффективности. Выступали летчики — Герои, авторы таранов Здоровцев, Жуков, Тотьмин, Матвеев, Лукьянов и другие последователи Харитонова. Делились опытом. Последним попросил слово сам Харитонов:

— Таран, он не простит, если его совершить с кондачка, бездумно. Когда видишь, что ничего не остается, все равно успей и сумей все как следует взвесить, рассчитать, а уже потом действуй. Действуй решительнее. Вот как наш Коля Тотьмин, например, — и Харитонов кивнул в сторону своего самого молодого однополчанина, завершившего «таранную неделю» встречным сокрушительным ударом по «мессершмитту». — Испытал в полной мере вкус риска. Но какого умного риска, друзья мои. Сплошное загляденье...

180 боевых вылетов в дни войны совершил наш отважный земляк, в сложные попадал переплеты, но всегда возвращался на аэродром с победой и докладывал командиру об очередном удачном налете на позиции и технику противника или очередном сбитом вражеском стервятнике. Только военное счастье изменчиво. В одном из ожесточенных боев самолет Харитонова был подбит. Летчик успел выброситься с парашютом. Обгоревшего и контуженного, его подобрали жители одной деревушки. Отправили в госпиталь, где он пролежал долгое время. Выходили летчика врачи, поставили на ноги. И он снова вернулся на передовую. В 1944 году получил назначение на Северо-Западный фронт в состав ПВО.

После войны продолжал службу в авиации, окончил Военно-воздушную академию, командовал авиационным полком. В 1958 году по состоянию здоровья полковник Петр Тимофеевич Харитонов ушел в отставку. Сейчас живет в Донецке. Сын Юрий, родившийся в 1938 году в Улан-Удэ, закончил институт и работает инженером. Дочь Лариса тоже стала специалистом с высшим образованием. Растут внуки и внучки, появились правнуки.

Связи с родным городом П. Т. Харитонов не теряет. Ведет переписку с сестрой и другими родственниками, работавшими долгое время на мясокомбинате и недавно ушедшими на заслуженный отдых. Пишет пионерам тех дружин, которые носят его имя. Поддерживает связи и с бывшими аэроклубовцами, которых в строю осталось не так-то уж много. Не забывает и о молодых авиаторах, продолжающих ратные традиции фронтовиков, бывает у них в гостях.

...«Прибывает» Петр Тимофеевич в родной авиационный полк раз в год непременно, чаще всего в канун Дня авиации или Дня Победы. Бывший учитель, увлекательный рассказчик, интересный собеседник, он и теперь быстро и безошибочно находит общий язык с покорителями «пятого океана» — летчиками, успешно осваивающими боевую современную технику. Ему есть о чем вспомнить с ветеранами авиации — свидетелями тех легендарных таранов, которые навсегда вошли в историю Великой Отечественной войны. Ему есть о чем потолковать и с молодыми пилотами, летающими на сверхзвуковых скоростях.

— Это наш самый дорогой гость, — говорит заместитель командира эскадрильи, в которой некогда служил Харитонов. — Наш надежный ориентир в боевой и политической подготовке, в повышении летного мастерства. На него мы равняемся, с него мы берем пример.

Илья КУЗНЕЦОВ,
доктор исторических наук

СОВЕТСКИЙ ГЕНЕРАЛИТЕТ: потери на войне, и не только

Великая Отечественная война принесла советскому народу неисчислимые жертвы. На фронте погибло 8,5 млн. советских воинов и 2,5 млн. умерло от ран[1]. И эти данные нельзя считать окончательными. Такие большие потери объясняются масштабами и ожесточенностью схватки с ударными силами международного империализма — фашистской Германии и ее союзниками. Немалую роль в этом также сыграла неподготовленность страны к отпору врагу по вине И. Сталина, многочисленные репрессии в предвоенные годы, которые затронули весь высший командный состав Советской Армии и частично офицерский.

В числе этих причин и недостатки в руководстве военными действиями со стороны Верховного Главнокомандующего, особенно в 1941—1942 гг., и не лучших представителей «школы гражданской войны» в СССР, уцелевших от репрессий (К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, Г. И. Кулик, К. С. Тимошенко, И. В. Тюленев и др.), отсутствием боевого опыта у выдвинутых к руководству командиров и т. д.

Понес большие потери и командный состав Советской Армии. К началу Великой Отечественной войны в Вооруженных Силах было 1056 генералов и адмиралов, а к концу войны их численность достигла 5397 человек, т. е. возросла в 5 раз. Удалось собрать сведения о 286 погибших в годы войны генералах, причем большая часть из них (более 150) — это представители довоенного отряда генералов (первое присвоение генеральских званий было произведено 4 июня 1940 г.). Конечно, эта общая цифра — неполная. Надо полагать, что в годы войны пало в боях более 300 высших командиров, если не считать репрессированных и погибших в плену.

Несмотря на то, что погибшие командиры по отношению к общей их численности к концу войны составляют небольшой процент (5,1), потеря их ощутима, так как они составляли наиболее опытную часть военачальников. В числе погибших — командующие фронтами Н. Ф. Ватутин, М. П. Кирпонос, И. Д. Черняховский, заместители командующих фронтов И. Р. Апанасенко, Ф. Я. Костенко, начальники штабов фронтов П. И. Бодин, Г. Д. Стельмах, В. И. Тупиков, командующие бронетанковыми войсками и артиллерией фронтов Н. А. Болотников, П. В. Волох, А. К. Сизков, А. Д. Штевнев, командующий ВВС Черноморского флота Н. А. Остряков, заместитель начальника ВВС Военно-Морского флота Ф. Г. Коробков, заместитель командующего артиллерии Советской Армии В. Г. Корнилов-Другов, заместитель начальника Главного артиллерийского управления К. Р. Мышков, начальник инженерных войск Юго-Западного фронта А. Ф. Ильин-Миткевич и др.

В боях 1941—1945 гг. погибло 16 командующих общевойсковых армий и 32 их заместителя и начальника штаба, 43 командира стрелковых, механизированных, танковых, кавалерийских, авиационных корпусов и 11 их заместителей, более 140 командиров дивизий, имевших генеральские звания. В числе погибших командующий войсками 43-й армии генерал-лейтенант С. Д. Акимов, бывший командующий 45-й армии Закавказского военного округа и 47-й армии Крымского фронта генерал-майор К. Ф. Баронов, 6-й армии генерал-лейтенант А. М. Городнянский, 33-й армии генерал-лейтенант М. Г. Ефремов, 4-й гвардейской армии генерал-лейтенант А. И. Зыгин, 28-й армии генерал-лейтенант В. Я. Качалов, 47-й армии Воронежского фронта генерал-лейтенант П. П. Корзун, 5-й танковой армии генерал-майор А. И. Лизюков, 50-й армии генерал-майор М. П. Петров, 57-й армии генерал-лейтенант К. П. Подлас, 3-й армии генерал-лейтенант П. С. Пшенников, 24-й армии генерал-майор К. И. Ракутин, 18-й армии Южного фронта генерал-лейтенант А. К. Смирнов, 13-й армии генерал-майор П. М. Филатов, 44-й армии генерал-лейтенант В. А. Хоменко. Это были ветераны Советской Армии, участники гражданской войны, боев в Испании, у озера Хасан, реки Халхин-Гол, советско-финляндской войны. За боевые подвиги при защите Родины, за укрепление оборонной мощи страны в мирные дни многие из них были награждены орденами и медалями. И в дни Великой Отечественной войны они действовали умело, инициативно, проявили личное мужество, пользовались заслуженным авторитетом и уважением у личного состава руководимых ими войск.

Нельзя не признать заслуг всех вышеназванных командармов в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Под их руководством наши войска не дали осуществиться пресловутому плану молниеносной войны, своим ратным умением они уже в первые месяцы войны доказали силу советского оружия.

Эти командармы с честью выполнили свой военный и партийный долг. И советский народ воздал им должное. Установлены памятники на могилах генералов А. И. Зыгина в Полтаве, М. Г. Ефремова в Вязьме, П. П. Корзуна в г. Гадяч

[1] Здесь и далее автор приводит данные из периодической печати: «Вопросы истории», «Военно-исторического журнала», «Известий», из книг Здановича Г. С., Захарова Ю. Д., Горохова Н. А., Бирюзова С. С., А. Доманка, А. Показкова.

Полтавской области, А. К. Смирнова в пос. Шевченково Бердянского района Запорожской области, М. П. Петрова в Брянске. В честь генерала А. К. Смирнова названо село Куйбышевского района Запорожской области, имя А. И. Лизюкова носит Саратовское высшее командно-инженерное училище.

Подавляющая часть потерь относится к сухопутным войскам, значительно меньше их в авиации и еще меньше в Военно-Морском флоте, где погибли вице-адмирал В. П. Дрозд и контр-адмирал Б. В. Хорошкин.

В числе погибших три генерала армии, три генерал-полковника, 36 генерал-лейтенантов и более 240 генерал-майоров.

На всех участках громадного советско-германского фронта были жертвы среди командного состава, но наиболее многочисленные потери они понесли на Западном и Юго-Западном фронтах (соответственно 40 и 35 генералов). Это объясняется не только тем, что указанные фронты существовали довольно продолжительное время (Западный с 22 июня 1941 г. по 24 апреля 1944 г. и Юго-Западный с 22 июня 1941 г. по 12 июля 1942 г. и с 25 октября 1942 г. по 20 октября 1943 г.), но и тем, что они были важнейшими участками советско-германского фронта, здесь происходили главные сражения 1941—1943 гг. На третьем месте по количеству потерь командного состава — 1-й Украинский фронт, существовавший с 20 октября 1943 г. по май 1945 г.— 20 человек, затем Воронежский — 18 человек, Южный — 15 человек, 1-й Белорусский — 15 человек, 2-й и 3-й Украинский, соответственно 11 и 13, Северо-Западный — 10, 1-й Прибалтийский — 13, Ленинградский фронт — 10 генералов, Сталинградский, Брянский и Калининский — по 7 генералов, Северо-Кавказский — 5 погибших генералов, 2-й Белорусский, Волховский и Закавказский — по 4, 2-й Прибалтийский — 3, Карельский и 4-й Украинский, Центральный — 2 и два генерала погибли на 3-м Прибалтийском фронте. В Крыму, который обороняла и освобождала отдельная Приморская армия, 4-й Украинский фронт и Черноморский флот, погибло 10 генералов. Остальные генералы погибли на других участках советско-германского фронта и умерли в госпиталях от ран.

Много потерь нанесла нашим командным кадрам артиллерия и минометы противника, но особенно пострадали они от авиации. В результате авиационных бомбежек погибло 24 советских генерала. Это свидетельствует о плохом оборудовании командных и наблюдательных пунктов, ненадежном прикрытии переправ зенитными средствами, слабой противовоздушной обороне сухопутных частей.

Особенно ощутимыми потери в командных кадрах были в 1941 г., когда нашим войскам приходилось вести тяжелейшие бои, неоднократно идти на прорыв вражеских окружений. Нередко командиры высшего звена вынуждены были непосредственно возглавлять эти атаки, доходящие до рукопашных схваток. Именно так погибли П. Н. Ахлюстин, В. Я. Качалов, Л. Г. Петровский, Д. П. Сафонов, А. М. Степанов и др.

В неравной схватке с противником в сентябре 1941 г., пытаясь вырваться из кольца окружения у с. Дрюковщина Лохвицкого района Полтавской области, смертью храбрых пали в бою командующий Юго-Западного фронта генерал-полковник М. П. Кирпонос, начальник штаба фронта генерал-майор В. И. Тупиков, начальник тыла 26-й армии И. И. Трутко и др. Это были ощутимые потери. Г. К. Жуков писал о М. П. Кирпоносе: «...Это был очень опытный общевойсковой командир, прошедший службу в старой армии». В связи с назначением его командующим округом, Г. К. Жуков замечает: «Конечно, у него, как и у многих других еще не было необходимых знаний и опыта руководства таким большим приграничным округом, но жизненный опыт, трудолюбие и природная сметка гарантировали, что из Михаила Петровича выработается первоклассный командующий войсками».

Генерал-майор В. И. Тупиков с декабря 1940 г. по июнь 1941 г. был военным атташе в Германии, а в начале войны был направлен на Юго-Западный фронт, где приступил к своим обязанностям только в июле 1941 г. Театр военных действий и войска фронта он не успел изучить, кадры, в том числе штабные, не знал. Конечно, его знания немецкой армии, ее тактики и кадров целесообразнее было использовать в Генеральном штабе. Всего полтора месяца провоевал генерал-майор В. И. Тупиков, так и не показав своих способностей. Правда, бывший тогда начальником оперативного отдела штаба фронта И. Х. Баграмян отмечает, что В. И. Тупикову «удалось внести в работу штаба фронта свежую струю бодрости, непоколебимую веру в стойкость наших войск, в их способность не только остановить, но и разгромить противника», но он бы мог сделать значительно больше.

Всего в 1941 г. погибло 75 генералов, т. е. одна четвертая всех павших в боях. В сражениях на белорусской земле в июне-июле 1941 г. погибли В. В. Борисов, С. И. Еремин, А. Ф. Казаков, Э. Я. Магон, В. П. Пуганов, М. Г. Хацкилевич. Под Смоленском навечно остались лежать в земле В. И. Иванов, А. Д. Корнеев, Т. Л. Власов. В районе Вязьмы в окружении в октябре 1941 г. провели свой последний бой Б. Д. Бобров, Л. И. Котельников, К. И. Ракутин, М. Н. Сиваев. На Украине в районе г. Умань с остатками окруженных 6 и 12 армий Южного фронта до последнего патрона сражались С. В. Вершин, в районе Киева на Юго-Западном фронте командир 24-го мехкорпуса В. И. Чистяков. Конечно, нельзя не сказать и о том, что одной из причин гибели отдельных командиров была их неподготовленность к выполнению своих непосредственных обязанностей, отсутствие опыта. Выдвинутые взамен погибших в результате сталинских репрессий они растерялись в сложной

обстановке 1941 г., допускали немало ошибок в борьбе с опытным, хитрым и прекрасно вооруженным врагом, что привело к гибели их самих и большим потерям возглавляемых ими войск.

В декабре 1941 г. весь мир облетела весть о выдающейся победе наших войск под Москвой, которая была во многом подготовлена самоотверженным сопротивлением советских дивизий под Минском, Смоленском, Вязьмой и Брянском. Наряду с радостными вестями с этого участка фронта советские люди узнали о гибели в конце 1941 — начале 1942 гг. выдающихся военачальников Л. М. Доватора, М. Г. Ефремова, А. Ф. Левашова, И. В. Панфилова и др., чей вклад в эту первую значительную победу велик.

Генерал-лейтенант М. Г. Ефремов командовал 33-й армией Западного фронта, с передовыми частями армии он вошел в брешь, образовавшуюся во вражеских позициях, но, к сожалению, был отрезан от главных сил армии. Действуя в тылу противника в феврале-марте 1942 г., командарм показал пример выдержки, стойкости. Армейский хирург профессор И. С. Жоров рассказывал впоследствии: «Трассирующие пули как рой светлячков вились среди нас. Несмотря на это генерал ходил со своим автоматом, не наклоняя даже головы. Он совершенно спокойно подымал ползущих, заставлял их быстро двигаться вперед, говоря при этом: «Братцы, вперед, здесь вы погибнете». Солдаты звали М. Г. Ефремова «отцом». Столь же мужественно держал себя генерал-майор П. Н. Офросимов — начальник артиллерии армии. Он рядом с командармом поднимал бойцов в атаку на огневые точки. Оба генерала не вышли из окружения. Генералу М. Г. Ефремову было предложено вылететь на самолете из окружения, но он отказался. 13 апреля 1942 г. остатки армии во главе с командармом начали пробиваться на восток, но подверглись атакам численно превосходящего врага. Руководя боем, М. Г. Ефремов 19 апреля 1942 г. был дважды тяжело ранен в районе д. Жары Вяземского района Смоленской области и, не желая попасть живым в руки немцев, застрелился. Кстати, полковник П. Крикунов в «Военно-историческом журнале» № 1, 1990, С. 62—63 под заголовком «Загадка гибели генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова» публикует радиосообщение Верховного командования немецкой армии о том, что генерал Ефремов был взят в плен, но не дает в связи с этим никаких комментариев.

В 1941 г. было потеряно 8 из 15 погибших в ходе Отечественной войны командующих армиями и 10 из 43 командиров корпусов.

В боях 1942 г. погибли 48 генералов. Особенно ощутимые потери были в печально известном Харьковском сражении в мае 1942 г., начатом по инициативе командующего Юго-Западного фронта маршала С. К. Тимошенко, начальника штаба генерал-лейтенанта И. Х. Баграмяна и члена Военного Совета Н. С. Хрущева. Из-за просчетов в планировании и проведении наступления под Харьковом со стороны командования Юго-Западного направления и Юго-Западного фронта и ошибочной позиции Верховного Главнокомандующего Сталина, не согласившегося приостановить неудачную операцию, советские войска понесли большие потери убитыми, ранеными и пленными. Погибли заместитель командующего фронтом Ф. Я. Костенко, помощник командующего фронтом по кавалерии Л. В. Бобкин (Пули настигли генерала, когда он стоял у трупа собственного сына, которому едва исполнилось 15 лет), командующий 6-й армией генерал-лейтенант А. М. Городнянский, командующий 57-й армией генерал-лейтенант К. П. Подлас, начальник штаба этой армии генерал-майор А. Ф. Анисов, начальник артиллерии армии генерал-майор Ф. Г. Маляров, командиры дивизий И. В. Васильев, З. Ю. Кутлин, Ф. Н. Матыкин, Д. Г. Егоров. Судьба этого генерала, как и многих командиров 1941 г., весьма трагична. В начале войны он командовал 14-м стрелковым корпусом 9-й армии Южного фронта. В августе был направлен в штаб Приморской армии, отступавшей к Одессе. Но в сложных условиях лета 1941 г. не сумел вовремя прибыть к месту новой службы и был осужден Военным трибуналом Южного фронта к 5 годам заключения. Тюрьма была заменена фронтом, он некоторое время командовал 469-м полком 150-й дивизии, а затем становится командиром 15-й стрелковой дивизии. В мае 1942 г. под Харьковом Д. Г. Егоров погиб. Годом раньше под Смоленском погиб его родной брат генерал-майор Павел Григорьевич Егоров — начальник штаба 28-й армии Западного фронта.

В Сталинградской битве, хотя ее масштабы по времени и размаху несравнимы с Харьковской операцией, больше было организованности и дисциплины в войсках, в руководстве сражением, больше умения и ратного мастерства. В этом, несомненно, сказалось дисциплинирующее воздействие приказа Наркома Обороны № 227 от 28 июля 1942 г. Потерь здесь было меньше. Из генералов в Сталинградской битве погибло всего несколько, в том числе командующий артиллерией 64-й армии Я. И. Броуд, командир 35-й гвардейской дивизии В. А. Глазков, заместитель командующего артиллерией Советской Армии В. Г. Корнилов-Другов, заместитель командира 4-го кавкорпуса Я. К. Кулиев, да и то во время оборонительного сражения. А начальник штаба Юго-Западного фронта генерал-майор Г. Д. Стельмах в период контрнаступления погиб в результате своей неосмотрительности. По свидетельству очевидцев, он вместе с начальником штаба 3-й гвардейской армии генерал-майором И. П. Крупенниковым пробился по тылам к колоннам наших наступающих мехкорпусов, уточнил их задачи, но на обратном пути не смог проскочить через населенный пункт, занятый фашистами. Г. Д. Стельмах был убит, а его спутник попал в плен.

В 1943—1944 гг. потери в командном составе были также велики: в 1943 г. погибло 60 генералов, а в 1944 г.— 63. Это объясняется рядом причин. Если у

генералов 1941 г. не хватало опыта оборонительных боев, чему в военных академиях последние перед войной годы почти не учили, то у генералов 1943—1944 гг. явно не хватало опыта широких наступательных действий — здесь оказали свое влияние и чисто оборонительные бои 1941—1942 гг. Большую роль в этом также сыграли чрезмерная централизация руководства военными действиями в руках Сталина, который постоянно вмешивался в оперативные и тактические вопросы. Так, он торопил с проведением не только операций, но и со взятием отдельных городов. Отсюда поспешные и неподготовленные действия советского командования. Отставало материально-техническое обеспечение войск, особенно авиационное.

Во время Курской битвы погибли: заместитель командира 4-го гвардейского танкового корпуса генерал-майор Г. Я. Антонов, заместитель командующего Воронежского фронта генерал армии И. Р. Апанасенко, командир 31-го танкового корпуса генерал-майор танковых войск Д. Х. Черненко, заместитель командира 5-го гвардейского мехкорпуса генерал-майор М. П. Лебедев, командир 308-й стрелковой дивизии генерал-майор Л. Н. Гуртьев, который 3 августа 1943 г. в бою за г. Орел прикрыл своим телом в окопе от осколка снаряда командующего армией генерал-лейтенанта А. В. Горбатова. Особенно много генералов погибло при освобождении Украины и Белоруссии. В 1943 г. пали на Украине П. В. Волох, С. И. Дудко, А. И. Зыгин, Н. П. Иванов, М. И. Зинькович, Н. М. Ивановский, В. П. Каруна, В. А. Копцов, А. И. Королев, Г. В. Мухин, А. А. Онуфриев, Д. Д. Погодин, Е. Г. Пушкин, Е. П. Серашов, М. М. Шаймуратов и др., в 1944 г.— А. И. Белов, И. В. Васильев, С. Т. Васильев, А. К. Иванов, Г. Е. Кухарев, В. В. Луппов, Д. П. Монахов, Т. И. Танасчишин, А. Д. Штевнев и др., т. е. почти 30 генералов. Конечно, большой потерей для Советских Вооруженных Сил была гибель на Украине командующего 1-м Украинским фронтом генерала армии Н. Ф. Ватутина, смертельно раненного в феврале 1944 г. украинскими националистами.

Командиры погибали не только на поле сражения. Немало было случаев, когда в результате быстро меняющейся обстановки или потеряв ориентировку они попадали во вражеские засады или оказывались в расположении противника, принимали неравный бой. Уже в самом начале войны, в конце июля 1941 г. на переправе через Днепр вражескими диверсантами были застрелены начальник штаба 20-й армии Западного фронта генерал-майор А. Д. Корнеев, заместитель командира 13-го мехкорпуса того же фронта генерал-майор В. И. Иванов. Осенью 1943 г., проскочив передний край, заехал на машине в расположение противника в районе Невеля начальник артиллерии 3-й ударной армии М. О. Петров и был убит в завязавшейся перестрелке.

На Украине такой же досадный случай произошел с командующим 44-й армии Южного фронта генерал-лейтенантом В. А. Хоменко и командующим артиллерией армии генерал-майором С. А. Бобковым. В начале ноября 1943 г. в районе г. Никополь они на автомашине выехали в 63-й стрелковый корпус и, потеряв ориентировку, заехали в расположение немцев, где были встречены огнем в упор. Будучи ранеными, генералы были пленены. Гитлеровцы пытались склонить их к измене, но получили достойный отпор. В. А. Хоменко и С. А. Бобков погибли как герои.

В январе 1944 г. во время Корсунь-Шевченковской битвы «виллис», на котором ехал командующий БТМВ 1-го Украинского фронта генерал-лейтенант А. Д. Штевнев, попал в засаду. Генерал и сопровождавшие его были убиты, а тела их изуродованы. После освобождения с. Лисянка Черкасской области, где произошла трагедия, погибшие были похоронены с воинскими почестями.

По подобным случаям проводились тщательные расследования, издавались строгие приказы, чтобы не допустить беспечности и неосмотрительности со стороны командного состава. Иногда меры борьбы с такими явлениями носили весьма крутой характер. Так, после случая с генералами В. А. Хоменко и С. А. Бобковым, не имея возможности наказать самих командиров, И. В. Сталин распорядился расформировать 44-ю армию и передать ее дивизии в другие армии фронта (армии с таким номером в Вооруженных Силах СССР больше не существовало). Немилость Верховного обрушилась и на командование Южного фронта.

При освобождении Белоруссии только в 1944 г. погибли генералы И. Д. Антошкин, Н. И. Бабахин, Б. С. Бахаров, В. Г. Жолудев, Н. Ф. Иконников, И. В. Кляро, Н. Н. Корженевский, И. А. Краснов, И. С. Лазоренко, И. Л. Рагуля, Я. Я. Фогель и др. При освобождении Прибалтики: А. А. Асланов, Т. Ф. Егошин, С. П. Куприянов, П. Г. Степаненко, К. А. Цаликов, И. И. Чиннов, Г. И. Шерстнев; Молдавии: В. И. Полозков, И. И. Швыгин и др. Они внесли заметный вклад в полное очищение советских земель от фашистов.

В 1945 г. потери командного состава также были очень большие, если учесть, что военные действия продолжались всего 5 месяцев. Захваченные общим боевым порывом скорее добить врага, командиры всех степеней меньше всего заботились о личной безопасности. Находясь в постоянном движении на запад и не создавая хорошо оборудованных командных пунктов, они часто подвергались воздействию фашистской авиации. Бои на чужой территории отличались сильным сопротивлением со стороны противника, контратаками, нападениями на наши тылы, штабы и т. д. На польской земле погибли генералы Т. Г. Корнеев, В. И. Ничипорович, Н. А. Оганесян, И. С. Полбин, С. У. Рахимов, В. В. Скрыганов, В. Г. Чернов; в Чехословакии Ф. А. Бобров, А. Я. Киселев, М. Е. Козырь, К. С. Федровский; в Венгрии — М. И. Лавриненко, П. Е. Лазарев, М. А. Громагин; в Румынии — В. М. Алексеев, Г. Ф. Тара-

сов; в Германии — М. Д. Гончаров, И. В. Давыдов, С. И. Любарский, К. В. Максимов, А. Г. Бабаян, А. А. Вашкевич, М. К. Ноздрунов, И. Н. Панкратов, К. И. Сазонов, Н. М. Теляков и др. В 1945 г. погиб талантливый полководец, командующий 3-м Белорусским фронтом И. Д. Черняховский. 18 февраля 1945 г. на «виллисе» он выехал на командный пункт 3-й армии и был сражен осколком снаряда у г. Мельзак (Пенежно) в Восточной Пруссии.

Вместе со строевыми командирами сражался за нашу победу и большой отряд воинов-политработников. Они укрепляли дисциплину и порядок в войсках, своим примером вели вперед. Корпус политработников высшего состава также понес заметные потери в войне. Это свидетельствует о том, что они не отсиживались в кабинетах или во вторых эшелонах войск, а были в гуще армейской массы, делили с ней все тяготы и испытания войны. В годы войны погибли члены Военного Совета фронтов и армий генералы И. В. Васильев, И. А. Гаврилов, Б. О. Галстян, И. И. Ларин и др. От болезни, связанной с фронтовым ранением, умер член Военного Совета 52-й армии А. Ф. Бобров. Их имена неотделимы от всех крупных событий Великой Отечественной войны.

В годы войны генеральского звания удостоились 22 руководителя крупных партизанских соединений. Это было признанием того, что партизанское движение являлось стратегическим фактором, что им руководили талантливые народные командиры, творцы партизанской стратегии и тактики. Партизанские генералы также понесли потери, правда, немногочисленные. В бою с оккупантами у пос. Делятин на Украине 8 августа 1943 г. погиб комиссар партизанского соединения генерал-майор С. В. Руднев. Надо отметить, что в газете «Правда» 13 апреля 1990 г. бывший партизан Герой Советского Союза П. Брайко пишет, что С. В. Руднев был устранен по заданию НКВД радисткой А. Туркиной, но приведенные им аргументы нельзя считать убедительными.

На войне обрывалась жизнь многих способных и энергичных командиров не только от пули или осколка. Огромное, непрерывное напряжение моральных и физических сил подрывало здоровье, вызывало трагические последствия. Артиллерист К. Н. Леселидзе встретил войну в июне 1941 г. под Брестом. С войсками проделал он тяжелый путь отступления до стен Тулы, участвовал в контрнаступлении под Москвой. Затем бои на Кавказе уже в качестве командира корпуса, а с марта 1943 г.— командующего армией, освобождение Новороссийска. Зимой 1943—1944 гг. 18-я армия генерал-полковника К. Н. Леселидзе участвует в освобождении Украины. Его организм, не выдержавший постоянного напряжения, начала подтачивать болезнь. Отправленный в госпиталь в Москву, он, несмотря на все старания врачей, скончался 21 февраля 1944 г. Талантливому сыну грузинского народа присвоено звание Героя Советского Союза, его именем назван город в Абхазии и улица в Тбилиси.

Немало испытаний выпало на долю генерал-лейтенанта Ф. М. Харитонова: отступление с тяжелыми боями от Днестра и до низовьев Дона. С 9 сентября 1941 г. он стал командующим 9-й армии Южного фронта. Во время Харьковского сражения основной удар противник обрушил на его армию, и она, понеся большие потери, отошла. Главком Юго-Западного направления маршал С. К. Тимошенко отстранил Ф. М. Харитонова от командования и распорядился отдать его под суд. Несколько дней он провел в Москве, давая объяснения своим действиям. Спасло Ф. М. Харитонова только вмешательство генерал-полковника А. М. Василевского, считавшего, что его вины в отступлении нет. Назначенный командующим 6-й армии Юго-Западного фронта Ф. М. Харитонов участвовал в феврале-марте 1943 г. в наступательных и оборонительных боях у р. Северский Донец, окончившихся неудачно. Огромное нервное напряжение резко ухудшило состояние его здоровья. Эвакуированный в центральный военный госпиталь, 28 мая 1943 г. он скончался.

От внезапного сердечного приступа умер член Военного Совета Южного фронта генерал-лейтенант К. А. Гуров (25 сентября 1943 г.), от разрыва сердца скончался командир 79-й гвардейской дивизии генерал-майор Н. Ф. Батюк. Болезнь унесла жизнь начальника артиллерии Северо-Западного фронта генерал-лейтенанта артиллерии П. М. Белова, заместителя командующего 31-й армии генерал-майора Р. Н. Шабалина, командира 4-го гвардейского кавкорпуса генерал-лейтенанта Т. Т. Шапкина. Уже на службе в войсках тыловых округов скончались впоследствии от ран, полученных на фронте, генерал-лейтенант З. Б. Цыганов, генерал-майор А. В. Борзиков и др.

За боевые заслуги перед Родиной советские генералы были отмечены высокими наградами. Восемь из них еще в 1936—1940 гг. были удостоены звания Героя Советского Союза за участие в боях в республиканской Испании, у реки Халхин-Гол и в советско-финляндской войне (Н. Д. Антошкин, М. П. Кирпонос, В. А. Копцов, Г. П. Кравченко, И. И. Копец, М. П. Петров, Д. Д. Погодин, Н. А. Токарев), а 38 получили это звание в годы Великой Отечественной войны, причем часть из них посмертно. Трое стали дважды Героями Советского Союза (Г. П. Кравченко, И. С. Полбин, И. Д. Черняховский). А генералы А. А. Асланов и И. С. Полбин навечно зачислены в списки воинских частей.

Имена павших в 1941—1945 гг. генералов ныне носят города и села, улицы и площади, школы и техникумы, колхозы и совхозы, пароходы. Только в Москве есть улицы имени Ватутина, Доватора, Ефремова, Панфилова, Полбина, Черняховского.

На могилах павших, а также и в других местах сооружены памятники и обелиски. В дни, когда народ отмечал 20-летие Победы над немецко-фашистскими

захватчиками, часть погибших генералов была посмертно отмечена орденом Отечественной войны I степени (П. П. Богайчук, С. В. Верзин, И. П. Вилин, В. Я. Качалов, М. П. Кирпонос, И. А. Копец, Н. В. Коркеев, Л. И. Котельников, И. П. Михайлин, К. И. Ракутин, В. И. Тупиков, В. И. Чистяков и др.).

В число потерь командного состава входят и генералы, попавшие в плен в годы Великой Отечественной войны. Их было более 80. Часть из них попала в плен в неожиданных, экстремальных ситуациях, в силу собственных ошибок, а часть вынуждена была расплачиваться за ошибки высшего командования.

В числе попавших в плен были 7 командующих армиями, причем почти все они оказались в плену в тяжелом 1941 г. (С. В. Вишневский, М. Ф. Лукин, П. Г. Понеделин, М. И. Потапов, И. Н. Музыченко), а А. А. Власов и А. Г. Самохин в 1942 г. В числе пленных были начальник штаба армии, два начальника артиллерии армии, 12 командиров стрелковых корпусов, начальник штаба корпуса и 40 командиров дивизий. Многие из них погибли в плену, на Родину вернулась лишь незначительная часть. Но все они остались верными воинской присяге. Только 5 генералов оказались изменниками Родины, пошли на службу к врагу: А. А. Власов, Д. Е. Закутный, В. Ф. Малышкин, Б. С. Рихтер, Ф. И. Трухин. Всех их постигла справедливая кара.

Среди погибших в годы Великой Отечественной войны есть группа советских генералов, которым не пришлось принять активное участие в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Они были репрессированы незадолго до войны и обвинены в измене Родине, службе в интересах иностранных разведок, в подрыве оборонной мощи СССР. Тяжелый каток сталинских репрессий безжалостно прошелся в 1940—1941 гг. по командным кадрам Советской Армии, еще более ослабил ее. В самом начале войны, несмотря на острую нехватку командиров высшего звена на фронте, Сталин и Берия пошли на жестокое уничтожение без суда и следствия большой группы командиров, имевших опыт войны в Испании, Китае в 1938 г., у озера Хасан и реки Халхин-Гол, заслуженных военных деятелей генерал-полковников А. Д. Локтионова, Г. М. Штерна, генерал-лейтенантов Ф. К. Арженухина, И. И. Проскурова, П. В. Рычагова, Я. В. Смушкевича, генерал-майоров П. С. Володина, М. М. Каюкова, Г. К. Савченко, Э. Г. Шахта. Они были расстреляны бериевскими палачами 28 октября 1941 г. в пос. Барбыш Куйбышевской области. Четверо из них были Героями Советского Союза, а Я. В. Смушкевич был дважды Героем Советского Союза, пять из них являлись депутатами Верховного Совета СССР.

Впоследствии в 1942 г. были уничтожены еще два репрессированных до войны Героя Советского Союза — генерал-лейтенанты авиации Е. С. Птухин и П. И. Пумпур.

Начавшаяся война ослабила, но не остановила волну репрессий. Сталин и его подручный Берия жестоко расправлялись с командирами Советской Армии под видом укрепления дисциплины, налаживания порядка на фронте. В самом начале войны было предано суду все командование Западного фронта, на котором наши войска потерпели серьезное поражение. Сталин перекладывал свою вину за неподготовленность страны к отпору врага на командный состав Советской Армии. В июле 1941 г. были расстреляны генерал армии Д. Г. Павлов, генерал-майоры А. Т. Григорьев, В. Е. Климовских, А. А. Коробков, С. А. Черных, а в сентябре — генерал-лейтенант Н. А. Клич, бывший начальник артиллерии Западного фронта.

На Южном фронте репрессиям подверглись генерал-майоры Ф. М. Исаев, М. Б. Салихов, С. Г. Галактионов (последний был расстрелян).

На Северо-Западном фронте были осуждены к расстрелу генерал-лейтенант П. С. Кленов, генерал-майоры В. С. Гончаров, А. П. Ионов, К. М. Качанов, на Северном фронте жертвой бериевских беззаконий пал генерал-лейтенант К. П. Пядышев.

Судилища над высшим командным составом (судили Военная коллегия Верховного суда СССР и Военные трибуналы фронтов) и сфальсифицированные приговоры не только не укрепили, а еще более ослабили Советскую Армию, посеяли недоверие к ее командному составу, подорвали единоначалие. Как указывал в своей работе «Триумф и трагедия» Д. А. Волкогонов, в начале войны Сталин дал согласие на арест большой группы командиров в 15 человек, обвинения против которых были сфабрикованы командой Берия. Из них 10 были расстреляны: генерал-лейтенанты Ф. С. Иванов, И. В. Селиванов, Н. И. Трубецкой, генерал-майоры Н. И. Ганич, В. С. Голушкевич, В. А. Меликов, А. Г. Потатурчев, Ф. Н. Романов, В. В. Семашко, П. Г. Цирульников, кроме них репрессированы генерал-лейтенант авиации К. М. Гусев, генерал-майор А. И. Таюрский и др.

И в последующие годы Сталин перекладывал вину за неподготовленность к отпору агрессору, за свое некомпетентное руководство войсками на многих других командиров Советской Армии, подвергая их репрессиям и незаслуженным наказаниям. Командиры Советской Армии оказались беззащитными перед безжалостной политикой жестоких репрессий, которую фактически направлял Нарком Обороны и Верховный Главнокомандующий. Репрессии в конечном итоге приводили к ослаблению Советских Вооруженных Сил. Многие способные командиры были загублены в расцвете своих сил, решения о их судьбе принимались поспешно, на основе непроверенных или незначительных фактов.

Всего в годы войны от репрессий погибло более 50 командиров Советской Армии высшего звена.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны погибло на фронте и в результате репрессий более 400 генералов Советской Армии, что было ощутимой потерей для наших Вооруженных Сил.

Очерк · публицистика

Татьяна ГРЕКОВА

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ПРИЗНАНИЮ*

БЮРО ВОСТОЧНОЙ МЕДИЦИНЫ

Народная мудрость справедливо утверждает, что дорогу осилит лишь идущий. Сторонники научного изучения тибетской медицины, следуя этому изречению, активно отстаивали свою идею и добились успеха: в 1934 году в Ленинграде во Всесоюзном институте экспериментальной медицины было создано Бюро по изучению восточной медицины. Руководителем его назначили профессора-фармаколога С. В. Аничкова. Обсуждался вопрос и об организации при институте специальной клиники, в которой будет проходить апробация средств и методов тибетской и арабско-персидской медицины.

Начались поиски кандидатуры на должность начальника клиники. Самым подходящим специалистом был Н. Н. Бадмаев, но директор института Л. Н. Федоров ни за что не соглашался доверить ему этот пост. Понимая однако, что полностью проигнорировать инициатора создания клиники не удастся, он утвердил Николая Николаевича в качестве научного консультанта, а руководителем назначил профессора С. П. Заводского. Сергей Петрович, конечно, не обладал такими обширными знаниями в области восточной медицины, как Н. Н. Бадмаев, но некоторый опыт ее изучения все же имел. Он получил его в Средней Азии, где с 1932 года заведовал факультетской диагностической клиникой Узбекского университета. Он приобрел целую библиотечку медицинских трудов на арабском языке и фарси, а также аптеку известного табиба Мулла Вазрата и организовал проверку некоторых методов лечения, применяемых табибами. Теперь ему предстояло продолжить начатые в Узбекистане исследования в клинике ВИЭМ.

Споры о том, как следует поставить изучение восточной медицины, начавшиеся в институте еще до официального включения этой тематики в план научных исследований, не прекратились и после организации Бюро по изучению восточной медицины. Вскоре его переименовали в Бюро по изучению восточной и народной медицины. Правда, кроме Н. Н. Бадмаева, никто не придал этому значения. Николай же Николаевич сразу понял, что эта незначительная на первый взгляд добавка одного слова знаменует собой принципиальное отступление от первоначальной идеи, осуществления которой он так долго и упорно добивался. Ведь тибетскую медицину нельзя приравнивать к народной и низводить ее до уровня знахарства. Не отдельные лекарственные средства надо испытывать, а изучать всю систему взглядов, весь врачебный арсенал, включающий, кроме лекарственных препаратов, психотерапию, диететику и разнообразные физические методы лечения.

Надо сказать, что и сегодня традиционные восточные медицинские системы нередко путают с народной медициной, хотя различия между ними достаточно принципиальны. Опыт народной медицины как на Западе, так и на Востоке запечатлен лишь в изустных преданиях. Традиционные же системы связаны с появлением центров мировой цивилизации и закреплены в письменных источниках. Чтобы овладеть этими знаниями, требуется длительное обучение под руководством опытного

* Начало см. в № 2, 1991 г.

наставника. Члены Бюро не вдавались в существо вопроса и поэтому верили, что переименование вреда не принесет. Более того, они надеялись, что новое название позволит расширить рамки исследований. Увы, их надежды не оправдались!

В январе 1935 года Бюро, превратившееся к этому времени в Отдел народной медицины, закрыли под предлогом реорганизации института — ВИЭМ в это время перевели в Москву, в Ленинграде же остался лишь его филиал. Приказом от 10 февраля от занимаемых должностей были освобождены С. П. Заводской, С. В. Аничков, А. Ф. Гаммерман, В. В. Закусов, М. И. Шупинская, И. А. Бржезицкий, Е. Е. Обермиллер и, разумеется, консультант Н. Н. Бадмаев. Договор с больницей им. В. И. Ленина, на базе которой отделение просуществовало буквально два месяца (предполагаемая клиника восточной медицины фактически так и не была по-настоящему организована), расторгли, а больных выписали или перевели в другие лечебные учреждения.

Как свидетельствуют архивные документы, за это время получали лечение по рецептам Н. Н. Бадмаева три человека, страдающих диабетом и четыре пациента с фурункулезом.

Кратковременность курса лечения и небольшое число наблюдений не позволяли сделать окончательные выводы об эффективности бадмаевских назначений, однако с закрытием клиники указанные исследования в институте прекратились. В то же время, судя по архивным данным, органы здравоохранения еще не поставили точку, вновь и вновь обсуждая целесообразность дальнейшего изучения тибетской медицины. Определенную заинтересованность в этом вопросе проявляло не только военное ведомство, но и органы НКВД. Среди пациентов Н. Н. Бадмаева было немало высокопоставленных лиц, в том числе и видных военачальников. Кроме того, Николай Николаевич был консультантом в спецполиклинике НКВД, что существенно укрепляло его позиции. О закулисных перипетиях борьбы за тибетскую медицину мы можем лишь догадываться. Совершенно очевидно, что далеко не все факты получили отражение в материалах наркомздрава. Но и доступные нам документы свидетельствуют о том, что вопрос этот нередко ставился в политической плоскости.

«НЕ ПОДЛЕЖИТ ОГЛАШЕНИЮ»

Сторонники изучения тибетской медицины сдаваться не собирались. В апреле 1935 года в Совет труда и обороны страны поступило «Деловое предложение о развитии работы по изучению и экономическому использованию средств и методов восточной медицины», разработанное экономистом В. В. Добрыниным. Автор документа подробно обосновывал необходимость создания в Ленинграде научного и учебного центра — Института восточной медицины и гигиены с филиалами в Тибете, Монголии, Китае, Японии, Индии, Египте, Англии, Франции и США. В восточных филиалах предполагалось изучать непосредственно на местах конкретные методы и лекарственные средства, а в западных Добрынин предлагал организовать показательные клиники восточной медицины. В записке содержались также предложения по широкому развитию экспорта лекарственного сырья, изданию литературы и другим направлениям. Словом, это была достаточно обширная и разносторонняя программа. Вскоре В. В. Добрынину сообщили, что его предложение передано непосредственно наркому здравоохранения РСФСР Г. Н. Каминскому. Обнадеженный этим сообщением ученый решил, что настало время организационно сплотить всех единомышленников.

20 мая 1935 года в особняке на Дворцовой набережной, где находился Ленинградский Дом Ученых, состоялось первое заседание инициативной группы по изучению восточной медицины и физкультуры. В нее вошли самые разные специалисты, объединенные общей благородной задачей. Назовем их имена: это уже известный читателям Н. Н. Бадмаев, заведующий кафедрой психологии Института физической культуры им. П. Ф. Лесгафта профессор А. К. Борсук, действительный член Института мозга им. В. М. Бехтерева профессор Л. Л. Васильев, заведующий лабораторией Радиевого института профессор А. Б. Вериго, заведующие кафедрами акушерства и гинекологии 1-го и 2-го ленинградских медицинских институтов профессора Г. Г. Гентер и М. В. Елкин, психоневролог профессор Государственного Ленинградского института усовершенствования врачей им. С. М. Кирова К. И. Поварнин,

заведующий кафедрой внутренних болезней 1-го Ленинградского Медицинского института М. Д. Тушинский, академик-востоковед А. Н. Самойлович. Секретарем единогласно избрали В. В. Добрынина, а председателем действительного члена Института мозга профессора В. П. Кашкадамова.

Выбор этот был неслучайным. Василий Павлович Кашкадамов давно интересовался восточной медициной. В 1898—1900 годах он как член Государственной комиссии по изучению чумы и мер борьбы с нею работал в Индии. Там он постоянно контактировал с туземными врачами и на практике убедился в эффективности применяемых ими методов и средств. Вернувшись в Россию, ученый сделал доклад «Об индусской фармации» и опубликовал в издаваемой известным терапевтом С. П. Боткиным Больничной газете ряд статей под общим названием «Очерки индусской медицины». Коллекцию же лекарств он подарил профессору-фармацевту Пржобытеку, надеясь заинтересовать его изучением восточных средств, но эти ожидания не сбылись. В последние годы Кашкадамов занимался гигиеной умственного труда и не без оснований полагал, что с помощью психофизических упражнений из арсенала восточной медицины можно значительно повысить умственную работоспособность.

Дочь Кашкадамова Нина Васильевна Батуева рассказала мне, что в 30-е годы у них на квартире нередко собирались члены инициативной группы. Особенно часто приходил профессор А. К. Борсук, необычные опыты которого она хорошо запомнила. Алексей Константинович вдевал в иглу длинную нитку, прокалывал ухо кому-либо из присутствующих и продергивал через него нитку. Затем прокалывал другому человеку щеку, третьему снова ухо и так «нанизывал» на эту нить пять-шесть человек. Крови, по ее словам, на месте прокола не было и боли никто из подопытных не ощущал. Ставились у них дома эксперименты и по внушению, чтению мыслей на расстоянии. После каждого такого сеанса начиналось оживленное обсуждение...

Психофизическим упражнениям члены инициативной группы придавали большое значение. Они считали, что специальные комплексы упражнений необходимо широко включать в общефизическую подготовку людей всех возрастов. Ясно было, что небольшой группе энтузиастов такая задача не по силам. Возникла идея — организовать общество содействия изучению восточной медицины и физкультуры. Разработали устав и направили его, как полагалось, для утверждения в Лексовет. Ленинградские власти решили запросить мнение Наркомздрава РСФСР: а есть ли вообще нужда в организации подобного общества?

Время шло, а ответа все не было: ни по поводу создания общества, ни по плану конкретных мероприятий, изложенному в записке В. В. Добрынина. Через несколько месяцев Добрынин от имени инициативной группы направил жалобу по поводу волокиты председателю Совнаркома СССР В. М. Молотову. Копии своего заявления он адресовал в Комиссию Советского контроля при СНК СССР, в Комиссию Партийного контроля и Комиссию содействия ученым. Обосновывая вновь программу изучения и использования средств и методов восточной медицины, ученый подчеркивал, что в ее арсенале имеется немало кровоостанавливающих и ранозаживляющих средств, препараты, повышающие естественный иммунитет к инфекциям, что особенно важно, учитывая возможность бактериологической войны.

Из Совнаркома материалы переслали в Наркомздрав, где скопилась уже довольно объемистая переписка по поводу предложений инициативной группы. У работников Наркомздрава само существование этой группы, возникшей не по указанию вышестоящих инстанций, а по инициативе отдельных лиц, что преднамеренно подчеркивалось названием, вызывало опаску. Кто знает, к чему приведет подобная групповщина да еще в Ленинграде, городе, известном своими оппозиционными настроениями? Коль скоро высокие инстанции не возражают против изучения тибетской медицины, не лучше ли взять дело целиком в свои руки?

Эта мысль отчетливо выражена в письме заместителя начальника управления научно-исследовательских институтов Наркомздрава РСФСР В. Донца, адресованном в Лексовет. В правом углу стоит гриф: «Оглашению не подлежит». «В конце марта к нам поступило из Совнаркома СССР ходатайство группы ленинградских специалистов... о желательности организации в Ленинграде специального общества по изучению восточной тибетской медицины. Обсудив это предложение, Ученый Медицинский Совет высказался против организации указанного Общества и создал... специальную комиссию по Восточной медицине в составе работников Наркомздрава

и представителей Академии наук, ВИЭМа и Лектехсырья... Мы считали вопрос об организации общества... ликвидированным. Между тем, нам стало известно, что некоторые из лиц, подавших указанное заявление, продолжают считать себя какой-то особой группой... Поскольку эта группа нигде не легализована, мы сочли необходимым обратиться к члену комиссии профессору Кашкадамову... с письмом, копию которого прилагаем»[1]. В указанном письме ученый секретарь Ученого Медицинского Совета (УМС) Наркомздрава Н. В. Терзиев указывал профессору Кашкадамову, что... «комиссия должна иметь дело исключительно с отдельными лицами, а отнюдь не с какой-то группой, не зарегистрированной в установленном порядке и не имеющей ввиду этого законного титула на существование».

ПРЕДВЗЯТЫЕ ОБВИНЕНИЯ

26 марта 1936 года ленинградская «Вечерняя красная газета» известила читателей о том, что Ученый медицинский Совет (УМС) Наркомздрава РСФСР по инициативе группы ленинградских профессоров созывает 1 апреля широкое совещание по вопросу о целесообразности изучения тибетской медицины. Казалось, победа группы была бесспорной: президиум УМС принял положительное решение. Но уже через несколько дней на заседании Бюро УМС стало ясно, что трудности на этом не кончились. Директор ВИЭМ Л. Н. Федоров, понимая, что в сложившейся ситуации впрямую возражать против изучения тибетской медицины нельзя, заявил, что в СССР нет ни одного подлинного ее представителя и что доктор Н. Н. Бадмаев таковым считаться не может. Более того, он обвинил Бадмаева в расхищении тибетских лекарственных средств, закупленных на деньги ВИЭМ за границей, для частной практики.

В действительности оснований для подобных обвинений не было. Планировавшаяся экспедиция в Монголию для приобретения лекарственного сырья так и не состоялась. Л. Н. Федоров отклонял одного за другим всех кандидатов в ее руководители. Зато в личной аптеке Н. Н. Бадмаева ассортимент импортных средств был достаточно широким. Бадмаев получал их в основном через комиссию содействия ученым, и немалую помощь в этом ему оказывал А. М. Горький, который, как уже упоминалось ранее, был его пациентом.

Не соответствовало истине и утверждение Л. Н. Федорова о том, что институтскую клинику пришлось закрыть по вине Н. Н. Бадмаева, который уклонялся от научной проверки применяемых им методов лечения, поскольку «как научный работник он не стоит на высоте положения». Вместе с тем, Федоров вынужден был согласиться, что вопрос о тибетской медицине нельзя считать исчерпанным.

Бюро приняло половинчатое решение: для систематического методологического руководства работой по изучению восточной медицины избрать комиссию, включить в нее членов УМС Наркомздрава, а также представителей ленинградской инициативной группы, «Лектехсырья», Института востоковедения АН СССР и ВИЭМ'а. Предложение о создании общества, организации института и специальной клиники отклонить, ограничившись клиническими испытаниями в одном из обычных стационаров.

Никто из членов инициативной группы на этом заседании Бюро Ученого медицинского совета не присутствовал — их не сочли нужным пригласить. Протокол заседания представитель группы профессор В. П. Кашкадамов получил лишь спустя пять месяцев. Было ясно, что борьба далеко не кончена.

Членов инициативной группы старались под разными предлогами отстранить от активного участия в работе и подготовить таким образом почву для отрицательного решения. На это же, вероятно, были рассчитаны и выдвинутые против Бадмаева обвинения, которые практически делали невозможными его дальнейшие контакты с ВИЭМ'ом. Об этом достаточно ясно свидетельствует заявление Николая Николаевича, сохранившееся в архиве. В нем, в частности, говорится: «...выступление проф. Федорова на заседании УМС по вопросу о восточной медицине свелось к личным нападкам на меня. Ни одного делового предложения, ни одной организационной детали, ни слова по существу вопроса...

...При любой попытке какой бы то ни было авторитетной организации помочь работе по изучению восточной медицины проф. Федоров решительно отклонял

эту помощь... Он неизменно дискредитирует и мою личную деятельность... Не будучи ни в какой степени знатоком восточной медицины, но выступая в качестве авторитета перед соответствующими организациями и «защищая» необходимость ее изучения, он, по существу, подготавливает общественное мнение против изучения восточной медицины...

...Само собой разумеется, что я работать в атмосфере, созданной проф. Федоровым, не могу и не желаю.

Что касается ленинградской инициативной группы, то я и в дальнейшем буду помогать ей знаниями и опытом в области изучения индо-тибетской медицины»*[2].

От имени группы В. П. Кашкадамов выразил энергичный протест как против обвинений в адрес Н. Н. Бадмаева, так и против выработанной Ученым Советом программы изучения восточной медицины и настаивал на праве группы самостоятельно работать по собственному плану при любых условиях контроля со стороны Наркомздрава. Протест был направлен наркому здравоохранения Г. Н. Каминскому, а его копия в Комиссию Советского Контроля при СНК СССР. «Лен(инградская) иниц(иативная) группа добивается лишь одного: возможности работать в области изучения средств и методов восточной медицины таким образом и в таких условиях, чтобы в результате этой работы можно было бы дать вполне объективный и научно-сбоснованный ответ на поставленный вопрос, пригодный для того, чтобы его можно было, с приложением соответствующих точных документальных объяснений, опубликовать как в советских, так и в иностранных научных органах без риска быть обвиненным в неумелой или предвзятой постановке вопроса»[3],— писал ученый.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ СТАРУЮ СТЕНОГРАММУ

Архивный поиск дело не только увлекательное, но и чрезвычайно трудоемкое, особенно если работаешь в отечественных архивах. О компьютеризации здесь только мечтают, а пока приходится изучать сотни пухлых дел, до боли в глазах вчитываться в пожелтевшие, а нередко и выцветшие страницы. Обидно, когда время и силы оказываются затраченными впустую, но радость, которую испытываешь, обнаружив нужные материалы, заставляет забыть о предшествующих неудачах.

В Центральном Государственном архиве РСФСР мне повезло. Здесь в фонде Наркомздрава РСФСР сохранилось немало документов, позволяющих воссоздать историю борьбы за изучение тибетской медицины. Особенно любопытной оказалась многостраничная стенограмма заседания Бюро комиссии Ученого Медицинского Совета по восточной медицине от 15 июля 1936 года[4].

О чем же шла речь на этом заседании? Предоставим слово его участникам.

«**С. Ю. Беленький...** Я считаю, что... надо поставить перед соответствующими организациями вопрос о недопустимости дальнейшего существования нелегализованной инициативной группы, тем паче, что имеется соответствующее решение УМС по этому поводу. Это первое, что мы должны сделать. Иначе нас обвинят в том, что мы знали о существовании группы, нигде не зарегистрированной, и могут привлечь нас, как соучастников недозволенных деяний.

Это тем более серьезно, что мы прекрасно знаем (и об этом говорилось на заседании УМС), что вообще восточная медицина имеет большое политическое значение и вокруг этой медицины ведется большая политика... И те материалы, с которыми я познакомился у нас, со всей меткостью показали, что определенная группа лиц, являющихся инициаторами изучения восточной медицины и применения ее в России, и те лица, которые считают себя их преемниками (так об этом говорили на заседании УМС), являются не только медиками, но и политиками.

Так, например, совершенно ясно подчеркивается роль П. А. Бадмаева, деда нынешнего Н. Н. Бадмаева*, его политическая роль при Николае II, его участие в деле Распутина, Курлова**, роль медика с одной стороны, роль политика и крупного коммерсанта с другой. Об этом не пришлось бы говорить, если бы проф.

* Н. Н. Бадмаев был племянником, а не внуком П. А. Бадмаева.
** Курлов — зам. министра внутренних дел России.

Кашкадамов на том заседании не заявил, что теперешний Бадмаев считает себя преемником П. А. Бадмаева...

У нас этот вопрос имеет большое политическое значение, тем паче, что имеется еще одно обстоятельство, которое нужно подчеркнуть... в решении УМС имеется целый ряд оговорок, запрещающих ряду лиц, и в том числе тем лицам, с которыми работает Бадмаев,— ламам, заниматься применением восточной медицины на практике.

Еще один момент: сегодня в «Известиях» в отделе читательских писем какой-то гражданин уведомляет, что на такой-то станции проживает врач-тибетец, который производит лечение уколами игл, и просит проверить. Таким образом, общественное мнение здесь не положительное, а отрицательное.

Одним словом, какое обстоятельство ни взять, оно говорит о том, что вопрос имеет не узко-специальное, а большое политическое значение.

Н. В. Терзиев (ученый секретарь УМС) ...Инициативная группа по изучению восточной медицины нарушила целый ряд законов... Учитывая, что существование инициативной группы идет вразрез с законодательством, просить т. Беленького выяснить этот вопрос в соответствующих органах. Но мало выяснить этот вопрос официально — я просил бы вас написать несколько слов, дать характеристику этой группы и указать, что ...группа не только не имеет законного титула, но и давать ей этот титул нельзя потому, что она не обеспечивает научной разработки вопроса... и потому, что существование... инициативной группы частных лиц является ненужным и нецелесообразным.

Г. И. Коган (проф. Витебского мединститута). Николай Владимирович с исчерпывающей полнотой обрисовал положение вещей. Эта группа — просто не законное сборище. Мы рискуем, ведя переговоры с ее членами; мы не имеем на это права. И поскольку они выдают себя как инициативную группу, мы должны об этом поставить в известность соответствующие организации. Мы должны довести до их сведения, что эта группа пытается активно действовать в интересах того дела, которое она представляет».

Представитель Лектехсырья М. М. Никольский попытался было сгладить ситуацию, предложив считать, что инициативной группы как таковой не было. Просто несколько человек поставили вопрос о легальном изучении восточной медицины, ведь каждый гражданин имеет право вносить рационализаторские предложения. И проф. Кашкадамов, очевидно, имеет ввиду не группу как организационную единицу, а просто пять-шесть своих единомышленников. Но Никольскому быстро дали понять, что его никто не поддержит.

«Я предупреждал проф. Кашкадамова.., что понятие «группа» незаконное,— заявил Терзиев.— Я ему сказал, что это слово нельзя употреблять. Я его предупреждал как собеседника, чтобы он не пытался выступать от имени группы, т. к. это незаконно. Таким образом, Кашкадамов это не человек, который не знает в чем дело — он предупрежден. И его заявление есть результат не неведения или заблуждения, а известного упорства в своих неправильных толкованиях».

Не стоит удивляться, что вопрос о путях изучения тибетской медицины члены комиссии рассматривали прежде всего в политическом аспекте, отводя соображениям целесообразности второстепенную роль. Дискуссии по всем научным вопросам начали принимать политический характер уже в 20-ые годы. Настойчиво провозглашался тезис о том, что пролетарскую партийность в науке могут обеспечить лишь ученые новой формации — выходцы из рабоче-крестьянской среды. В 1927 году было создано Общество работников науки и техники для социалистического строительства в СССР. В декларации Общества, подписанной видными учеными, говорилось что «научно-технические деятели не могут оставаться политически нейтральными». А через три года профессор-биохимик Б. И. Збарский на совещании работников здравоохранения выступил с инициативой вызвать ОГПУ на соревнование по разоблачению вредителей в науке. Призыв этот был услышан и поддержан. Новая интеллигенция в отличие от старой «буржуазной» считала доносы не подлостью, а своим гражданским долгом, так что выступления членов наркомздравовской комиссии звучали вполне в духе времени. В дискуссиях научная аргументация все чаще подменялась апелляцией к «городовому».

Безнравственность стала нормой поведения. Участники заседания искренне недоумевали, почему профессор Кашкадамов, которого Ученый Медицинский Совет

хотел включить в состав комиссии, уклонился от этой чести. Более того, он осмелился заявить, что полномочий от инициативной группы на это не получал, а в качестве частного лица в работе комиссии совершенно не заинтересован. Строптивца следовало осудить и в протоколе появилась запись: «Считать совершенно недопустимым поступок проф. Кашкадамова, который как член комиссии УМС не счел для себя возможным участвовать в ее заседании. Поставить перед УМС вопрос об исключении проф. Кашкадамова из состава комиссии и о привлечении других, активных членов». Кроме того, было решено официально возбудить вопрос о роспуске инициативной группы перед соответствующими организациями.

Однако за спиной группы стояли, по-видимому, достаточно мощные силы. Несмотря на настойчивые попытки, Ученому Медицинскому Совету так и не удалось парализовать ее деятельность.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ КЛИНИКА

В январе 1937 года на фасаде дома № 53/60 по Красной улице в Ленинграде появилась вывеска: клиника восточной медицины. Географическому музею, занимавшему до этого времени бывший особняк графа Бобринского, пришлось несколько потесниться, уступив часть здания новым хозяевам. Но их пребывание здесь было недолговременным. Ясным апрельским днем 1938 года случайный прохожий, оказавшийся на Красной улице, мог наблюдать следующую картину. Интеллигентного вида мужчина в годах, подойдя к дому № 58 и привычным жестом потянув на себя входную дверь, вдруг обнаружил, что парадная заперта. Потоптавшись в недоумении, он, видимо, заметил исчезновение вывески, извещавшей о том, что здесь находится клиника и, резко побледнев, быстро зашагал прочь...

Клиника на Красной улице была известна ленинградцам как клиника Бадмаева. Инициативная группа добилась-таки своего: 30 декабря 1936 года наркомздрав принял решение об организации клинического стационара на 50 коек во главе с Н. Н. Бадмаевым, оформленное в виде приказа за номером 1230. Приказом от 21 января 1937 года научному руководителю клиники восточной медицины устанавливался персональный оклад в размере 1100 рублей. Для сведущего человека это говорило о многом, ибо подобные оклады имели только номенклатурные работники. Ясно было, что вопрос решался где-то в самых верхах. Об этом же свидетельствовало и то обстоятельство, что клиника создавалась фактически вопреки мнению Ученого Медицинского Совета наркомздрава.

Постараемся восстановить краткую хронику событий, предшествовавших организации клиники и не упомянутых выше.

В конце апреля 1936 года профессор В. П. Кашкадамов от имени инициативной группы направил письмо наркому здравоохранения РСФСР и СССР Г. Н. Каминскому с конкретными предложениями по организации изучения восточной, в первую очередь, тибетской медицины. Шла речь и о необходимости «учредить специальную клинику, отдельную от каких-либо существующих лечебных учреждений, а не свести дело изучения к распределению тибетских лекарств по клиникам уже существующих больниц, организованных по планам и принципам европейской медицины»[5]. Затем 29 мая 1936 года на имя Г. Н. Каминского последовало коллективное письмо за одиннадцатью подписями с просьбой организовать в Ленинграде под контролем наркомздрава «клинику на 30—40 коек с небольшим амбулаторным приемом и аптекой при ней, а также с кабинетом по изучению индо-тибетской медицинской литературы по подлинникам»[6]. В качестве научного руководителя клиники опять была названа кандидатура Н. Н. Бадмаева.

Судя по всему, официального ответа на эти письма не последовало. В. П. Кашкадамова и некоторых других членов инициативной группы попытались было, как уже говорилось выше, привлечь к работе в комиссии, созданной Ученым Медицинским Советом Наркомздрава, но они продолжали отстаивать свое право на самостоятельную работу. Отношения между двумя группировками накалялись.

Тем не менее 15 ноября 1936 года Н. Н. Бадмаева вызвал для беседы секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Андреев. Разговор шел об условиях организации изучения индо-тибетской медицины. В тот же день Николай Николаевич был принят руководством Наркомздрава СССР. 20 ноября Бадмаев, подкрепленный официальным отношением Наркомздрава, начал переговоры об организации клиники с заведующим

Ленгорздравотделом Д. Г. Богеном. Противная сторона попыталась принять контрмеры. В архиве сохранилось безадресное и неподписанное письмо, авторы которого сигнализировали о том, что многие высказывания членов инициативной группы «совершенно неприемлемы с идеологической точки зрения». Заканчивалось оно просьбой «проверить основание существования» этой группы, «поскольку ее деятельность не может не вызывать опасений». Датирован указанный документ 29 ноября 1936 года[7].

Сигнал, однако, не сработал: 25 декабря Бадмаев выехал в Москву с проектами положений и сметной документацией, а 30 декабря появился вышеупомянутый приказ № 1230 об организации клиники. 20 января 1937 года последовал новый приказ № 34, предписывающий Ленгорздравотделу обеспечить в первом же квартале заявку доктора Бадмаева на импортное лекарственное сырье. 25 января состоялась новая встреча Бадмаева с Богеном, который неопределенно пообещал «изучить вопрос». В разговоре выяснилось, что горздрав предоставить помещение для клиники не может, а скорее всего не хочет. Члены группы вступили в переговоры непосредственно с Ленжилуправлением и в поисках подходящего варианта осмотрели более 60 адресов.

Организационный период затягивался, над коллективом еще не открывшейся клиники сгущались тучи — в Ленинграде как и по всей стране начались массовые аресты. В январе 1937 года был арестован Чойжи Даба Томиргонов, бывший лама, приехавший в Ленинград по приглашению Агвана Доржиева. Томиргонов и арестованный в феврале Балжир Зодбоев жили в доме-общежитии при ленинградском дацане на Стародеревенской улице и успешно лечили больных методом тибетской медицины. Они были тесно связаны с Н. Н. Бадмаевым, который рассчитывал, что оба специалиста будут работать в его клинике.

8 апреля арестовали профессора-востоковеда А. И. Вострикова, активно сотрудничавшего с инициативной группой. Андрей Иванович читал для врачей лекции по тибетскому языку в семинаре, организованном группой при Институте востоковедения АН СССР. Это был молодой, но уже широко известный в научных кругах исследователь. Материалы его личного дела[8] свидетельствуют, что Востриков имел обширные контакты с представителями Тибета. Ученый помог съездить с Далай-ламой Н. И. Вавилову, который хотел пополнить свою коллекцию растений образцами тибетских хлебных злаков и лекарственных растений. Монография Вострикова «Тибетская историческая литература», по отзыву академика Ф. И. Щербатского, «послужила к славе и гордости советской науки». Труд этот, однако, увидел свет лишь в 60-е годы, т. е. почти через 30 лет после трагической гибели его автора.

Ученый секретарь инициативной группы В. В. Добрынин, очевидно, надеясь, что заинтересованность верхов поможет избежать ареста оставшимся на свободе, направил 9 апреля в Наркомздрав предложение по организации треста восточной медицины и физкультуры. «Без организации треста клиника захиреет или погибнет как это было с аналогичной клиникой при ВИЭМ или выродится в маленькую привилегированную санаторию для очень узкого избранного круга больных, т. е. нечто подобное частной тибетской санатории, которая уже существовала до революции у тибетского врача П. А. Бадмаева»[9],— писал он. Ответа не последовало.

25 апреля 1937 года заместитель директора клиники В. И. Кулябко-Корецкий подал докладные записки о причинах, тормозящих открытию клиники, наркому здравоохранения СССР и в ЦК ВКП(б). В течение апреля и мая в Москву регулярно шли письма, телеграммы с предложениями и просьбами о закупке лекарственного сырья за границей, приглашении специалистов, подготовке кадров и др.

9 июня 1937 года Президиум Ленсовета удовлетворил просьбу о передаче части особняка Бобринского под клинику, а 15 июня заведующая Ленгорздравотделом Юхачева, сменившая на этом посту Богена, потребовала у Бадмаева отчета о состоянии дел. Через неделю Николая Николаевича вызвали в Наркомздрав, где он откровенно заявил: если необходимая помощь не будет немедленно оказана, открыть клинику не удастся. Из Москвы «нажали» на Юхачеву, и в Ленгорздраве зашевелились всерьез. 3 августа был наконец получен ордер на помещение.

В архивных материалах Ленгорздравотдела сведения по клинике восточной медицины представлены весьма скудно: это приказы за короткий период с 30 декабря 1937 по 10 апреля 1938 года. Из них мы узнаем, например, что на курсах хейротерапии (восточного массажа), теоретическая подготовка закончилась 4 августа

1937 года и начались практические занятия. Зачетная сессия, продолжавшаяся по 18 февраля 1938 года, показала вполне удовлетворительные знания курсантов. Заведующему курсами В. А. Скуфати объявлена благодарность. Выпускников зачислили в клинику. Датой открытия отделения хейротерапии согласно приказу является 10 марта 1938 года.

Из другого приказа следует, что в клинику зачислены приглашенные из Бурятии восточные врачи Данзанов, Жапов, Гомбоев, Догбаев, консультант-тибетолог Куберлинов, консультант-монголовед Санданов, переводчик Церенжадэ. В штатном расписании значится административная группа из 5 человек во главе с Н. Н. Бадмаевым, бухгалтерия (4 человека), кабинет фармакогнозии (3 человека), научно-литературный кабинет, группа восточных врачей, отделение хейротерапии, строительная группа и хозчасть.

Готовился принять первых пациентов и стационар...

ТРАГИЧЕСКАЯ РАЗВЯЗКА

Развернуть работу так и не удалось. 20 марта арестовали сотрудницу научно-литературного кабинета Н. П. Вострикову как жену врага народа. 2 апреля и. о. директора клиники Б. И. Кулябко-Корецкий отбыл в Москву в командировку, а 10 апреля созданная в срочном порядке комиссия начала инвентаризацию клиники. На этом ее существование закончилось.

26 апреля подписчики «Медицинского работника», развернув очередной номер газеты, прочли статью «Враг под маской науки». Речь в ней шла о Н. Н. Бадмаеве и его клинике. Некий Е. Генкин объяснял организацию бадмаевской лечебницы «происками троцкистско-бухаринских бандитов». «Большинство из 42 сотрудников этого «научного» учреждения — политически сомнительные личности, шарлатаны, невежды и просто жулики»,— писал он и переходил затем к персональным характеристикам.

Заместитель директора В. И. Кулябко-Корецкий — «авантюрист, был инженером и юристом, вычищен из коллегии защитников»; помощник директора по хозчасти А. О. Неринг до этого работал бухгалтером на кирпичном заводе; главбух Еропкин — бывший дворянин; управделами Кораблева — дочь белогвардейца; литературный редактор Севостьянов — дворянин, дважды арестовывался органами НКВД; Скуфати — судился в Одессе за знахарство; Виноградов заведовал кожевенными мастерскими в системе промкооперации (автор статьи сознательно умалчивал о том, что последний был вынужден взять любую работу после увольнения из ВИЭМ).

Как видим, конкретные обвинения в адрес перечисленных сотрудников отсутствуют, но, оказывается, они и не нужны. Зачем утруждать себя поисками какой-то мнимой вины, если человека можно превратить в обвиняемого лишь на том основании, что по происхождению, воспитанию, образованию он отличается от общей массы? «Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против Советов. Первый вопрос, который вы должны ему предложить,— к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого»,— писала газета «Красный террор» в ноябре 1918 года .По отношению к бывшим дворянам эти «методические рекомендации» оставались в силе и к 1938 году.

Что касается восточных специалистов, то, по мнению Генкина, слово «специалисты» не имело к ним никакого отношения, ибо и Гомбоев, и Жапов, и Догбаев, и Санданов были всего-навсего скототорговцами, высланными при паспортизации за пределы своего района, консультант-тибетолог Куберлинов — бывшим дворником, врач-массажист Гребешков имел образование в объеме сельской школы, а переводчик Церенжадэ уже отсидел пять лет за контрреволюционную агитацию. Образование, полученное в монастырских школах, автор статьи попросту не учитывал, а то обстоятельство, что бывшим ламам нередко приходилось зарабатывать на жизнь самым черным трудом, им же ставил в вину.

«Под сенью созданной врагами народа «клиники восточной медицины» сплелись в единый клубок дворяне и белогвардейцы, ламы и знахари, растратчики и авантюристы. Прикрываясь маской науки, враг творил свои гнусные дела»,— писал

Генкин, умалчивая, впрочем, в чем же именно заключались эти гнусности. Вероятно, у этой сдержанности были свои причины, о которых можно догадываться. Но прежде, чем высказать эти догадки, перенесемся в Бурят-Монголию в 1937 год.

О ЧЕМ РАССКАЗАЛА «БУРЯТ-МОНГОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

Листая подшивку «Бурят-Монгольской правды» за 1937 год, понимаешь, что многолетний запрет на тибетскую медицину был предрешен именно тогда — в июле 37. В нескольких номерах газеты опубликована статья члена бюро бурятского обкома партии Б. Н. Вампилова. Автор, ссылаясь на мнение ученых медиков, в том числе на известного терапевта профессора М. П. Кончаловского, объявлял тибетскую медицину несостоятельной, более того, реакционной, не стесняясь в передергивании фактов. Впрочем, для того времени это был вполне обычный прием. Указывая, что построил свое изложение в виде ответов на основные тезисы статьи Н. Н. Бадмаева (эта небольшая заметка в «Известиях» была опубликована Бадмаевым в 1935 году), он прежде всего стремился опорочить оппонента, называя его родственником «известного политического авантюриста Бадмаева, орудовавшего при царском дворе». С такими людьми не церемонятся, любое их высказывание можно смело объявить по меньшей мере вредным, а то и контрреволюционным. Именно так и поступил автор разоблачительной статьи.

Н. Н. Бадмаев призывает отобрать из тибетской медицины все ценное, отбросив устаревшие и мистические представления,— не стоит обольщаться видимостью критического отношения к явным нелепицам, из которых состоит пресловутая тибетская медицина, это всего лишь ловкий маневр, рассчитанный на то, чтобы дать устоять ей против «победного шествия советской научной медицины». Бадмаев «хочет соединить воедино запас медицинских знаний Востока с новейшим образованием Запада» — эта попытка близка к идеям контрреволюционного националиста Б. Барадина, ратовавшего за «комбинирование и гармонизацию индо-буддийской духовной культуры с европейской наукой».

В укреплении позиций тибетской медицины заинтересованы лишь националисты-панмонголисты, которые идут на всяческие хитрости, чтобы сохранить свое влияние в народе,— настойчиво внушал Вампилов.— Недаром программа Бурнацкульта посвятила целый раздел «рационализации тибетской медицины». Последующие утверждения автора являются столь яркой иллюстрацией того, как белое объявлялось черным, что обойти их молчанием просто нельзя.

Как уже говорилось раньше, сторонники бережного отношения к тибетской медицине, разделения непосредственно религиозной и лечебной практики лам предлагали осуществлять подготовку специалистов не в дацанах, а в светских медицинских школах, чтобы сделать обучение доступным для мирян, в том числе и для женщин. Кроме того, они считали разумным включить в программу этих школ и основы европейской медицины, во избежание шарлатанства разрешить лечебную деятельность только лицам, успешно сдавшим экзамены, установить им зарплату, при медицинских школах и больницах открыть тибетские аптеки и полностью пресечь частную торговлю лекарствами. Все эти разумные предложения трактовались автором статьи как гнусная попытка контрреволюционных националистов, как «показная регламентация», стремление сохранить монополию ламства на медицинскую помощь, превратить лам в государственных служащих, сделать их трудящимися, хотя они, по сути, остаются служителями культа, а значит, тунеядцами.

Особое негодование Вампилова вызвали контакты, сложившиеся у эмчи-лам с учеными, в том числе и с представителями Всесоюзного института экспериментальной медицины. Он гневно обрушивался на П. И. Виноградова и других членов инициативной группы, упрекал их в том, что они пользовались авторитетом института в корыстных целях, являлись прямыми организаторами и вдохновителями ламства в Бурят-Монголии. Дацаны он называл центрами морально-бытового разложения, рассадниками эпидемий, а Виноградова и сотрудничавших с ним эмчи-лам обвинял в пьянстве, разврате, нечистоплотности, шарлатанстве.

В качестве последнего козыря Вампилов выдвинул обвинение политического характера: эмчи-ламы занимаются шпионажем в пользу Японии. Этот тезис получил дальнейшее развитие в статье А. Кочетова «Ламы — агенты японской разведки».

В ней, в частности, утверждалось, что ламская диверсионная группа готовила взрывы мостов, сообщалось об аресте тункинского ламы Томиргонова (того самого, что был помощником Виноградова в Забайкальской экспедиции и сотрудничал в Ленинграде с Н. Н. Бадмаевым), который безуспешно пытался укрыться в Ленинграде. Содержались в статье и недвусмысленные намеки на неблагонадежность самого Н. Н. Бадмаева.

Кровавая машина репрессий набирала обороты. Аресты приняли массовый характер. «Бурят-Монгольская правда» почти в каждом номере публиковала новые разоблачения. Один за другим закрывались дацаны. Предметы культа, религиозную и медицинскую литературу безжалостно уничтожали. Практически все специалисты по тибетской медицине были репрессированы как представители контрреволюционного духовенства. В сентябре 1937 года несмотря на преклонный возраст арестовали Агвана Доржиева, который вскоре умер в заключении... А через несколько месяцев арестовали и тех, кто еще недавно так старательно выявлял «вредителей». Их обвинили в том, что они «путем репрессий хотели перебить наши большевистские кадры, посеять недоверие и излишнюю подозрительность»,— так писала «Бурят-Монгольская правда». Круг замкнулся.

А теперь вернемся опять к делу Бадмаева, ибо некоторые его обстоятельства заставляют задаваться вопросами, на которые у меня пока нет ответа.

Арестовали его 20 апреля 1938 года, а приговор согласно справке Военной коллегии Верховного суда СССР вынесли лишь 26 февраля 1939 года, т. е. спустя два с половиной месяца после того как на посту наркома внутренних дел Ежова сменил Берия. В это время исполнение ранее вынесенных смертных приговоров было временно прекращено, начались частичные реабилитации тех, кто не подписал признание в предъявленных ему обвинениях. Значит, либо Бадмаев был вынужден признаться в мнимых преступлениях, либо его опасались как слишком осведомленного человека и потому ликвидировали.

Вторую версию исключить нельзя. Вспомним, что политические обвинения в его адрес высказывались неоднократно и на заседаниях Ученого Медицинского Совета Наркомздрава в 1936—1937 годах, и в печати — в те времена этого было вполне достаточно, чтобы объявить человека врагом народа. Тем не менее до апреля 1938 года официальное обвинение Бадмаеву предъявлено не было. Бадмаев лечил Горького. Однако в сфабрикованном деле о медицинском убийстве писателя он не фигурирует ни как обвиняемый, ни как свидетель, ни как эксперт. Судебный процесс по делу «право-троцкистского блока» начался 2 и закончился 13 марта 1938 года — Бадмаев в это время еще был на свободе, но был ли он действительно свободен в своих действиях?

Слушая показания обвиняемых, возводивших на себя чудовищную напраслину, сидевшие в зале суда не могли избавиться от ощущения, что перед ними не люди, а послушные марионетки. Так, например, присутствовавший на суде И. Эренбург считал, что обвиняемые находятся под действием каких-то медицинских препаратов. Некоторые полагали, что следователи применяли гипноз и внушение. У А. И. Солженицына в романе «Архипелаг Гулаг» читаем: «Писали о тибетском зелье, лишающем воли, о применении гипноза. Всего этого объяснения никак не стоит отвергать: если средства такие были в руках НКВД, то не понятно, какие моральные нормы могли бы помешать прибегнуть к ним? Отчего же бы не ослабить и не затмить волю? А известно, что в 20-ые годы крупные гипнотизеры прерывали гастрольную деятельность и переходили служить в ГПУ. Достоверно известно, что в 30-ые годы при НКВД существовала школа гипнотизеров. Жена Каменева получила свидание с мужем перед самым процессом и нашла его заторможенным, не самим собою».

«Зомби» — так называли в африканских племенах людей, психика которых жестко программировалась с помощью наркотиков и специальных психических воздействий. Зомби по приказу вождя мог убить кого угодно, включая своих детей, родителей, самого себя. В наше время этот термин приобрел широкую известность, он фигурирует даже в названии фильма, а о методах психического программирования можно прочитать в научно-популярной литературе, услышать по радио или телевидению и даже испытать на себе — на сеансах различных экстра-

сенсов и целителей. Так разве не могли быть «зомби» и в числе жертв, и в числе палачей?

О деградации морально-нравственного уровня представителей самой гуманной профессии наглядно свидетельствуют подписи известных врачей под фальсифицированными заключениями о смерти С. Орджоникидзе, о мнимых медицинских убийствах Горького и его сына, Менжинского, Куйбышева. Так почему нельзя предположить, что и Н. Н. Бадмаеву разрешили открыть клинику в надежде втянуть в какие-то политические дела, а потом устранили, как устраняли многих, кто знал слишком много.

Зловещие тайны окутывают 30-е годы с их массовыми репрессиями, «открытыми» процессами, неподдельным энтузиазмом и восторженным преклонением перед вождем, искренней верой в светлые идеалы и участием в страшных злодеяниях перед собственным народом. Будут ли они разгаданы?

ПОСТСКРИПТУМ

Итак, краткий рассказ о разгроме тибетской медицины в нашей стране в 1937—1938 годах закончен. Но прежде, чем поставить точку, мне хотелось бы сказать еще несколько слов.

Не стоит обвинять во всем ученых, хотя некоторые из них действительно приложили руку к тому, чтобы заклеймить тибетскую медицину как сплетение архаических суеверий и знахарства. Борьба мнений в науке естественна. Оппоненты стимулируют ученого к поиску более убедительных аргументов, заставляют его снова и снова проверять и перепроверять свои выводы. Но это утверждение справедливо лишь для демократического общества. В тоталитарном же государстве процветает стремление объяснить действительность с позиций лишь одной научной (или антинаучной, как это хорошо видно на примере «лысенковщины») концепции. Говорить о поиске истины в подобных условиях бесполезно, ибо дискуссия подменяется борьбой «за идейную чистоту» и «партийную линию» в науке.

Многое еще нам надо узнать и осмыслить. Каждая крупица правды — большая ценность. И если кто-либо из читателей захочет дополнить этот очерк новыми именами, фактами, документами, свидетельствами очевидцев, я буду весьма им признательна.

Примечания:

[1] ЦГА РСФСР. Ф. 482, оп. 25. Дело 1150, л. 39.
[2] ЦГА НТД г. Ленинграда. Ф. 182, оп. 1-1. Дело 520, л.л. 12—19.
[3] Указ. источник л.л. 8, 9.
[4] ЦГА РСФСР. Ф. 482. Оп. 25. Дело 1142.
[5] Указ. источник. Дело 1150. л.л. 29, 30.
[6] Там же. л. 35.
[7] Там же, л. 2,2 (об).
[8] Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР. Ф. 152. Оп. 3. Дело 138.
[9] Архив АН СССР. Ф. 725. Оп. 1. Дело 25.

ВЕРА В СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Проза писателей Бурятии последних лет довольно разнообразна. Однако и среди этого разнообразия заметно выделяются повести и рассказы Сергея Бухаева.

Недавно в Бурятском книжном издательстве вышла его новая книга «Из синевы и зеленей». Но прежде чем говорить о ней, несколько слов о его творчестве вообще.

С Сергеем Бухаевым я знаком довольно близко. Мы вместе работаем, общаемся почти ежедневно, и его активная жизненная позиция, взгляды на место литературы и журналистики в жизни общества мне близки и понятны.

Впрочем, знакомство наше состоялось значительно раньше, когда в начале 80-х годов подвернулась мне под руки книга «Мгновений поступью», с критическими статьями разных авторов, посвященных развитию творческих процессов в бурятской советской литературе. В статье «Развивая лучшие традиции» доктор филологических наук, профессор В. Найдаков писал:

«Сергей Бухаев-рассказчик был открытием восьмой республиканской конференции молодых писателей. Довольно известный к тому времени журналист, автор ряда замеченных всеми очерков о тружениках села, он представил тогда на обсуждение большое количество произведений, получивших единодушное одобрение на секции прозы... Сборник «Самая сладкая музыка» (Бургиз, 1978 г.) самой структурой своей даст довольно четкое представление о том, с чего начинал и в каком направлении развивался молодой писатель... Достоинством произведений С. Бухаева являются живописность и достоверность в изображении картин природы, облика людей, психологизм. При этом точность в изображении чувств, душевных переживаний героев достигается не за счет многословного пересказа, а через показ конкретных действий, скоротечных, но сильных чувств и переживаний, оставляющих незгладимый след в душе человека...

У Сергея Бухаева хорошо развито драгоценное для художника чувство меры, которое позволяет точно найти, может быть, единственные пропорции, выражающие гармонию общего и частного, большого и малого, общественного и личного как неделимых, порою противоречивых, но неизменно и строго необходимых качеств огромного, многоликого, бесконечного мира, в котором мы все обретаемся. Благодаря этому, в его произведениях громко и отчетливо звучат нравственные, социально-этические вопросы, находящие не однозначное, но вполне определенное и художественно-убедительное решение, будь то отношения человека и природы, взрослых и детей, тружеников и хапуг. В результате и образы людей, как правило, хороших, добрых (у С. Бухаева мало так называемых «отрицательных» типов), выходят из-под его пера не только пластически завершенными, но и психологически убедительными в своей нравственной чистоте и силе человечности...»

А вот еще одна цитата из книги уже другого доктора филологических наук, профессора М. Хамаганова «Духовный мир, нравственный облик героя» (Бургиз, 1983 г.), где рецензент, рассматривая повесть «Ульянкино солнце», пишет:

«Как писатель Сергей Бухаев с суровой беспощадностью рисует образы Рыжакова и Балыка, занимающихся хищением колхозно-кооперативной собственности. Это говорит о том, что С. Бухаев не утаивает отдельные негативные явления, еще встречающиеся в нашей действительности. Сергей Бухаев — честный молодой писатель... Анализируемая повесть отличается ясностью идеи, стройностью и законченностью композиции, жизненностью и увлекательностью сюжета, художественно выпуклым изображением характеров... события и образы в ней изображены языком художественно выразительным, музыкально-звучным, мягким, полным обаяния...»

О творчестве Сергея Бухаева писал в своей книге «Родом из детства» и доцент Восточно-Сибирского института культуры, кандидат филологических наук Н. Хосомоев, в которой он оценивает творчество нашего земляка как «яркое явление в бурятской советской литературе последних лет».

Заметьте, все эти высказывания маститых критиков-литературоведов сделаны после выхода, по-существу, первой книги тогда еще действительно молодого писателя. Правда, до этого рассказы Сергея Бухаева печатались в коллективных сборниках «Чистое небо Забайкалья» и «Радуга в степи», на страницах журналов «Байкал», «Дальний Восток», «Сибирские огни» и также доброжелательно встречались читателями и литературной общественностью.

Словом, уже первой книгой прозы «Самая сладкая музыка» Сергей Бухаев

заявил о себе достаточно громко и уверенно. Стало ясно, что в бурятскую советскую литературу пришел писатель даровитый, серьезный, многообещающий. А если учесть, что Сергей Бухаев — бурят по национальности — писатель русскоязычный, то есть пишущий на русском языке, то это и в самом деле стало незаурядным явлением.

После выхода первой книги, сопровожденной более чем лестными отзывами, можно было ожидать, что теперь книги Сергея Бухаева пойдут «в народ» одна за другой.

Однако вторую книгу Сергея Бухаева — сборник повестей и рассказов «Из синевы и зелени» — читателям пришлось ждать ровно двенадцать лет. В этом нет вины самого писателя или книжного издательства. В период властвования командно-административной бюрократической системы, когда литературой и искусством командовали некомпетентные, невежественные люди, когда всех нас пытались причесать и причесывали под одну гребенку, «командирам» от искусства не могла нравиться активная жизненная позиция писателя. Обозреваемая мною книга должна была увидеть свет еще в 1986 году. Но беда писателя и Бургиза в том, что Бургиз — единственное из 72 книжных издательств России, тематический план которого — к стыду нашему — до сих пор утверждается идеологическим отделом обкома партии. В обкоме же до самого последнего времени идеологический отдел возглавлял человек, который, по собственному его признанию, органически не переносил Сергея Бухаева как человека ищущего, неугомонного и неукротимого, не поддающегося всеобщему гребешку. Благодаря демократизации общества, гласности, человека этого теперь нет в обкоме партии, и благодаря именно этому обстоятельству мы наконец-то получили возможность вновь встретиться с писателем на страницах его новой книги.

Впрочем, уж вовсе новыми вошедшие в книгу произведения не назовешь. Например, повесть «Из синевы и зелени», давшая название всей книге, написана автором довольно давно. Познакомившись с повестью сейчас, понимаешь, что в те времена она и в самом деле попросту не могла увидеть свет хотя бы только из-за темы, которая положена в основу произведения.

Тема эта — моральное и нравственное перерождение человека, время становления которого как личности приходится на период последнего, послевоенного рецидива культа личности.

Однако сейчас я хочу обратить внимание отнюдь не на это обстоятельство. Хочу обратить внимание на то, что повесть создана писателем в то время, когда ему самому было только 25 лет. Произведения же, включенные в первую книгу писателя «Самая сладкая музыка», написаны им значительно позже. И вот сейчас, вчитываясь в повесть, проникаясь обаянием положительных героев молодого писателя — тогда, разумеется, молодого — видишь, что уже в то время он состоялся как словесник, как стилист, тонко чувствующий и умеющий распорядиться силой, красотой и выразительностью русского языка.

«День над селом поднялся по-настоящему июньский, летний. Кое-где между отрогами гор, спускающихся к реке, еще бродили остатки утренней испарины, еще наддавало от воды свежаком, но уже высоко воспарило солнце, и казалось, что все дома и домишки Долгой Тетки как можно шире распахнули свои окна навстречу его лучезарному теплу и доброте. Таежная земля еще не просохла и не отторгала от себя уличную пыль...»

Всего лишь один абзац, всего лишь несколько строчек, а лето, утренняя деревенская улица, таежная земля в этой утренней испарине вживе так и предстают перед тобой. Выразительность этой картины, начертанной вроде бы скуповатой, на первый взгляд, рукой, впечатляет и покоряет.

Или вот еще:

«Председатель сидел на фоне довольно широкого окна, но все равно создавалось впечатление, что это не он сидит, а его портрет вдруг вылез из рамки, так и не вместившись в ее проем. Мощная голова, на которой пучком пожухлой травы торчит несерьезный клочочек непричесанных волос. Лохматые, словно ободранные бровки кустятся над маленькими заплывшими глазками. В мясистых щеках, спадающих на ворот парусиновой рубахи, прячутся бесформенный неприметительный нос и неправдоподобно маленький роток. Потому-то, видно, и голосок у председателя уж больно незавидный, вовсе не командирский...»

Вполне живописный портрет вроде бы не очень симпатичного человека. Но тут же:

«Зелеными озерками посреди бурой по осени лиственничной тайги распахнулись навстречу Булыгину председателевы глаза — не такие уж и маленькие, оказалось, на поверку. И деланная строгость в них, соответствующая моменту, и ожидание, и обыкновенное человеческое любопытство, почти детское, навсегда сохраняющееся в людях, постоянно живущих далеко от центров — в тайге ли, в степи ли, в тундре или в горах...»

Всего лишь два мазка, но более чем убедительных.

«Когда погасили свечу и легли, Арина никак не могла заснуть, слушала, как ворочается он в постели. Потом услышала, как он поднялся с деревянной кровати, остановился, смутно белея в темноте большим, крепким и еще молодым телом. Потом увидела... нет, не увидела, а почувствовала его возле своей постели, его нерозное дыхание. Невесомо вскинулась с подушки и жадно-жадно, всем жарким-жарким телом привльнула к нему, обхватила, обняла горячими ищущими руками, нашла горячими губами его тоже горячие и сильные губы. А потом и плакала и смеялась облегчающими душу, счастливыми плачем и смехом.

— И пошто же так-то, а?— спрашивала она захлебывающимся голосом.— Были же у меня мужики! Молодые были, прости ты меня, окаянную...

— Больше у тебя никаких мужиков не будет, Аринушка, никаких! Ни молодых, ни старых, поняла?— прерывисто говорил он, целуя Аринины брови, шелковистые волосы, пахнущие детьми, молоком, сеном и травами. К горлу подступил комок, сдавливал дыхание и слова.— Один у тебя буду. Примешь?

— От дурень. Дурень ты у меня, Андрей Петрович. Да я, может, такого, как ты, всю мою жизнь непутевую ждала!— все еще со слезою в голосе шептала Арина.— Нет, я теперь за тобой, ну, хоть в огонь и в воду, сердечный ты мой. Ох, и прилипчивая же я, Андрей, даже не знаю, какая прилипчивая. Не отлипну теперь от тебя ни в жизнь. Мой ты, мой,— почти в бреду горячечно бормотала и бормотала Арина, льнула к нему, большому и сильному, отзывчивым на каждое его движение, послушным телом.— Никому не отдам!— заклинала она.— Никому, ни за что не отдам!

— Усни, усни, моя славная,— уговаривал Булыгин, все еще вздрагивая от только что пережитого потрясения и нежности...»

Стиль Сергея Бухаева полон своеобразия, динамичен и энергичен, перепутать его с кем-то другим довольно, пожалуй, сложно. Во всяком случае, сложнее, нежели не перепутать.

По воспоминаниям известного пианиста Гольденвейзера, большого друга Толстого, Лев Николаевич не однажды заговаривал с ним о том, что в художественной литературе со временем... то есть художественной литературы как таковой со временем не станет, что на смену ей придут просто-напросто рассказы бывалых людей, ибо жизнь со всеми ее коллизиями преподносит столько драматического материала, что фантазировать, придумывать сюжет и фабулу, мучиться над композиционным построением будущего произведения вовсе не понадобится. Если предсказание великого графа в жизни и литературе оправдается, то подозреваю, что Сергей Бухаев станет одним из первых, может быть, в произведениях которых сюжеты совершенно не надуманны, незамысловаты и словно взяты из сегодняшнего нашего бытия.

Вся фабула повести «Из синевы и зеленей» раскручивается вокруг взаимоотношений Андрея Булыгина и Петра Болотова, Булыгина и Василисы, Болотова и Василисы, деда Лукьяна Арефьева — таежного чудака-фанатика, занявшегося и в итоге выведшего принципиально новый морозоустойчивый и высокоурожайный сорт пшеницы. Честный, открытый, непосредственный во всех отношениях молодой агроном-селекционер Андрей Булыгин искренне радуется этому обстоятельству не менее, чем радуется ярко и горячо вспыхнувшему чувству любви к таежной красавице Василисе. Но в нее же влюбляется и друг детства, тоже агроном-селекционер Петька Болотов — человек по природным задаткам недалекий, корыстолюбивый и коварный. Два куля семян необыкновенной пшеницы, выделенные Лукьяном Арефьевым для размножения, стали тем оселком, на котором и проверяется суть человеческой натуры, подхода к решению жизненных проблем.

Петр Болотов украл и припрятал это зерно. А виновным оказался в итоге Андрей Булыгин, его привлекают к ответственности. Тем самым Болотов убивает сразу двух зайцев: становится обладателем драгоценных семян, которые вынесли его впоследствии на высокую орбиту науки семеноводческой, и устраняет опасного соперника по любовной, как говорится, линии, ибо и он тоже, оказывается, глубоко и, на первый взгляд, бесповоротно влюблен в таежницу Василису. Болотов затем преуспевает в науке, а Булыгин пребывает в местах не столь отдаленных.

Вот этим, собственно, и исчерпывается вся сюжетная канва обозреваемой повести. Можно бы «выдать» Василису замуж за Болотова, чтобы создать еще большую сюжетную остроту и напряженность. Однако Бухаев не делает этого, по его признанию, вполне осознанно, «чтобы не отклониться от правды жизни и чтобы не замутить искусственными осложнениями светлый-светлый образ Василисы».

Именно приверженность правде жизни характерна для всех произведений Сергея Бухаева, включенных им в сборник прозы «Из синевы и зеленей», как и для всего его творчества. В полном соответствии с правдой жизни Болотов в итоге терпит моральный, нравственный и физический крах, а Булыгин — наоборот — крепко и прочно остается в жизни, обретает новую любовь и счастье, подтверждая тем самым торжество веры в справедливость.

Можно много и долго говорить о замечательных образах Арины и Василисы, Булыгина, Семенова и Демьянова, созданных писателем. Чтобы не быть многословным, попросту присоединюсь к мнению профессора В. Найдакова, который говорит о том, что Сергей Бухаев наделен особым даром создания и отображения положительных героев, пользуясь при этом не одной, а полным набором художнических приемов и средств.

Сергей Бухаев не любит философствовать, но он умеет создать второй, как бы задний фон, глубоко потаенный подтекст, из которого его философские раздумья и выводы обозначаются довольно-таки отчетливо и выпукло. Даже в самом названии повести — «Из синевы и зеленей» — сокрыта явственная философская мысль: синева — это небо, а зеленя — земля, и все, что творится между синевой и зеленями — это наша с вами жизнь.

Сергей Бухаев стремится к тому, чтобы люди его — именно его глазами увидели мир, и ему это удается. Мир в отображении Бухаева широк, многогранен, произведе-

ния писателя населены людьми самых разных возрастов, специальностей, характеров, привычек и вкусов. Если в повести «Из синевы и зеленей» живут, трудятся, любят и мучаются, радуются и страдают люди научного мира и тайги, в повести «Чужой» — воины и геологи, так или иначе связанные с тайгой, то в повести «Портрет Танкнуля возле белого оленя» выдвигаются на первый план художник-живописец и снова люди тайги — эвенки, аборигены северного Прибайкалья. Снова и снова мы убеждаемся в том, что Сергей Бухаев предстает перед нами знатоком таежного быта, таежного люда.

В последнее время в прессе все настойчивей выносится мысль об эвенках как о народности деградирующей и чуть ли не вымирающей. Писатель не опровергает наметившуюся тенденцию, но посмотрите, с какой симпатией и любовью, с какой сердечной тревогой он преподносит нам обаятельнейшие образы Танкнуля и Марьи, Людмилки и Ларисси!

Проза Сергея Бухаева, и это читатель сразу обнаружит, по-настоящему публицистична.

— «Про БАМ хочу сказать, про бамовцев,— заговорил Танкнуль.— Рассказывал я тебе, как с вертолетов изюбров били? Ага, выходит, рассказывал. Спаленные зимовье на Белой ты сам видел. Так на той же Белой, пониже того места, где вы с Людмилкой были, построили бамовцы мост через реку. Небольшенький мостик-то — об две всего опоры. Можно было поставить всего на одну опору, но чтоб стояла она посередь реки, а пролеты на берега вынести. Так нет, подорвали берега, чтоб поставить обязательно на две опоры. Теперь река пониже вовсе белая стала. Раньше в нее таймень на нерест заходил, а теперь и ленок не заходит. Ай, что рыба — зверь уходит из промысловых мест. Зверь!

— Деда Танкнуль! Ну, вы, конечно, знаете, что жизнь у нас сейчас на крутом переломе,— впервые за весь вечер заговорил Марис.— Перестройка кругом идет. Не может быть того, чтобы она не коснулась и вашей жизни.

— Перестройка...— пробурчал Танкнуль.— Слушаю я вот эту коробочку.— показал он на транзистор.— Разные люди говорят, много говорят. Но мне сдается, что шум-то только поверху, паря, идет, как ветер по кондовой тайге, низу он не достигает. Тут в районе, говорят, агропром создали, новые совхозы. Дело, что там говорить, хорошее. Хоть и в тайге живу, а про жизнь районную тоже маленько знаю. Так чо наверху-то опять удумали? Начальником-то агропрома, говорят, семейского мужика назначили. Слыхал про семейских-то, нет? Ну, из староверов они. Ведь они все землепашцы хорошие, а в рыбном да пернатьем, в охотничьем деле чо он соображает-то?.. Леса под пашни вырубать начали. Да тут, паря, не столько про зверя да про нашего брата-охотника надо помнить, сколько про сам Байкал-батюшку. А ведь указы да постановления есть про него... Вот тебе, паря, и перестройка!..»

И, наконец, совсем коротко о рассказах Сергея Бухаева.

В сборник «Из синевы и зеленей» включены три рассказа. Если вспомнить, что Сергей Бухаев начинал как рассказчик и был принят и признан читателями и литературной общественностью как рассказчик, то говорить лишний раз о законченности и художественных достоинствах писателя не приходится. Взыскательные литературоведы, возможно, обнаружат в них какие-то недостатки или промахи, я же браться за это не хочу. А хочу всего лишь закончить разговор о новой книге С. Бухаева выдержкой из небольшой новеллы «Ая-ганга».

«Душа Белигто расцвела зелененьким цветочком на тоненьком стебельке ая-ганги — голубой степной травы. Нет, светел все-таки мир, и светлых людей в нем много». В них — в этих вот вроде бы непритязательных строчках — взгляд писателя на людей и жизнь, его жизненная позиция, философская концепция всего его творчества, которое, уверен, еще не единожды порадует нас своими откровениями и открытиями.

Владимир КРАЙНЕВ.

СЧАСТЛИВЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

Гомбожаб Цыбиков. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1990 г.

Мы не особенно балуем своих земляков увлекательными рассказами о наших ученых, предтечах, всего за последние годы вышли только книжки Л. А. Петрова «Доржи Банзаров» (Иркутск, 1975.), Е. М. Залкинда и П. Т. Хаптаева «М. Н. Хангалов» (Улан-Удэ, 1983.), чем, пожалуй, и исчерпывается скромный список деятелей науки Бурятии, удостоившихся внимания издателей. Потому и радостно, что появилась новая работа и Александра Кондратова об ученом с мировой известностью.

Книга «Гомбожаб Цыбиков» открывается эпиграфом — словами великого русского путешественника, географа, исследователя Центральной Азии Николая Михайловича Пржевальского: «Итак, нам не удалось дойти до Лхасы... Невыносимо тяжело было мириться с подобной мыслью в то время, когда все трудности далекого пути счастливо побеждены, а вероятность достижения цели превратилась уже в уверенность успеха... Теперь, когда всего дальше удалось проникнуть в глубь Центральной Азии, мы должны были вернуться, не дойдя 250 верст до столицы Тибета...

Пусть другой, более счастливый путешественник докончит недоконченное мною в Азии».

Предисловие к книге Ж. Доржиева и А. Кондратова написано Н. В. Кочешковым, доктором исторических наук, ведущим научным сотрудником Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Академии наук СССР. Касаясь только что приведенных фраз Пржевальского, он замечает, что таким более счастливым путешественником оказался Г. Ц. Цыбиков — «он не просто проник в запретные святыни буддистов, но и самым тщательным образом исследовал жизнь и быт тибетцев, основы их мировоззрения, систему их религии, ознакомился с фундаментальными рукописными трудами выдающихся теологов-философов...» И далее... «Если спросить, кем был более всего профессор Цыбиков как специалист-монголовед и тибетолог, то правильнее всего было бы, вероятно, ответить, что он был подлинным энциклопедистом. Он сумел оставить о себе память и как прекрасный лингвист, и как замечательный этнограф, и как смелый, на редкость удачливый путешественник, и как эрудированный историк...»

Авторы книги страница за страницей раскрывают нелегкий жизненный путь бурятского ученого. В разделе «Родом из Аги» они знакомят читателя с его родиной — Агинской степью Забайкалья, оговариваясь, что здесь название «степь» условное, ибо это понятие обычно ассоциируется с равниной. В Аге же степь горная, тут и реки, и долины, и сосновые леса, и березовые перелески, и живописные озера, а «с запада на нее надвигается Даурский хребет с возвышающимися на нем вершинами», одна из которых в Алханайском массиве достигает 1664 метров над уровнем моря...

Такое описание «малой» родины человека, ставшего вровень с замечательными деятелями отечественной науки, вполне мотивировано темой работы. Оно дается авторами сравнительно широко, что объясняет нам многое — природу, обстановку, среду, влияющие на развитие личности будущего ученого, его миропонимание, становление характера, восприятие явлений действительности.

Естественен следующий шаг авторов — показ условий жизни людей, особенностей их трудовой деятельности. Жители агинских степей занимались в основном животноводством, а также подсобными промыслами — охотой и т. д. «Вся жизнь скотоводов, — читаем в книге, — протекала под открытым небом в тесном общении с природой. И в летний зной и в зимнюю стужу, при морозах под 40—50° они жили в легких переносных юртах из войлока. В таких экстремальных условиях рождались и вырастали крепкие, мужественные люди, уделом которых была повседневная суровая жизнь».

Авторы используют и опираются в работе на различные источники научного и литературного характера, в их числе — на главный труд Г. Ц. Цыбикова «Буддист-паломник у святынь Тибета», изданный Русским Географическим обществом в Петрограде, в 1919 году. В нем имеется неоценимый для исследователя материал — «Автобиографическая заметка» путешественника. Разумеется, к нему в первую очередь обращаются Ж. Доржиев и А. Кондратов. Приводится выдержка из данного документального текста: «Я, Гонбочжаб Цэбекович Цыбиков, родился в местности Урдо-Ага, Забайкальской области Читинского уезда в апреле 1873 года. Отец мой, бурят кубдутского рода бывшей Агинской степной думы (ныне Агинской инородческой волости), Цэбек Монтуев, в годы юности хотел посвятить себя в духовное звание, но был удержан от этого своими родителями — ярыми шаманистами. Несмотря на это, он научился самоучкой монгольской и тибетской письменностям, что позволило ему впоследствии быть избираемым в некоторые общественные должности...»

Авторы тут же отмечают двоякое написание имени ученого (Гонбочжаб и Гомбожаб), отражающее тибетско-старомонгольское произношение через «н» и «чж», а второе — бурятское.

В книге рисуются детские годы Гомбожаба. Яркие этнографические детали чередуются со строгими научными дан-

ными и воспроизведением образа жизни степняков. «Семья Монтуева, как и принято у скотоводов, — пишут авторы, — вела кочевой образ жизни. Погрузив юрту и небогатые пожитки на деревянную телегу, перевозила со стадом в лесное урочище Хойто-Агу, а весной перебиралась в места с более богатой тебеневкой. На лето возвращались в Урдо-Агу. Жизнь степняка — это сплошные кочевки-переезды, чтобы накормить и сохранить животных. Гомбожабу такая жизнь очень нравилась, она закаляла его, обогащала впечатлениями. И не было большего восторга, чем побегать по песчаным берегам Аги или полюбоваться вечерними переливами озера Билигирэй Сагаи-нур, в долине Урдо-Аги...»

С малых лет Цыбиков учился видеть природу и как бы анализировать ее явления, что имело для него несомненное значение в будущем.

Народные празднества, спортивные состязания, молодежные игры и хороводы, песни, [illegible] земляков — все это до глубины души трогало восприимчивую натуру Гомбожаба. В Аге находился буддийский храмдацан, среди лам было немало тибетцев и монголов — они рассказывали не только о разных чудесах на свете, живых богах и таинствах, но и о земных делах — о разных странах, врачевателях, обычаях и нравах своих народов, вызывая пытливый интерес слушателей. Среди них нередко оказывался и Гомбожаб.

Не последнее место в воспитании будущего ученого занимали родители, — они учили его труду, придерживаясь правила «если работать любишь — человеком будешь»; наставляли добру, житейской мудрости; отец не жалел времени, чтобы позаниматься с сыном монгольской и тибетской грамотами.

Читатель подводится к мысли о том, как на окраине страны, в глухой степи стало возможным появление блистательного и многогранного таланта. В книге с душевной теплотой рассказывается, как в народе и в семье Монтуевых поддерживали и взращивали этот талант. Отец Гомбожаба изображен человеком твердого нрава, прогрессивного настроя. Несмотря на навязчивые предложения и советы лам отдать сына в дацан для обучения священным писаниям, Цэбэк Монтуев внутренне не принимал их и категорически не соглашался со служителями культа (понятно, для этого нужно было иметь свое мнение и смелость). Он решил учить сына русской грамоте и в 1880 году отвез его в Агинское приходское училище, где преподавались русский и монгольский языки. Гомбожаб стал в нем одним из лучших учеников.

В училище работал, к счастью детей, удивительный человек — Буда Рабданович Рабданов, местный учитель-просветитель с гимназическим образованием, путешествовавший в свое время по Монголии и Китаю в качестве переводчика с экспедицией Г. Н. Потанина, побывавший в Париже, Пекине, Петербурге (в Париже он читал лекции в музее «Гиле» об обычаях и нравах монголов, бурят и их религиях), занимался собиранием произведений народной поэзии. Рабданов оказал большое влияние на Гомбожаба, он настойчиво советовал ему поступить в гимназию, а затем продолжить учебу в университете.

В книге говорится о пребывании Цыбикова в Читинской гимназии — ему повезло: агинцы жертвовали на ее строительство крупные денежные средства и потому могли от них поступить сюда на учебу четыре человека. Гомбожаб, способный и прилежный, проявил блестящие знания и закончил гимназию с серебряной медалью.

В книге приводятся все более и более интересные факты. Например, говорится о том, какую роль в жизни Цыбикова сыграл П. А. Бадмаев, образованный бурят, востоковед, публицист, знаток тибетской медицины, кстати, лечащий врач императорской семьи. Встречаемся в книге и с такими людьми, как калмык База-бакшин, написавший работу «Сказание о хождении в Тибетскую страну»; забайкальский бурят Агван Доржиев, ставший советником Далай-ламы XIII, министром финансов Тибета, представителем этого государства в Санкт-Петербурге; Лыксык Жабэ, известный врач и организатор здравоохранения в бурятских степях... Все они так или иначе помогали Цыбикову в его делах, способствовали в выполнении непростой миссии.

Гомбожаб Цэбекович учится на медицинском факультете Томского университета, затем — в школе переводчиков, открытой в столице Монголии — Урге на средства Бадмаевых, изучает монгольский, китайский, тибетский и маньчжурский языки; позже приезжает в Петербург и занимается в школе того же П. А. Бадмаева. Цыбиков поступает и в 1899 году с золотой медалью заканчивает китайско-монгольско-маньчжурское отделение факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Характерно, что он учился здесь на средства, добровольно вносимые в его пользу земляками-агинцами.

Ни один год его учебы не прошел даром — Гомбожаб Цэбекович получает разносторонние и глубокие знания, основательно овладевает не только родным бурятским, но и русским, монгольским, тибетским, французским языками, латынью, неплохо знал он и некоторые другие языки народов сопредельных стран.

Говоря о студенческих годах Цыбикова, авторы книги представляют нам его учителей — известных русских востоковедов С. Ф. Ольденбурга, А. М. Позднеева, О. М. Ковалевского и других, посвящая им слова глубокого уважения. Еще находясь в стенах университета Г. Цыбиков публикует солидную книгу «Подати и повинности» (Материалы Комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области, вып. 15, СПб, 1898) и в том же

году — пособие для студентов факультета восточных языков университета под заголовком «Монгольские официальные бумаги». Перед нами возникает облик серьезного и вполне зрелого исследователя.

Как Гомбожаб Цыбиков стал путешественником? Откуда зародилась дерзкая мысль отправиться в неведомую, закрытую для европейцев страну, именуемую «Крышей мира»? Осуществима ли она? Ведь это не шуточное дело — выдержит ли здоровье, хватит ли знаний, терпения, мужества, умения? Выяснению подобных вопросов посвящен в книге специальный раздел. Случилось так, что студент Цыбиков показал своему учителю профессору Алексею Матвеевичу Позднееву, монголоведу, филологу, исследователю народной поэзии бурят и монголов рукопись одного ламы о путешествии в Тибет и Непал. Позднеев прочитал ее и решил поговорить: хорошо зная Гомбожаба, ценя его способности и, взвесив положение со всех сторон, посоветовал ему самому по окончании университета поехать в Тибет... Просто и без мудрствования возникла идея, прекрасная и светлая, о путешествии под видом буддиста-паломника. Доброе слово окрыляет. Безусловно, Гомбожаб Цэбекович должен был хорошо знать буддийские священные писания, установления и правила богослужения, образ жизни ламы, соблюдать во время путешествия манеру его поведения.

Книга «Гомбожаб Цыбиков» убеждает нас в том, какую роль в жизни человека играет решимость в своих действиях, искусство без сомнений и страха смотреть на трудности. Ученый выведен не только целеустремленным, но и мудрым в том смысле, что он реально оценивает свои силы, прямо и спокойно смотрит на сложные, казалось бы непреодолимые вещи, не преувеличивает, но и не преуменьшает их.

Авторы искусно восстанавливают период того времени, когда жил и работал Цыбиков, его эпоху. Тогда, в конце XIX и начале XX вв. в распоряжении Гомбожаба Цебековича были лошади, верблюды, яки... Предстоял путь тяжелый, утомительный, опасный. В книге объясняется: «Прежде всего, уже сам по себе путь был настолько далек и труден, что его исходом могла быть смерть в дороге. Недаром паломники, собираясь в Лхасу, заранее приготавливали себя к такой печальной участи, говоря «где бы ни умереть — все равно!» Но пути предстояло пересечь страшную пустыню Гоби и не менее бесплодные Алашаньские пески...» Под эпитетами, характеризующими дорогу к Лхасе понимаются, конечно, и недостаток питьевой воды, и изнуряющая человека жара, и наличие тьмы всевозможных насекомых... К тому же, словно голодные волки, рыскали в тех местах разные бандиты, разбойники, — они подкарауливали путешественников, безнаказанно грабили и убивали их.

— Но самые большие трудности, и природные, и человеческие, начинались уже в самом Тибете, — продолжают авторы. — Чтобы добраться до Лхасы, предстояло преодолеть большое число высокогорных перевалов, пересечь вброд бурные горные реки, при переходе через которые погибло немало людей. Да и разоблачение высоты, перемена атмосферного давления очень вредно сказывались на жителей степей... Тибет стерегло население «Крыши мира», ибо каждый сельский старости своей головой отвечал за иностранца, пройди тот незамеченным через вверенную ему территорию...

В книге называются паломники, ученые из разных стран, пытавшиеся проникнуть в столицу Тибета и поплатившиеся за это своей жизнью. Делается заключение: «Подобная участь могла ждать и Цыбикова в случае разоблачения его мнимого паломничества...» Но трудное не есть невозможное, — гласит поговорка. Цыбиков знал: едешь в путь — осторожен будь!

Профессор А. М. Позднеев, как писал Гомбожаб Цебекович в предисловии к «Буддисту»... не забыл свой дельный совет, — в дальнейшем принял все меры к осуществлению путешествия, рекомендовал его Совету Русского Географического общества, который выдал Цыбикову необходимые средства на поездку, «а тогдашний секретарь общества А. В. Григорьев с обычной своей любезностью и чисто отеческим попечением сделал все зависящее от него для снаряжения меня в дальний путь...»

Итак, предстояли рискованные и многотрудные дела, перед глазами молодого человека мерещился полный манящих тайн город Лхаса (это название в переводе на русский язык означает «Страна небожителей», «Земля богов»), расположенный на высоте 3650 метров над уровнем моря. Строки книги доносят: Цыбиков ясно сознавал и отчетливо представлял цели и задачи своей миссии, но он не к славе стремился, а бескорыстно служил науке. Счастье и труд рядом идут: судьбе угодно было, чтобы сама жизнь, начиная с пеленок и кончая годами учебы, как будто бы специально готовила его изо дня в день к возможным в будущем дальним странствиям.

Авторы сообщают, что Гомбожаб Цыбиков побывал некоторое время в родных краях и поехал оттуда в Ургу (ныне Улан-Батор). 25 ноября 1899 года в одежде бурятского ламы-паломника он, нанял четырех верблюдов и взобравшись на одного из них, отправился в дальнюю дорогу вместе с попутчиками, которые возвращались домой — в район Кукунура на границе Монголии и Тибета. Путешествие длилось в общей сложности около двух с половиной лет.

В книге внимательнейшим образом прослеживается путь ученого к намеченной цели. Требовалось доскональное изучение материалов путешествия, обширной литературы по монголоведению, тибетологии, истории буддизма, чтобы со знанием дела рассказывать о челове-

ке, первым из ученых мира побывавшим в заоблачной стране. В книге Г. Цыбиков показан исключительно наблюдательным и зорким — он видит и фиксирует в памяти явления природы, рельеф местности, климатические условия, жизнь и быт людей, их нравы и обычаи. Путешественник ехал инкогнито, скрывая свои действительные цели и намерения, никто из его окружения не должен был знать его подлинную личность. Все увиденное он старался запоминать, а потом переносил на бумагу, ибо скрытно вел записи и скрытно делал фотоснимки.

Цыбиков наконец достиг Лхасы, спокойно и методично начал ознакомление с городом и страной. Он побывал в монастырях, храмах и дворцах столицы Тибета, его селениях, беседовал с людьми различных сословий, естественно, и с священниками-ламами, встречался даже с правителем государства, с самим «живым богом» — Далай-ламой, читал в библиотеках сочинения тибетских авторов, изучал досконально, до тонкостей, как и чем живут представители духовенства и простые люди загадочной страны.

Гомбожаб Цэбекович начал собирать для Русского Географического общества литературу по различным областям знаний. В книге приводится такая цифра: «Триста тридцать три книги приобрел ученый в Тибете. Это были сочинения по медицине, философии, истории, грамматике, религии, — словом, самые различные образцы тибетской литературы... В коллекции Цыбикова 82 единицы хранения... Всего в них 3380 сочинений. 42 издания — это собрание сочинений и около 40 — отдельные труды... Эти книжные сокровища... представляют большую историческую ценность, позволяющую изучать и исследовать материальную и духовную культуру Азии».

Авторы объясняют, что это были ксилографические книги, отпечатанные с деревянных досок — листы складывались в порядке следования страниц (помещались в деревянные ящики или обматывались шелком). Нередко типографщики допускали пробелы и пропуски, потому Цыбикову нужно было проделать титанический труд — просмотреть и пересчитать десятки тысяч страниц всех 333 томов!

Поражает и такая деталь: книги были упакованы и составили двадцать тюков (огромное и бесценное богатство!) — груз для десятка подвод. А надо ведь еще взять в обратную дорогу необходимый провиант и разные другие, нужные в пути вещи для себя и трех спутников, решивших вернуться на родину. «Груз нагрузили на шестнадцать яков», — резюмируют авторы. Это целый караван, добавим от себя, обоз с чудесной кладью на медлительных, неуклюжих и трудно управляемых животных — своего рода тихоходная степная эскадра в кильватерном строю... Попробуй, увеличь скорость ее движения!

Путешествие Г. Ц. Цыбикова в Тибет завершилось удачно — 2 мая 1902 года он прибыл через Ургу в Кяхту... Гомбожаб Цэбекович выступает на общем собрании Русского Географического общества с докладом «О Центральном Тибете», опубликованным позже, в 1903 году, в «Известиях РГО». Это была подлинная сенсация в ученом мире. Ж. Доржиев и А. Кондратов пишут: «Русское Географическое общество высоко оценило подвиг Цыбикова. В его честь была выбита золотая медаль с надписью «За блестящие результаты путешествия в Лхасу». Ученый-востоковед удостоился высшей награды Русского Географического общества — премии имени Н. М. Пржевальского».

Итогом «хождения» Гомбожаба Цыбикова в таинственную страну явилась, как известно, его книга «Буддист-паломник у святынь Тибета». Крупного формата, объемистая и основательная по содержанию, она была богато иллюстрирована — помещено, по подсчету наших авторов, около двух с половиной сотен фотографий, чертежей, планов, рисунков. Книга явилась открытием для науки громадной части Центральной Азии и целого мира людей буддийского вероисповедания во всем многообразии жизни и сложности их исторического развития. Россия, страна Советов, обрела в лице Г. Цыбикова великого сына-интернационалиста, труды которого заметно обогатили мировую востоковедную науку.

Сжатые, но емкие по информационной насыщенности страницы книги «Гомбожаб Цыбиков» посвящены вопросам педагогической, научной, краеведческой, переводческой и общественной деятельности ученого. Он был профессором монгольской словесности Восточного института во Владивостоке, педагогического факультета Иркутского государственного университета, работает в родной Бурятии, предпринимает поездки с научной целью в районы Забайкалья, в Монголию, Китай.

Гомбожаб Цэбекович много и продуктивно занимался исследовательскими делами. Он публикует в печати труды по востоковедению, «Пособие для практического изучения монгольского языка», выдержавшее три издания, «Пособие для изучения тибетского языка», «Грамматику бурят-монгольского языка», учебник «Начатки географии и краеведения». Выступает в газетах и журналах со статьями по вопросам древней и новейшей истории народов, развития культуры, антирелигиозной пропаганды... Ряд сочинений Гомбожаба Цэбековича издан за рубежом — в Англии, Америке, Польше, Чехословакии... Его жизнь — это кипение в постоянной работе, неутомимые поиски и счастливые находки ценнейших материалов о прошлом и настоящем трудящихся Востока. Знаменитый профессор работал, не щадя сил и жизни. Он умер в Аге 20 сентября 1930 года...

Раднай ШЕРХУНАЕВ,
кандидат филологических наук.

ВОЗРОЖДЕНИЕ НАРОДНОГО ПРОМЫСЛА

Лет десять назад на республиканской выставке произведений художников РСФСР «Мы строим БАМ» внимание зрителей и искусствоведов привлекло своеобразное художественное произведение — гобелен из конского волоса, автором которого оказалась молодая художница из Бурятии Т. Тимина. Таким образом, началось возрождение бытовавшего в прошлом у бурят народного промысла. Несколько раньше специальным правительственным постановлением были приняты решительные меры по сохранению и дальнейшему развитию народных промыслов в стране. Бурятское правление Союза художников для этой цели командировало несколько молодых художниц в районы Бурятии, где еще сохранилось знание древнего ремесла. Раскрытые ими секреты народного промысла послужили основой развития бурятского гобелена из конского волоса в современное время. На выставках 1979—1989 гг. наряду с другими видами и жанрами изобразительного искусства впервые были представлены художественные гобелены из конского волоса. Ими восхищались зрители Франции (дважды), МНР, ФРГ, Индии, Японии и других стран, а также наши соотечественники на всесоюзных, всероссийских и зональных выставках. Современный бурятский гобелен из конского волоса стал ярким свидетельством настоящего творческого возрождения замечательных традиций старинного ремесла бурят.

Пока только в Бурятии наблюдается этот процесс возрождения, хотя в Киргизии, Казахстане, Туве, Калмыкии, родственных по укладу жизни бурятам, в прошлом также использовали в быту конский волос.

Интересным событием в культурной жизни Якутии стала зональная выставка, прошедшая прошлым летом в Якутске. Якутские народные мастера впервые показали свои изделия и гобелены из конского волоса, поразившие воображение всех участников выставки совершенно оригинальным решением композиции и цвета.

Искусство ручного плетения бытовых изделий из конского волоса было известно бурятам еще в старину. В прошлом в бурятском быту широко использовались коврики под названием «таар». Материалом для них являлась жесткая шерсть на основе конского волоса. Они были в основном небольшого размера, имели большей частью прямоугольную форму, были очень оригинальны по декоративной отделке и выполняли не только утилитарную функцию, но и являлись предметом украшения жилища. Орнаментация «таар» представляла собой в основном геометрические узоры в виде параллельных, ритмически чередующихся волнистых и прямых линий, квадратов, кругов, треугольников, ромбов, согласованных в строго продуманной декоративной композиции, удачно сочетающейся с простой и скромной обстановкой бурятского жилища.

Конский волос — очень суровый и жесткий материал, и в работе с ним требуется терпение и сноровка. Он неброский по колориту, но изделия из него чрезвычайно изысканы именно своей сдержанностью и внешней простотой декоративной отделки.

В бурятских ковриках «таар» кроется какая-то затаенная внутренняя энергия, особая пластика формы и цвета, которая открывается не сразу. Буряты не красили конский волос и шерсть. Но хорошие мастерицы, которым было присуще чувство красоты и национального художественного стиля, умели извлекать из двух-трех цветовых сочетаний — белого, черного и коричневого — богатую цветовую палитру, достойную кисти настоящего живописца.

Старинные коврики «таар» плелись исключительно вручную и особым традиционным способом «могэшилаа», т. е. змееобразно, или способом «косичка». Из конского волоса плели самые разнообразные предметы быта: ошейники для телят, дужки для подойников, поводья для узд, путы для лошадей, вожжи, подпруги для седел, половики для ног, верхнюю лаптеобразную обувь для сохранности кожаных унтов и даже сети для ловли рыбы. Это были очень прочные, практичные и нужные в хозяйстве предметы. Они не были подвержены разрушению от моли, сырости. Коврики «таар» плелись очень плотно, без рыхлости. Этим способом достигалась их прочность. Для работы более ценилась гривная, чем хвостовая часть волоса, так как эластичность и податливость гривной части при обработке позволяла делать вещи не только крепкие, но и красивые. Весьма интересные и подробные сведения об использовании конского волоса в бурятском быту, о некоторых технических приемах, ритуальных обрядах, связанных с процессом сбора конского волоса, дает известный бурятский художник Р. Мэрдыгеев в своей книге «Изделия из шерсти и волоса в Аларском аймаке», Верхнеудинск, 1928.

С развитием промышленности и появлением фабричных изделий широкого

потребления постепенно были вытеснены многие предметы традиционного быта, которые составляли значительную часть материальной и духовной культуры бурятского народа. Таким образом, исчезали самобытные виды народных ремесел, забывались рецепты, секреты и способы обработки материалов. Сегодня уже забывается технология обработки кожи, войлока (шерсти). Такая же печальная участь ожидала и обработку конского волоса, но принятые, хотя и не совсем своевременно, меры по сохранению традиционных способов ручного плетения изделий из конского волоса, дали возможность дальнейшему художественному развитию этого вида народного ремесла.

В настоящее время бурятские мастерицы, используя известные традиционные приемы, ищут новые художественные формы, композиции, декоративные решения; ищут современные мотивы, отражающие ритмы сегодняшнего дня. Современные изделия из конского волоса — это, в основном, декоративные гобелены выставочного характера, сюжетного мотива, аллегорических образов философского осмысления. Внешне простой и скромный, по обработке чрезвычайно сложный и трудоемкий, конский волос таит в себе большие художественные возможности, если мастер сумеет их выявить, если он обладает глубоким чувством подлинно народного мироощущения, идет от художественных принципов старобурятского искусства.

С появлением современных композиций древний способ ручного плетения «косичка» уже не может более полно выразить художественно-декоративные достоинства произведения. Развиваясь, рождаются новые технические и декоративные приемы плетения.

Принципиальных различий в способах обработки конского волоса в старое и современное время нет, хотя современные художественные композиции и формы требуют уже иного осмысления некоторых приемов. Первоначальная обработка конского волоса начинается с мытья, сушки, затем сортировки и выборки каждого волоса по цвету, распушки, накручивания волоса на веретено, затем смачивания клубков водой и снова сушки на несколько дней. Это только первый этап технической подготовки волоса к его творческому использованию. Эскиз будущего произведения переводится на картон натурального размера гобелена, который закрепляется на деревянный станок — раму и лишь затем над картонным основанием натягиваются волосяные нити. Так начинается рождение гобелена.

В экспозициях декоративно-прикладного искусства гобелен из конского волоса служит прекрасным декоративным фоном для изделий из металла, дерева, керамики, фарфора, цветных камней. В то же время гобелен сам органично вписывается в общую декоративную композицию, подчеркивая изысканную красоту собственной самобытности.

Гобелены современных мастеров Бурятии засл. худ. БурССР С. Ринчиновой «Вечное движение», «Бурятия», «Мирный космос», Татьяны Дашиевой «Цветы», «Танец», «Утро»,«Кожемялка», Баярмы Дамбиевой «Просторы Бурятии», Риммы Доржиевой «Подснежник», получили на всех выставках высокую оценку зрителей и искусствоведов. Они выполнены традиционным способом: подбором конского волоса белой, черной, серой и оттенков коричневой цветовой гаммы, объемной крученой нитью, ручным ткачеством самодельным деревянным челночком «ныхуур». Определенная ограниченность цветовой палитры не обедняет живописную выразительность гобеленов, а, напротив, позволяет оценить высокое мастерство художника, сумевшего выявить самоценность материала.

Гобелен народного мастера Б. Дамбиевой «Просторы Бурятии» — своеобразная картина — пейзаж небольшого формата (60×100). На переднем плане — всадник, пастух с отарой овец. На горизонте стелется мягкая гряда холмистых гор. И все. Ничего лишнего. Но как эмоционально насыщен гобелен! Как будто слышится протяжная бурятская песня степей, словно вдыхаешь терпкий аромат забайкальских трав. Вся композиция решена тончайшими, неуловимо воздушными штрихами, рождающими трепетную игру светотени. Светло и поэтично ее произведение. Есть в нем и какая-то мягкая интимность задушевного разговора, и высокая эпичность большого философского полотна. Все это богатство оттенков красочного мира художница сумела выразить суровым волосом серого, коричневого и белого сочетаний.

Ранние работы Т. Дашиевой «Цветы», «Танец», «Кожемялка» подкупают свежестью непосредственных впечатлений сельской жизни, трогательными воспоминаниями о родном доме, где все близко и дорого, некоторой наивностью повествования. И присутствует в них какое-то неповторимое очарование свежести и искренности.

Интересным событием в развитии бурятского гобелена из конского волоса явилось творческое содружество профессионального живописца засл. худ. БурССР А. Цыбиковой и народного мастера Б. Дамбиевой. По эскизу А. Цыбиковой Дамбиевой был выполнен прекрасный гобелен «Сотворение», экспонировавшийся на всех перечисленных выше выставках. Аллегорический образ женщины, держащей в руках нити Искусства и творящей Жизнь и Красоту, наполнен глубоким смыслом сотворения человеком духовного мира.

Один из гобеленов последних лет засл. художника БурССР С. Ринчиновой «Мирный космос» приобретает эпическое звучание благодаря не только монументальным формам, но и искусству подбора волоса по колориту. Цветовая гамма объединена в емкую образно-смысловую композицию, решенную несколько абстрактным, но уместным здесь языком. Однако вызывает опасение, что некоторые мастера в целях обогащения цветовой палитры вплетают в свои изделия цветные шерстяные нити, «сезаль» — растительность океанического и морского происхожде-

ния, которую красят, или просто покрывают конский волос хной, марганцем, что несвойственно традиционным приемам. Если по замыслу художника такой прием необходим, то, на мой взгляд, применять эти средства следует очень деликатно и осторожно.

В апреле 1990 года выставком Союза художников Бурятии отобрал новые произведения бурятских мастеров на зональную выставку в Якутию. В числе их были декоративные гобелены из конского волоса народных мастеров Т. Дашиевой, Б. Дамбиевой и Р. Доржиевой, свидетельствующие о дальнейшем развитии художественного гобелена из конского волоса в Бурятии.

Т. Дашиева представила гобелен «Друзья», выполненный в свойственной ей традиционной манере. Тема бурятского быта, национального характера сюжета воплощена мастером в своеобразной плоскостной композиции, изображающей детей, играющих с ягнятами. Присутствует в гобелене какой-то особый мир одухотворенности и чистоты. Трогательно беззащитны и доверчивы неуклюжие фигурки детей и их друзей-ягнят. Хорошо и тепло сделан гобелен.

Р. Доржиева выполнила свою новую работу «Моя родина» (Тоонто) выразительными средствами живописи, что не характерно изделиям из конского волоса, не присуще природной структуре данного материала. Эти творческие пробы поисков новых возможностей конского волоса, по-моему, интересны и необходимы.

Баярма Дамбиева показала на зональной выставке в Якутии новый гобелен «Весенний» (300×160). Он являет собой органичный сплав старинного бурятского народного ремесла и современного художественного гобелена выставочного характера, а также очень хорошо может организовать пространство любого интерьера.

Гобелен решен в сложной конструктивно-цветовой композиции, сочетающей в себе гармонию художественной формы, пластики и цвета. Внешне спокойный и монолитный строй цветочного узора неторопливо и упруго раскрывает свои удлиненные лепестки, неожиданно обнажая затаенную энергию, пружинную силу сказочного цветка. Причем все это волшебство иллюзии движения выражено переменчивой игрой светотени черного, белого, коричневого волоса. Оригинальна конструктивная композиция гобелена: удлиненная по вертикали, слева замкнутая, справа образует звонкий струящийся водопад из длинных «косичек» с подвесками — клубочками из дерева. Вся композиция уравновешена в нижней центральной части массивным клубком с ниспадающим пышным пучком конского волоса. Это, пожалуй, первая самостоятельная творческая работа Б. Дамбиевой, выполненная на уровне осмысления гобелена, как художественного произведения искусства. Хотя ранние ее работы также производили хорошее впечатление, но они как бы являли собой лишь этапы в развитии мастерства.

К сожалению, у мастеров Бурятии, работающих с конским волосом, наряду с их творческими достижениями возникают и серьезные проблемы. Первая из них — отсутствие сырья (конского волоса). Каждая из мастериц стоит перед проблемой — где взять хороший натуральный конский волос. Лошадей повсеместно истребляют, коневодческие хозяйства хиреют, вторая из проблем также важна, как и первая; нет мастерских с центральным отоплением и обилием воды. Конский волос многократно должен мыться, сушиться по своей технологии. Условия хранения изделий из конского волоса также не назовешь идеальными. Из-за тесноты в фондовых помещениях музея гобелены больших форм вынуждены скатывать в рулоны и хранить в таком состоянии годами, если они не в экспозиции. А гобелены из конского волоса необходимо хранить в развешенном положении, чтобы они не деформировались, чтобы между ними свободно циркулировал воздух. Из-за нехватки хранилищ приходится также их укладывать в полиэтиленовые мешки для сохранности, что категорически противопоказано, т. к. из-за отсутствия воздуха конский волос может покрыться плесенью.

И последнее, немало художественных произведений уходит на сторону, то есть, приобретаются с крупных выставок музеями других городов и республик, а то и вообще попадают за рубеж. Безусловно, произведения художников должны быть представлены в коллекциях музеев различных регионов. Это престижно и для автора, и для республики. Однако такой престиж для автора имеет больше экономическое, нежели морально-нравственное оправдание. Лучшие художественные произведения должны, на мой взгляд, оставаться на родине, в своем музее, достойно представляя национальную культуру на выставках самых высоких уровней. Известно, что многие художественные изделия бурятских чеканщиков ушли безвозвратно в разные города, и молодые мастера серебряных дел, сегодняшние ученики лишены возможности учиться на лучших художественных образцах своих старших товарищей. Во-вторых, не имея в коллекции лучших образцов, специалисты, искусствоведы лишены возможности изучать последовательно художественное развитие народного искусства бурят в целом и, в частности, творчество отдельных авторов. Сейчас, когда заметно повысилась качественная роль художественных музеев в нравственном воспитании нашей молодежи, наличие произведений, имеющих высокую художественную ценность, особенно необходимо.

Жаль, если эти вполне преодолимые проблемы не будут решены. Ведь главная проблема — творческая, проблема возрождения народного искусства уже решена. И его дальнейшее художественное развитие продолжается, радуя и обогащая нашу жизнь.

Ю. ХУДУГУЕВА,
старший научный сотрудник
Художественного музея им. Ц. Сампилова.

АГВАН ДОРЖИЕВ

Последние страницы жизни

Руководство КГБ Бурятской ССР разрешило Ассоциации молодых историков изучить некоторые архивные документы политических и общественных деятелей, которые испытали трагическую судьбу во второй половине 30-х годов. Исходя из большой общественной и гражданской ценности этих дел, Ассоциация историков приступает к опубликованию серии статей и брошюр под условным названием «Из архивов КГБ». Ассоциация выражает искреннюю признательность руководству КГБ за большую помощь, оказываемую в ходе исследований. Только при соприкосновении с подлинным материалом мы начали по-настоящему осознавать всю глубину, сложность проблемы репрессий 20-х-30-х годов. Надо прямо сказать, что без квалифицированной помощи группы общественных связей КГБ БурССР эта работа могла бы вообще уйти за обозримые горизонты.

Материалы дел поражают даже искушенного исследователя той «необычайной простотой», с какою давались различные показания, обилием и пестротой действующих лиц развернувшейся драмы. При чтении возникают самые разные противо-

На снимке (слева направо): настоятель Ацагатского и Чесанского дацанов, бандидо хамбо-лама Иролтуев, Его Святейшество Дэгд Ганжирва Римпоче (в центре), хамбо-лама Агван Доржиев, настоятель Эгитуйского дацана Зодбо-ламхай, настоятель Анинского дацана Гэлэн-багша.

речивые догадки и гипотезы, охватывает чувство необычного для нашего времени сострадания не только к лицам, но и к той уже отдаленной эпохе, полной героизма и слабости духа, драматизма и фарса, широкого поступательного развития советского народа и господства тоталитарной системы. Материалы привлекают исследователей и тем, что в судьбах многих полюбившихся нам исторических лиц поставлена последняя точка в их драматических и полных возвышенного полета судьбах. Споры не умолкают до настоящего времени, напротив, они только набирают силу, и в серии своих скромных публикаций мы обозначаем лишь некоторые аспекты сложной и многогранной политической истории 20—30-х годов.

В числе сложных, еще нерешенных последовательно исторической наукой есть вопросы, касающиеся исключительно противоречивого развития буддизма, ламаистской церкви. Подходы недалекого прошлого, отличающиеся крайним нигилизмом к религии, нарушавшие в своей основе провозглашаемые принципы свободы совести, отрицательно сказались на описании жизни различных религиозных деятелей безотносительно к их философской и мировоззренческой позиции, их политической работе.

Среди них особенно выделяется многоплановая фигура Агвана Доржиева — философа, политика, дипломата и религиозного деятеля, жизнь которого завершилась в суровые будни второй половины тридцатых годов.

Оценка деятельности Агвана Доржиева никогда не была однозначной, его политические доктрины и концепции вызывали возражение, как до, так и после Октябрьской революции не только у врагов, но и у почитателей. Имя его обросло мифами, легендами, домыслами, оценки колеблются от самых отрицательных до самых восторженных. История еще не сказала своего последнего слова о личности этого человека.

Как известно, Агван Доржиев родился в местности Харашибирь Хоринской степной думы. Есть небольшие разночтения в установлении его даты рождения. В справке на арест А. Доржиева фигурирует 1854 год, некоторые исследователи называют 1853-й, а в ходе следствия устанавливался окончательно год рождения — 1852.

За его плечами осталась исключительно богатая биография. До 18 лет А. Доржиев жил обычной мирской жизнью. Однако вскоре он попадает в ученики к известному агинскому ламе Номнанай-гэгэну и через некоторое время, назвавшись лицом монгольского происхождения, отправляется в Тибет для получения богословского образования. Дело в том, что доступ в Тибет из России, в том числе и бурят, был запрещен.

В монастыре Брайбун Агван Доржиев получил прекрасное образование и был удостоен ученой степени лхарамба. Его назначили учителем буддийской философии далай-ламы XIII. За короткое время Доржиев становится одним из ведущих духовных наставников далай-ламы XIII Тубдан-Чжамсо и начинает играть крупную роль во внешней политике правительства Тибета в конце XIX — начале XX веков. Основное направление этой деятельности — сотрудничество с русским правительством и противодействие английской экспансии. Однако исключительная сложность внешнеполитической ситуации, сдержанная политика Российской дипломатии, а также точность дипломатических действий Англии и Китая привели к падению «прорусской» политики тибетского иерарха, а вместе с тем обозначили неудачу двадцатилетней внешнеполитической деятельности Агвана Доржиева. С этим связан переезд А. Доржиева в Россию и настойчивое проведение им прежней политической линии. Подобным же целям были подчинены неоднократные беседы с Николаем II, видными чиновниками царского департамента Ламсдорфом, Витте, генералом Куропаткиным и др. Этой же задаче (сближения Тибета и России, Востока и Запада) было подчинено строительство буддийского храма в Петербурге, основанного в 1913 году на Петроградской стороне в Старой деревне.

По его инициативе и активном личном участии проводилась большая работа по оказанию благотворительной помощи по продолжению I мировой войны, сооружались дацаны в Иркутской губернии, Калмыкии, проводилась огромная работа по пропаганде Востока. Так, еще в 1910 году было организовано первое бурятское издательство «Наран» — «Солнце», в котором выходят в свет книги по истории общественно-политической мысли Бурятии, филологические труды, художественные произведения. В совместной деятельности с молодыми еще студентами Петербургского университета, а впоследствии видными учеными Ц. Жамсарано, Б. Барадиным, а также будущим политическим деятелем Э-Д. Ринчино намечались перспективы обновления религии буддизма. Были поставлены вопросы о более тонких средствах пропаганды религии, ее новом месте в жизни общества, гуманная философия буддизма противопоставлялась грубым компрометирующим сторонам ламаизма. Эти тенденции особенно ярко обозначились в их деятельности в период и после первой русской революции. Это, безусловно, вызвало острую идейную борьбу в ламаистской церкви и особенно бескомпромиссную полемику с консервативным крылом. В этой противоречивой борьбе корабль ламаистской церкви вошел в бушующий шторм грозного 1917 года.

Агван Доржиев после Октябрьской революции также остался безусловным приверженцем обновленного движения в буддизме, выступал за очищение первоначального буддизма от суеверий и шарлатанства несведущих лам, за отказ лам от паразитического образа жизни, признание ими Советской власти. Он участвовал в дискуссиях по вопросам религии и атеизма, выступал против участившихся нарушений Закона о свободе совести в СССР, административно-запретительных мер борьбы с религией, справедливо защищал права и интересы верующих масс. Вся цель Агвана Доржиева заключалась в «приспособлении» буддизма к социализму, в сохранении как нужного

элемента в новом советском обществе. Во многом его деятельность совпадала с обновленчеством в русской православной церкви, ярко проявившейся в движении «живой» церкви.

В описании этой удивительной судьбы свой вклад внесли видные ученые, в числе которых есть имена К. М. Герасимовой, Р. Е. Пубаева. Однако исходя из ограниченного объема настоящей статьи, а также из специфических ее задач, мы ограничились небольшим предварительным очерком его жизнеописания, который лишь отчасти позволяет понять значение этой колоритной фигуры в истории и культуре Бурятии. Тем более, что авторами настоящей статьи уже подготовлено популярное издание политической биографии А. Доржиева.

Итак, последние страницы его жизни: в середине 1937 г. восьмидесятичетырехлетний Агван Доржиев из Ленинграда прибыл в Бурят-Монгольскую республику со своим земляком Дугаром Жимбиевым — ламой-гэбши Ацагатского дацана. Этот приезд он объяснял своим желанием встретиться с ламами, проживающими в республике.

Как показывают материалы дела, Агвану Доржиеву уже приходилось иметь дело с органами ОГПУ в 1934 году. Тогда он был арестован на 20 дней и вскоре освобожден. Некий О. Н., один из людей, имевший отдаленные контакты с Агваном Доржиевым, в октябре 1933 года, в числе 40 фамилий людей, якобы занимавшихся сбором шпионских сведений и передававших их за рубеж, назвал фамилию Агвана Доржиева. В их числе также были имена Д. Сампилона, В. Трубачеева, Э-Д. Ринчино, Норбоева-Ганжирва-гэгэна, академиков Щербатского и Миллера. Приблизительно в это же время он назвал еще 22 известные фамилии, среди которых фигурировали имена академиков Ольденбурга, Марватского, Бальдимарсова, Обермиллера, Востр икова. В отношении Агвана Доржиева было сказано, что он под видом обновленческого движения создавал ламаистскую контрреволюционную организацию, вступил на путь контрреволюционной деятельности, а все вышеупомянутые лица якобы являлись членами разведорганизации. О. Н. показал, что еще в 1924 году Агван Доржиев отправил письма некоему Дониру ламе — старику-тибетцу и Норбоеву-Ганжирва-гэгэну — главе Цугольского дацана, используя его в качестве курьера. Содержание этих писем О. Н. не было известно, однако он считал, что в них могли быть сведения разведывательного характера. Более никаких конкретных данных не приводилось, но это не мешало сформулировать в показаниях, что все перечисленные лица, в том числе Агван Доржиев, были прислужниками японского государства, идеологами пан-монголизма (л. д. дела 35—39). Однако наличие столь нечетких и бездоказательных показаний в первой половине 30-х годов еще не влекло за собой последовательных репрессий. Отбыв срок предварительного заключения, А. Доржиев был отпущен. Но эти показания О. Н. были включены в предварительное следствие 1937 года и поэтому требуют небольшого комментария.

В 1924 г. продолжалась оживленная борьба обновленцев и консерваторов в ламаистской церкви. Она проходила в исключительно резких формах, в числе которых тайные сношения между лидерами различных дацанов должны были иметь место. В частности, нам известно, что значительная часть священнослужителей Цугольского дацана была на стороне консерваторов, в то время как их глава Ганжирва-гэгэн солидаризовался с принципиальной линией Агвана Доржиева. Именно этим можно объяснить характер тайного сношения А. Доржиева с Ганжирва-гэгэном и его частые поездки в Цугольский и Анинский дацаны. Несомненно, что никакой шпионской деятельностью Доржиев заниматься не мог по ряду причин. Во-первых, Агван Доржиев находился в состоянии активной борьбы со многими лидерами консерваторов, имевшими обширные контакты и связи не только среди послушной паствы, но и за рубежом. И как опытный дипломат А. Доржиев прекрасно понимал, что подобного рода деятельностью он мог бы дать лишние козыри в борьбе против себя.

Во-вторых, он выступил активным сторонником Советской власти, с которой связывал надежды на преобразование религии и фактически проводить антисоветскую политику был не в состоянии. Более того материалы государственного и партийного архивов показывают его активную деятельность в пользу Советской власти, ее политических, государственных и общественных институтов.

Его долговременное пребывание в Ленинграде не прервало контактов с Бурятией, как показывает следственное дело. Он достаточно живо интересовался делами церкви, устанавливал различные контакты, в том числе и деловые. Сейчас нам неясна в полной мере причина его приезда в республику, мы можем лишь предположить, что здесь сказался прежде всего преклонный возраст, который по национальным традициям призывает провести последние годы на родной земле. Возможно, сказалась нетерпимая обстановка в Ленинграде к «врагам» Советской власти, среди которых было и духовенство. Возможны и какие-то другие субъективные моменты, в частности, встречи с ламами, проживавшими в Бурятии, и т. д. Все это остается в области предположения и еще ждет своего исследователя. Во всяком случае, он был арестован 13 ноября 1937 года, этим числом датируется ордер на арест и обыск за № 616. В справке на арест гражданина Агвана Доржиева говорилось, что он проживает на Ацагатском аршане Заиграевского аймака района и материалами следствия изобличен как один из руководителей контрреволюционной, панмонгольской, террористической, повстанческо-диверсионно-шпионской организации. В доказательство этого не приводилось никаких других данных и показаний, однако он привлекался по статьям 58—1 «а», 58—2, 58—8, 58—9 и 58—11 УК РСФСР.

Первый и единственный его допрос состоялся 26 ноября 1937 года и содержит две с половиной страницы, написанные

крупным почерком, каждая из которых подписана А. Доржиевым, причем дата и месяц на протоколе допроса проставлены другими чернилами. А. Доржиев признал себя виновным, как один из «руководителей контрреволюционной, панмонгольской, террористической, повстанческо-шпионской организации». На вопрос о целях контрреволюционной организации, он ответил: цель нашей контрреволюционной организации подробно обрисовать не смогу, могу сказать, что конечная цель нашей контрреволюционной организации была свержение Советской власти, так как я лично ненавидел ее за закрытие дацанов и вообще за борьбу с религией. На этом допрос был прерван и подписан другими чернилами «ввиду болезни».

На следующий день, 27 ноября, в 16 ч. Агван Доржиев был помещен в тюремную больницу. В процессе допроса не было выяснено, когда возникла эта организация, с какого времени и с кем он совместно возглавлял ее руководство, кто состоял в ней и когда он сам встал на путь враждебной деятельности против Советской власти. Как доказательство преступной деятельности А. Доржиева, к делу приобщены копии показаний (в некоторых случаях выписки) обвиняемых по другим делам.

Эти показания позволяют понять приблизительное направление следствия и вместе с показаниями А. Доржиева требуют определенных комментариев. В августе 1937 г. Ш. Ю.— лама-лекарь, ранее внесудебном порядком тройкой ОГПУ приговоренный к трем годам концлагеря и освобожденный по преклонному возрасту, вынуждался к показаниям о контрреволюционной и шпионской деятельности А. Доржиева. Однако от твердо заявил, что имел с ним связи только при своих просьбах о выделении лекарств и просил его прослужить молебен «Цыбен Тобилго». Е. Д. и Ж. Ц. в октябре 1937 г. при допросах заявили о том, что им ничего не известно о контрреволюционной деятельности А. Доржиева. Эти допросы рядовых лам, которые в свое время имели контакты с А. Доржиевым, проясняют, что органы НКВД уже достаточно плотно принялись собирать компрометирующий материал на А. Доржиева, но отсутствие таковых, а также отрицание подследственных не позволило им вплотную заняться неофициальным главой ламаистской церкви. И только в конце октября некий Н. Ц. показал «контрреволюционную» деятельность А. Доржиева. Она состояла в том, что «...я принимал прибывающих в Ленинград к Агвану Доржиеву, извещал о их прибытии А. Доржиева и от Агвана Доржиева передавал им письма. Лично их в целях конспирации Агван Доржиев не принимал». Н. Ц. назвал 6 фамилий.

Имея в виду обстановку, при которой давались те или иные показания, эти заявления Н. Ц. нельзя признать хоть както «полезными», поскольку никаких конкретных показаний о разговорах, содержании писем, конкретных действиях, фактов контрреволюционной деятельности А. Доржиева и этих шестерых лам не было. Если убрать из показаний слово «контрреволюционный», они выглядят достаточно безобидными. Однако еще раз выясняется характер и направление следствия, пытавшегося организовать факты контрреволюционной деятельности.

2 ноября 1937 года Б. А., лама-гэбши, без определенного рода занятий, дал показания, что в 1929 году являлся участником контрреволюционной ячейки при Ацагатском дацане. Существенным в этом отношении было показание, что по инициативе А. Доржиева в Эгитуйском дацане сформировалась организация «Тасак-Бугулмы», целью которой было сохранение буддийской религии. А. Доржиевым, показывал Б. А., выдвинуто предложение бороться с Советской властью едиными усилиями. Цель организации — вооруженное свержение Советской власти и установление самостоятельной монгольской державы с сохранением буддийской религии. Конкретная деятельность определялась заданиями Агвана Доржиева о сборе секретных материалов по интересующим его вопросам о новых сооружениях оборонно-стратегического значения и распространение антисоветской агитации среди колхозников. В 1936 году от него было получено задание проводить вербовку новых членов в организацию и устанавливать точки повстанческих ячеек. Он также дал показания, что ряд лам (указываются конкретные фамилии) завербованы им в 1937 году.

В ходе допроса Б. А. говорил, что переправлял А. Доржиеву секретные материалы.

При допросе 10 ноября 1937 года М. П., одного из ответственных хозяйственных работников, имя Агвана Доржиева называлось в качестве одного из руководителей центра контрреволюционной, повстанческой организации вместе с именами Ербанова М. Н., Маркизова А. А., Бардина Б. Б., Жамсарано Ц. Ж.

Итак, к 13 ноября 1937 г. (к моменту ареста) были организованы факты «контрреволюционной» деятельности Агвана Доржиева. Понятно, что этих показаний, пусть даже косвенных и бездоказательных, было достаточно для того, чтобы маховик репрессий заработал, тем более, что их настойчивый поиск начался давно.

Был ли действительно Агван Доржиев таковым, как его представляли подобные показания? Мог ли он действительно создавать боевую террористическую организацию, собирать сведения для Японии и быть в одном ядре политического центра вместе с ответственными партийными и советскими работниками? На эти вопросы мы можем ответить отрицательно.

1926—1929 годы — это вершина драматической борьбы обновленцев и консерваторов. В 1926 г. проводилась национализация дацанов. Как видно из монографии К. М. Герасимовой «Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства» (стр. 116, 117), ацагатские ламы с одобрения лам Эгитуевского и Кижингинского дацанов составили против Агвана Доржиева заметку «Несколько слов о ламах» и разослали в редакции читинских, верхнеудинских и московских газет. Это письмо на четверть состояло

из ругани в адрес А. Доржиева, его обвиняли в том, что он возомнил себя вторым Буддой и носится с разными реформаторскими идеями, внося раскол и смуту в среду ламства и верующего населения.

Летом 1926 г. началась национализация дацанов. Консерваторы проявили свою полную неспособность действовать в существовавшей системе законоположений и, согласно положению о том, что дацаны передаются в руки групп верующих, обновленцы во главе с Агваном Доржиевым, сумевшим в короткий срок организовать эту работу, одержали победу. Обновленцы во многих дацанах успели организовать различные группы с разными названиями и передать в их ведение дацаны. Очевидно, такого рода группой и была группа «Тасак-Бутумы» в Эгитуевском дацане. К тому же Эгитуйский дацан (стр. 118) великом состоял из сторонников консерваторов, и во имя сохранения самого дацана А. Доржиев безусловно должен был искать компромисс. Читатель очевидно плохо представляет борьбу обновленцев и консерваторов. Поэтому коротко поясним, что это была жестокая борьба, характерная для церковного раскола. В ход пускались самые грязные методы работы: взаимные убийства, диверсии, осквернение храмов, всевозможные взаимные разоблачения различных пороков. Кроме опубликования статей в периодической печати с той и с другой стороны, поступали многочисленные жалобы самого сутяжнического толка в партийные, советские и правоохранительные органы. Например, консервативное ламство после национализации дацанов демонстративно проводило хуралы в сараях, под навесами, а амбарах и частных домах, не соглашаясь проводить совместные мероприятия. Мог ли в этих условиях Агван Доржиев в Эгитуйском дацане организовать антисоветскую, контрреволюционную организацию? Понятно, что это было бы политическим самоубийством. Можно ли в этих условиях собирать разведданные в пользу Японии? Очевидно, нет.

После ареста А. Доржиева работа по сбору компрометирующих материалов усиливается. Так, 20 ноября 1937 г. состоялись допросы Ц. Б.— ламы Ацагатского дацана, Ш. Р.— ламы-гэбши, ранее трижды арестовывавшегося органами ГПУ: в 1929 г.— по делу участников эмиграционной организации, в 1831 г.— за укрывательство золота, в 1933 г.— за проведение антисоветской агитации. Они дали удивительно похожие показания, что были участниками контрреволюционной группы из числа репрессированных Советской властью элементов, ставили целью свержение Советской власти, занимались сбором шпионских сведений. Практически эти цели реализовывались доставкой Агвану Доржиеву в Ленинград сведений об экономическом положении БМАССР, о настроениях среди бурятского населения по отношению к Советской власти, назывались фамилии людей, ездивших для связи в Ленинград.

22 ноября 1937 г. состоялся допрос Б. Б., который ранее служил в бандотряде полковника Дугара Тапхаева в качестве младшего урядника. Любопытно, что он являлся племянником Петра Бадмаева, того самого, который был особой, приближенной к императору Николаю II. Он показал, что был вовлечен в контрреволюционную организацию Агваном Доржиевым в 1927 году. Однако при этих показаниях поясним только то, что А. Доржиев говорил о развитии ламаистско-тибетской медицины и необходимости широкого развития религии. Такая постановка вопроса не имела ничего общего с контрреволюционной деятельностью и даже с очень большой натяжкой ей невозможно было придать хотя бы оттенка контрреволюционной деятельности.

23 ноября 1937 г. состоялся допрос Б-Ж. Ц. У него была изъята листовка «лундун» — пророчество будущего, эта листовка была получена из Монголии и в ней предсказывалось, что война начнется в 1937 г. и приведет к лучшей счастливой жизни. Он подтвердил свою принадлежность к контрреволюционной организации в Аннинском дацане и также показал, что был вовлечен в нее в 1926 г. хамбо-ламой А. Доржиевым. По существу против А. Доржиева показывалось, что он проводил антисоветскую пропаганду и говорил о войне с Японией, им также назывались семь лам, участников контрреволюционного заговора. Что касается «лундунов», то они действительно имели место в борьбе ламства с Советской властью. Нам необходимо оговориться по принципиальному вопросу. Часть ламства действительно разными методами боролась в принципе против Советской власти, а также против многих ее мероприятий и реформ. Основные векторы исторического развития всей страны и республики были направлены против господствовавшей до революции системы социально-экономических институтов и всей системы церковных ценностей. Отражением этого явления был церковный раскол. Принципиальные подходы сложившейся дацанской системы разоблачали пороки ламаистского духовенства, паразитизм его, как основы существования, обычную богословскую неграмотность, спекулирование на лучших чувствах верующих. Идея обновленчества, проводимая Агваном Доржиевым, только показала, что буддийская религия имеет внутренние источники саморазвития, может существовать в условиях господства трудового народа. Однако она потерпела поражение, и поэтому возобладание консервативных тенденций, утрата политических и духовных ориентиров были неизбежны, а когда в обществе и тем более в церковной организации возникает такая обстановка противоречий между политическими и ценностными ориентирами, рушится прежняя система ценностей и не создается новая, неизбежно возникает тоска по старому, необходимым компонентом которой становится отрицание нового.

Очевидно, что часть лам, привыкших к старому образу жизни и своему верховному положению, не могла даже чисто психологически отказаться от устоявшихся

взглядов, тем более, что прежняя дацанская иерархия с огромным количеством лам и хувараков до второй половины 20-х годов оставалась по сути неизменной.

И, очевидно, поэтому пророчества «лундунов» широко распространялись среди верующих. Любопытно, что некоторые «лундуны» составлялись якобы еще в XIX веке и предсказывали войну, которая придет с Запада в 1937 году. Но на местах и, в частности, в Бурятии происходила «творческая» переработка и изменялось направление с Запада на Восток. Кроме того, подлинные «лундуны» не уточняли дату 1937 г.

Подбор следственного материала уже косвенно ставил в вину Агвану Доржиеву распространение листовок — «лундунов». В этом отношении нужно сказать совершенно определенно, что буддийский просветитель, ставивший задачу преобразования церкви на основе первоначальной философии Будды, последовательно боровшийся против суеверий и шарлатанства, за гуманистическое развитие народного самосознания, тем более противопоставивший свою деятельность темным сторонам религии, а тем самым и массе служителей, эксплуатировавших эти стороны, не мог опуститься до распространения такого рода пророчеств, которые в корне противоречили всей системе его философских взглядов. Тем более, что его верховное положение и авторитет среди церкви и верующих был несравненно выше новоявленных пророков. Он не мог опуститься до подобных методов работы. Что касается вовлечения Б-Ж. Ц. в контрреволюционную организацию в Аннинском дацане в 1926 г., то в нашем распоряжении факты, которые мы берем из того же исследования К. М. Герасимовой. В Аннинском дацане в 1926 г. национализация дацана прошла в исключительно острой и тяжелой обстановке. Обновленцы, опасаясь самосуда толпы, не решались принять дацанское имущество без аймачного исполкома Советов, даже авторитетные лидеры не смогли заставить их проводить совместные хуралы, хурал Майдари и шествие вокруг дацана обновленцы и консерваторы проводили отдельно, не скупясь на взаимные хуления. В явочном порядке рядом с дацаном консерваторы стали строить отдельный храм. Поэтому мы отрицаем, что в 1926 г. с ламой Аннинского дацана Б-Ж. Ц. Агван Доржиев мог проводить вербовку на контрреволюционную работу.

24 ноября 1937 г. С. М.— бывший лама Ацагатского дацана и Ж. Д.— лама-гэбши показали, что в 1929 г. Агвач Доржиев отказался от обновленческого движения и перешел на позиции активной борьбы с Советской властью.

«Великий перелом» 1929 г. безусловно сказался на течении церковного раскола. В монографии «Идейно-политическая работа Коммунистической партии в Бурятии (1917—1941 гг.)» С. А. Максанова говорится о том, что внутригрупповая борьба между консерваторами и обновленцами после 1929 года была фактически прекращена. Дацаны Бурятии стали центрами антиколхозной деятельности, а обновленческий духовный совет их центральным штабом.

Факты кулацких восстаний, отдельных вооруженных выступлений, бандитизма, убийств коммунистов, комсомольцев, активистов колхозного движения отмечаются и у других исследователей. Это безусловные явления, имевшие место в драме конца 20-х — начала 30-х годов. Но безусловно и другое: крутой перелом 1929 г. со всеми его перегибами и насилиями в верховной политике был направлен против ламства, социальной базой которого было единоличное крестьянство. Методы борьбы против ламства отличались крайними формами, не считались с религиозными чувствами. В практике атеистической работы все более обозначалась тенденция голого администрирования в борьбе против церкви, участились грубые нарушения законности, агитация против церкви приняли самый широкий размах. К 1929 г. сложился одиозный образ ламы как стяжателя и реакционера, мракобеса и вредителя, взять хотя бы, к примеру, художественную литературу тех лет. Пародии, пословицы, афоризмы, инсценировки в клубных учреждениях, выступления в прессе — все это было направлено на подрыв морального авторитета ламства в ходе церковного раскола, направляло усилия на преодоление внутренних пороков. В этих условиях Агван Доржиев решительно выступил против политической компрометации религии, считая, что борьба с пороками ламства не должна отрицать религию и отметать все ценности буддийской философии. Однако политика Советской власти в этот момент уже не считалась ни с какими прогрессивными течениями ламаистской церкви. Еще более усилились левацкие настроения в борьбе против дацанов. Так, а феврале 1930 г. были проведены мероприятия против бурятского праздника «сагаалган». Было вынесено решение по закрытию двадцати дацанов в течение одного месяца. И только вмешательство Сибирского крайкома ВКП(б) помогло остановить это растиражированное решение. В условиях, когда был поставлен вопрос о существовании не только дацанов, но самой религии вообще, тактика обновленчества стала изживать себя в принципе из-за исключительной поляризации общества, разделения его на враждебные группы. Поэтому самим Агваном Доржиевым был поставлен вопрос о преодолении церковного раскола. Однако изменение тактики еще не значило коренного пересмотра сложившихся взглядов Агвана Доржиева на религию и ее место в обществе.

Тактическая линия Агвана Доржиева с 1930 г. характеризуется призывом к ламству идти в народ и бороться за религию. Это было связано с массовым уходом лам и хувараков из дацанов. Поэтому мы можем сделать вывод, что сами взгляды А. Доржиева о судьбах церковной иерархии не были основными, они подчинялись судьбам религии в целом. Именно с этим связана постановка вопросов о ликвидации и роспуске организаций внутри дацанов, стоявших на позиции привержен-

ности к обновленчеству. По завершению этих мероприятий А. Доржиев выехал в Ленинград на постоянное место жительства, это же подтверждает архив КГБ БУрССР. Поэтому организационная основа создания антисоветской контрреволюционной организации и тем более руководимая лично А. Доржиевым была невозможна. К отъезду из Бурятии его побудило также и то обстоятельство, что крушение идеи обновленчества должно было привести к падению авторитета его программы.

При таком «наборе» первичных сведений состоялся первый допрос Агвана Доржиева, о котором мы уже говорили. Восьмидесятипятилетний хамбо-лама после этого допроса оказался в тюремной больнице, но сбор сведений продолжался.

28 ноября 1937 г. был допрошен Ц. Б.— лама Ацагатского дацана. Он признал, что контрреволюционная организация была создана, занималась антисоветской агитацией, но о вредительской и подрывной работе ему ничего неизвестно, между тем лама имел достаточный вес, за ним зафиксирована встреча в 1926 г. с Банчен-богдо, главой тибетского духовенства в городе Бейкин.

5 декабря 1937 года состоялся дополнительный допрос Б. А., который дополнил список контрреволюционной организации, и Ц. Р.— ламы Янгажинского дацана, который также показал на А. Доржиева, как главу контрреволюционной организации. Такие же показания были даны 9 декабря 1937 г. Ц. Б. и Г. С.— ламами Ацагатского и Ацайского дацанов. 30 декабря 1937 г. Цыдыпов Гомбожап, бывший ранее помощником А. Доржиева, показал, что о контрреволюционной деятельности Агвана Доржиева ничего не знает и что А. Доржиев действительно в 1929, 1930 годах разъезжал по дацанам, а в конце 1930 г. уехал в Ленинград на постоянное местожительство и связи с ним были прерваны. Особо можно остановиться на показаниях Доржиева Д. Д., который с 1929— 1937 гг. работал председателем Совнаркома Бурятской АССР. Этот документ — одно из многих свидетельств того, как подгонялось следствие, как ответственных руководителей заставляли признаваться в вещах, совершенно нехарактерных для них, о которых они не могли даже догадываться. Так, на следствии он показал о близости с Агваном Доржиевым партийно-советского руководства республики, факт сам по себе неудивительный, но он мог рассматриваться в отрицательном свете в период массового разоблачения ламства. В связи с этим Ербанову М. Н., Бардину Б., Жамсарано Ц. вменялось в вину пропаганда ламства и дацанов, как культурных советских центров. Исторический материал напротив показывает, что Ербанов М. Н. был одним из первых партийных лидеров, которые развенчали эту точку зрения, а Бардин и Жамсарано постепенно от нее отошли.

Наряду с Ербановым, Дабаином, Даниловым Д. Доржиев брал на себя ответственность, что вместе с Агваном Доржиевым не давал закрывать дацаны, слагал с них налоги и различные сборы. Действительно, на определенном этапе руководство республики сдерживало административные методы борьбы с религией, понимая ее как систематическую и настойчивую политико-просветительную и культурно-воспитательную работу в массах. Оно считало допустимыми репрессивные меры только против открытых контрреволюционных выступлений лам, прекрасно понимая, что ламаизм и ламство имеют огромное влияние на верующее население, и поэтому старались избегать преждевременных административных мер по закрытию дацанов. К тому же на этот счет постоянно поступали указания ЦК ВКП(б) и Емельяна Ярославского. Что касается налогов, то надо сказать — система была запутанной с самого начала, к тому же методами налоговой политики поддерживалось обновленческое движение духовенства, что являлось официальной политикой государства. Таким образом, показания Д. Д. Доржиева в этой части не носили антисоветского содержания, хотя именно в плане контрреволюционной деятельности она была подана.

Д. Д. Доржиев также показал, что помимо подготовки «повстанческих» кадров, он вел подготовку диверсионных актов на важнейших оборонных объектах, собирал шпионские сведения, проводил вредительскую работу в колхозах, занимался разрушением сельхозмашин и разлагал трудовую дисциплину при помощи созданной контрреволюционной организации. Эти обвинения также являются самооговором и оговором. На этом в основном исчерпывается весь список различных свидетелей и подследственных. Добавим к этому, что через небольшое время следователи, проводившие эти допросы, были сами обвинены в нарушениях социалистической законности, в вымогательстве показаний путем преступных методов и сами же прошли через страшные горнила испытаний, которые подготовили другим. Нарком внутренних дел БМАССР В. А. Ткачев в июне 1941 г. за эти преступления был осужден к высшей мере наказания. За нарушение социалистической законности, необоснованные массовые аресты, фальсификацию следственных дел были расстреляны в это же время Н. Д. Полканов — зам. наркома внутренних дел БМАССР, Л. И. Гайковский — начальник отдела НКВД БМАССР и другие. Многие из следователей были подвергнуты суровому наказанию за эти же преступления во второй половине 50-х годов.

Но, однако, все показания, которые давались после 26 ноября 1937 г., времени единственного допроса Агвана Доржиева, уже не имели большого значения, поскольку смерть не заставила себя ждать. 29 января 1938 г. в тюремной больнице Агван Доржиев умер в результате упадка сердечной деятельности и общего ослабления организма на почве старческих изменений. Это подтверждает акт вскрытия от 29 января 1938 г.

Параллельно со следствием добавилась работа финансовым органам. Материалы дела № 2768 по делу Агаана Доржиева

содержат несколько документов по описи его имущества. В деле содержится несколько описей: от 27—28 ноября 1937 г. описано 112 штук риз-халатов, 654 метра кусков парчи на сумму 27340 рублей, описаны строения, куда вошли дом, избы, амбары, баня, юрты общей площадью 1703 кв. м., земельным участком 78297 кв. м., страховой оценкой 58777 р. 61 коп. С 29 ноября по 1 декабря 1937 г. произведена опись имущества райфинотделом на предмет реализации его с торгов за неуплату местных налогов за 1935, 1936, 1937 годы, общей стоимостью 28364 рубля 20 копеек. 2 декабря 1937 г. по акту лекарствоведу Виноградову П. И. были переданы медикаменты, однако общая сумма в силу некомпетентности финорганов не была установлена. Виноградов П. И.— представитель клиники восточной медицины. По другому акту было описано все личное имущество, включая даже такие подробности, как одна пара носков, одна старая шляпа, три полотенца, двое пар ботинок, три рубашки, четыре кушака и т. д., сюда же вошли шарниры, шурупы, крючки и даже четыре крана для бачков, все это на сумму 4841 рубль 40 копеек. Описывались и опечатывались также чашки, ложки, вилки, столы, стулы, разные тряпки на сумму 932 рубля 80 копеек. Заметим, что виновность самого Агвана Доржиева в этот момент не была доказана.

После ареста были установлены недоимки за Агваном Доржиевым за 1935—1937 гг. по земельной ренте и со строений, имущество с торгов было реализовано в ближайшее время.

Личные вещи Агвана Доржиева по его прибытию в тюрьму были представлены весьма скудно.

10 апреля 1938 г. нарком НКВД БМАССР Ткачев утвердил постановление о прекращении дела Агвана Доржиева за смертью. Разрешил Заиграевскому райфинотделу реализацию всего описанного имущества.

В декабре 1956 г. по делу Агвана Доржиева было начато дополнительное расследование. В январе 1957 г. один из работников НКВД дал объяснение по поводу своих действий в 1937—1938 гг. Он писал, что аресты лам проводились большими группами, а следствие проводилось в сжатые сроки и рассматривались упрощенным способом на тройке, без вызова обвиняемых. Для упрощения процедуры несколько дел объединялись в одно. Имели место даже контрольные цифры по вынесению приговоров по первой и второй категории. Применялись длительные конвейерные допросы, стойки на ногах, начальство разрешало физическое воздействие, избиение арестованных. Добытые же сведения из-за нехватки времени не проверялись. Это печальный штрих ко всем тем показаниям, которые давались подследственными.

В декабре 1957 г. дело Агвана Доржиева было прекращено по ст. 204 п. «б» УК РСФСР за недостаточностью улик для предания суду. Поэтому 14 мая 1990 г. было вновь принято постановление о прекращении дела за отсутствием события и состава преступления. Таким долгим был путь к политической и гражданской реабилитации Агвана Доржиева.

Таким образом, современное политическое развитие вернуло нам сотни и тысячи ранее забытых людей. Имя Агвана Доржиева ярко выделяется на фоне крупных общественных деятелей Бурятии XIX и первых десятилетий XX веков. Это был сложный путь религиозного деятеля, признавшего Советскую власть и желавшего найти новое место и новую роль религии в уверенном движении пролетарского государства к социализму. Нашему поколению еще предстоит изучить все богатое политическое и философское учение этого крупного реформатора буддизма, вся деятельность которого была направлена на формирование в сознании народа великих нравственных человеческих ценностей.

Б. БАЗАРОВ, Ю. ШАГДУРОВ,
кандидаты исторических наук.

СВЯЗЬ НАРОДОВ

В Лхасе произошло знакомство двух подданных России — Агвана Доржиева и Базы Мэнкэджуева, которые оставили ценные исторические свидетельства о Тибете, о его монастырях, жителях и т. д. База Мэнкэджуев, настоятель Дунду хурула (монастыря, дацана) Калмыкии, летом 1891 г. начал свое путешествие в Тибет с целью, как он сам писал, «...привести в известность и возобновить путь, по которому могли ходить многочисленные одушевленные существа нашей страны».[1] Еще в пути в эту страну База-бакши, как его называли на родине, услышал, что в Хласе (Лхасе — Г. Д.) проживает «гэгэновский сойбун, монгол, именуемый бурят... и по рассказам людей не выходило еще человека, который так возвысился бы в Тибете, как он». В Лхасе Агван Доржиев оказывал большую помощь паломникам из Калмыкии при представлениях Далай-ламе, при знакомствах. «Он руководил нас (нами) в каждом нашем деле»,— писал База-бакши.

В марте 1898 г. Агван Доржиев впервые посетил Калмыкию и жил у База-бакши в Дунду хуруле Малодербетовского улуса. Здесь ему были оказаны большие почести и духовенством, и жителями улуса. Пробыл здесь недолго, вскоре вернулся обратно в Тибет.

В 1901 году, в Лхасе же, происходит знакомство Агвана Доржиева и Гомбожаба Цыбикова. Агвана Доржиева сопро-

[1] Сказание о хождении в Тибетскую страну Малодербетовского База бакши (перевод А. М. Позднеева). Спб, 1987.— С. 211.

вождал, кроме других, калмык из Большедербетовского улуса Овше Норзунов, на которого была возложена Русским Географическим Обществом задача — сделать снимки в Тибете. Впоследствии эти снимки оказали значительную помощь в иллюстрации книги Г. Цыбикова «Буддист-паломник у святынь Тибета».

В январе 1902 г. Агван Доржиев вновь приехал в Калмыкию, посетил хурулы Багацохуровского, Малодербетовского, Икицохуровского, Харахусовского, Эркетеновского улусов. Пробыл здесь до марта.

В годы борьбы Тибета с англичанами Агван Доржиев являлся одним из лидеров тибетской национальной группы, которая вела борьбу против английских завоевателей и великодержавных устремлений Китая. Когда англичане вторглись в Тибет, Далай-лама бежал в Ургу, а Агвана Доржиева он послал в 1905 г. с письмом в Петербург просить защиты у русского правительства.

Весной 1906 г. в Малодербетовский улус вновь прибыл А. Доржиев, на этот раз с более ответственной задачей — основать высшие конфессиональные школы в Калмыцкой степи.

Еще в 90-х гг. в Малодербетовском улусе в ур. Нугра открыли Цанит-Чоре, который существовал нелегально и помещался в доме, пожертвованном нойоном Тундутовым. По приезде А. Доржиева началось широкое строительство школы и жилья для духовенства Малодербетовского Цанит-Чоре.

С весны до осени было построено 35 домов, стоимость одного дома исчислялась 90 рублями. Денежные средства на строительство домов были пожертвованы А. Доржиевым, Далай-ламой, богатыми прихожанами этого улуса. Кроме того, были собраны с каждой кибитки по 1 рублю на строительство зданий школы[1]. Расходы на содержание Цанит-Чоре распределялись по хурулам Малодербетовского улуса, большие хурулы вносили по 214 рублей в год, а малые по 117 руб[2]. Для этой школы А. Доржиев пожертвовал учебные пособия, в том числе 108 томов Ганджура. Были присланы подарки и от Далай-ламы.

Весной 1907 г. при поддержке богатых и влиятельных людей Икицохуровского улуса гелюнга Джомак Гонтиева, зайсанга Цэрэнэ Бадмаева, простолюдинов Джал Гакова и Улюмджи Лиджиева Агван Доржиев начал строительство деревянного сюмэ (храма) и домов для учащихся и учителей. Для этого строительства было пожертвовано 70 тыс. руб. Весть о строительстве дошла до астраханского губернатора, и он послал для производства расследования чиновника особых поручений Кардаева. В августе 1907 г. Кардаев доносил, что в ур. Санзыр заканчивается строительство школы. Возле стройки размещены 25 войлочных кибиток, где живут будущие ученики этой школы. Во главе этих будущих учеников находится гелюнг Сегальтя Добдонов, а для обучения тибетским наукам был прислан из Бурятии Дандыр Буюнтаев. После осмотра Кардаевым было объявлено о приостановке строительства. Строительство действительно было приостановлено, но не в связи с распоряжением Кардаева, а с наступлением осени. Ранней весной 1908 г. строительство было возобновлено, и храм Цанит-Чоре был освящен в этом же году[3]. В октябре 1908 г. был утвержден устав двух вероисповедных школ. В 1905 г. поступил в эту школу 81 ученик из различных хурулов, в 1909 г.— 2 ученика. На содержание школы от больших хурулов поступало по 300 руб., а от малых — по 150 руб. в год, всего 1500 руб. в год. В год основания школе было пожертвовано, кроме денег, 500 овец, 50 голов крупного рогатого скота, 7 лошадей и 5 верблюдов.

Эти школы призваны были стать центрами подготовки ученых гелюнгов для обучения юношества догматам ламаистского учения. Изучающее цанит (тиб.— истинное свойство) духовное лицо должно было избрать себе учителя. Затем большая часть времени посвящалась чтению установленных молитв, после чего практиковались диспуты. Богословие изучалось посредством диспутов, что перешло в Тибет из Индии.

Деятельность А. Доржиева в Калмыкии продолжалась и после 1917 г. Он неоднократно руководил съездами духовенства и стоял у истоков обновленческого движения в Калмыкии. Эти встречи неординарных личностей калмыцкого и бурятского народов способствовали укреплению культурных связей между ними.

Г. ДОРЖИЕВА,
кандидат исторических наук.

[1] ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 133, д. 397, л. 131.
[2] АО ААН, ф. 148, оп. 1, д. 91. (Отчет о поездке к астраханским калмыкам Н. Очирова летом 1909 г.).
[3] РО ГПБ, ф. 590, д. 146, с. 200—204.

БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

Как известно, со времени провозглашения Бурятской республики очень остро встал вопрос о бурятском литературном языке, его основе и письменности. Вокруг них шли споры, и правильное решение не было найдено сразу. С 1923 по 1939 годы дважды меняли основу литературного языка, использовали два алфавита и перешли на третий. Разумеется, такие частые переходы от одной основы к другой, от одной письменности к другой не смогли не сказаться отрицательно на развитии языка.

Следует отметить, что наиболее полноценное его развитие начинается со времени принятия в основу его хоринского диалекта в 1936 году.

Но прежде несколько слов о том, что подразумевается под понятием «развитие языка». Оно раскрывается в двух планах: в так называемом «внутриструктурном» и социологическом, функциональном. В плане внутриструктурного развития речь идет о тех изменениях, которые происходят внутри самой структуры языка в разные исторические эпохи на всех его уровнях — фонетическом, грамматическом и лексическом. В социологическом аспекте рассматриваются функциональное развитие языка и те процессы в языковом строе языка, которые обусловлены социальными факторами. Как известно, язык функционирует и развивается в тесной взаимосвязи с обществом. Возникнув как историческая необходимость, язык призван отвечать тем требованиям, которые предъявляет к нему общество, отражает состояние общества и активно способствует его прогрессу. Некоторые лингвисты критерием развитости языка берут даже состояние самого общества. Дело в том, что не может быть развитым язык народа, который сам находится на сравнительно низкой ступени общественного прогресса. И наоборот, язык цивилизованных наций не может быть не развитым.

Одним из основных показателей степени развитости языка безусловно служит его лексика. Языки современных цивилизованных наций имеют богатый словарный состав, отражающий достигнутый высокий уровень экономики и культуры. Другим показателем развитости языка является его стилистическая дифференциация. В неразвитых бесписьменных языках мы находим в основном разговорно-бытовой и фольклорно-сказочные стили, тогда как в литературных языках передовых наций существует широко развитая система стилей: художественный, публицистический, научный, официально-деловой и т.д.

Однако общество в состоянии осуществить активное вмешательство в развитие языков вплоть до воздействия на саму его структуру. Целенаправленное, сознательное вмешательство нашего общества в стихийный процесс языкового развития, именуемое языковым строительством или языковой политикой, является одним из важнейших экстралингвистических факторов развития языка.

Всему сказанному нами выше показательный пример — бурятский литературный язык.

Коренные изменения, произошедшие в социально-политической и культурно-экономической жизни бурятского народа в советскую эпоху, расширили общественные функции бурятского языка.

Ныне современный литературный бурятский язык выполняет такие общественные функции: 1) является языком изучения в учебных заведениях, языком обучения и воспитания; 2) язык многожанровой художественной литературы. Ныне бурятский литературный язык располагает значительными художественными произведениями, авторы которых обогащают, нормализуют и усиливают литературный язык; 3) выполняет многогранную функцию языка печати. На бурятском языке печатаются «Буряад Үнэн», районные газеты, журналы «Байкал», «Ласточка», учебники, учебно-методические пособия; 4) язык радио и телевидения; 5) выполняет функцию языка театра и художественной самодеятельности; 6) бурятский литературный язык обладает системой функциональных и речевых стилей: художественно-литературного, общественно-публицистического, учебно-педагогического, литературно-разговорного.

Следует отметить также становление норм бурятского литературного языка за советское время — фонетических, грамматических, лексико-семантических, орфографических и стилистических. К основным изменениям, которые претерпел бурятский литературный язык, относятся: 1) всемерное обогащение словарного состава, лексики, основными источниками которого были внутренние ресурсы языка: словообразование, калькирование, расширение значений слов, введение диалектной лексики; 2) заимствование слов из русского языка; 3) усовершенствование фонетической структуры и грамматического строя.

Бурятский язык, как и все национальные языки Советского Союза, развивается в условиях бурятско-русского двуязычия. Двуязычие ныне стало объективной реальностью современной жизни народов Советского Союза, является фактором языкового сплочения, сотрудничества

людей разных национальностей, фактором интернационализации нашего общества.

Понятна огромная тяга советских людей, в том числе и бурят, к русскому языку, стремление в совершенстве овладеть его нормами.

Однако следует отметить, что современное двуязычие в нашей стране вызывает вполне обоснованную озабоченность, и прежде всего — состояние национальных языков в системе двуязычия. В значительной мере были сужены их общественные функции, неоправданно низко пал социальный престиж. Есть национальные языки, которые находятся на грани вымирания. Реальным стал отход носителей языков от национальной культуры, народных традиций.

Не в лучшем положении находится в системе двуязычия бурятский язык. В значительной мере сужены его общественные функции, пал его социальный престиж. Особенно тревожно, что не знает своего родного, материнского языка молодое поколение бурят. В сельской местности они говорят на родном языке лишь со стариками, в быту. Часть молодых людей пользуются смешанным полубурятским, полурусским языком, демонстрируя слабое знание говорящими норм обоих языков. Родной язык вытесняется среди молодых бурят в городах. В плачевном состоянии находится бурятский язык в Усть-Ордынском и Агинском автономных национальных округах Иркутской и Читинской областей.

Не случайно, по данным последней переписи населения, определенный процент молодых бурят объявили родным русский язык. Русский язык также называют вторым родным языком, хотя у людей бывает только один родной язык.

Почему же возникла такая ситуация с языком? В чем заключается причина? Как известно, еще до революции В. И. Ленин разработал национально-языковую политику, в основу которой поставлено равноправие национальных языков: «Демократическое государство безусловно должно признать свободу родных языков и отвергнуть всякие привилегии одного из языков».

Однако ленинская политика в отношении национальных языков была искажена, нарушена. Проводилась политика поспешного форсированного слияния наций и их языков в исторически сложившейся общности советского народа. Не осуществлено было подлинно гармонического билингвизма (двуязычия), который предполагал полное равноправие национальных языков, а равноправие предусматривало одинаковые условия для развития обоих языков. Билингвизм означает попеременное использование языков в рамках одного и того же языкового коллектива в различных социальных сферах и ситуациях в конкретном регионе. Носитель двух и более языков в зависимости от ситуации попеременно избирает любой из них. На деле во многих регионах нашей страны получилось одностороннее двуязычие (вместо двустороннего). Предполагался постепенный переход к одноязычию. Последствия подобной национально-языковой политики можно назвать трагическими. Например, многие этносы Дагестана (около пятнадцати), Таджикистана, Удмуртии и других республик, потеряв свой язык, свою самобытность, вынуждены были перейти на другие языки. Отдельные языки Севера находятся на грани вымирания.

Буряты в свое время были разделены на три региона, оторваны друг от друга, что также нанесло огромный урон развитию языка. Ошибочную политику в языковом строительстве проводили отдельные лингвисты. Свой вклад в попытку теоретически обосновать искажения языковой политики внес один из ведущих социолингвистов нашей страны проф. Ю. Д. Дешериев. Он предложил такое двуязычие: владение компонентами двуязычия носителями одного языка, в то время как носители другого языка владеют только одним своим языком.

Согласно этой теории признавалось, что ведущим и наиболее перспективным видом двуязычия в СССР является так называемое «одностороннее» двуязычие. Невозможно, мол, требовать от каждого советского человека знания всех 130 языков, бытующих в СССР. Между тем речь должна идти не о каждом советском человеке и 130 языках, а о жителях конкретных регионов и о знании бытующего там языка. Такое двуязычие, т. е. знание коренными жителями двух языков — родного и русского, а некоренными — одного, только русского, по существу, не является двуязычием. Это не тип двуязычия, а ситуация, предусматривающая сосуществование двух отдельных коллективов с одним общим языком, которое может привести к языковой ассимиляции более малочисленных этносов во многочисленном коллективе владеющих вторым языком.

В духе подобной национально-языковой политики вышло постановление Бурятского обкома КПСС о переходе на русский язык обучения с первого класса. Как следствие этого постановления, бурятские национальные школы повсюду стали сокращаться, закрываться.

Как известно, язык тесно связан с мышлением. Дети обычно мыслят на материнском языке. Переводя детей бурят на русский язык обучения, мы не только отняли у них родной язык, но и задержали мышление, умственное развитие. Теория и практика обучения детей в школе свидетельствует о том, что наибольшие перспективы дает как раз такое обучение, которое предусматривает использование родного языка на начальном этапе, т. е. в детсадах и начальной школе. Вот что писал по этому поводу академик Л. В. Щерба: «Можно изгнать родной язык из процесса обучения (и тем обеднить этот процесс), но изгнать родной язык из голов учащихся в школьных условиях невозможно».

Как известно, в последнее время партией, правительством и Верховным Советом СССР принимается ряд мер, направленных на исправление ошибок в национально-языковой политике. Перестройка в этой области должна коснуться и нашей республики. Надо принять ряд серьезных мер, направленных на расширение общественных функций, на поднятие социально-

го престижа и восстановления конституционного равенства бурятского языка, именем которого названа республика. Здесь одни призывы явно недостаточны, нужен решительный поворот к современным актуальным проблемам языкового строительства в нашей республике.

Как известно, во многих, главным образом, союзных республиках приобрел большую актуальность вопрос о придании национальным языкам, именами которых названы республики, юридического статуса государственных в пределах своих регионов. Эти меры должны дать национальным языкам возможность выживания и дальнейшего развития. Учитывая юридическое равноправие национальных языков, надо ставить вопрос о придании бурятскому языку статуса государственного на ближайшей сессии Верховного Совета республики.

В Конституции республики должны быть четко определены общественные функции и сферы применения бурятского и русского языков.

На наш взгляд, статус бурятского языка как государственного можно отобразить примерно в следующих статьях:

1. Официальным государственным языком Бурятской ССР является бурятский, именем которого названа республика.

2. Русский язык является общепризнанным всесоюзным языком межнационального общения.

3. Законодательные акты и другие официальные документы Верховного Совета и правительства республики печатаются на двух языках, на бурятском и русском языках оформляются бланки, печать, вывески предприятий, организаций, учебных заведений, названия улиц, населенных улусов, географических объектов, лозунги и др.

4. Всем носителям бурятского языка обеспечивается право пользования родным языком в общении, в обучении и воспитании своих детей, в пропаганде знаний, в удовлетворении культурных запросов и потребностей.

5. Знание, изучение и использование в общественной деятельности родного языка являются нравственным, патриотическим долгом и обязанностью каждого носителя этого языка.

6. Вменить в обязанность носителей бурятского языка в обязательном порядке в быту, дома, в дошкольных учреждениях, в учебных заведениях, в общественных местах общение, обучение, воспитание осуществлять на родном языке.

7. Гражданам Бурятии — неносителям бурятского языка, связавшим судьбу с бурятским народом, проживающим на территории Бурятии, предложить в случаях необходимости, главным образом, для использования в практической работе, изучать родной язык аборигенов добровольно. В учебных заведениях изучение бурятского языка не носителями этого языка предусматривается на факультативных началах, создав для этого все необходимые условия.

Для реализации вышепредложенных нами статей (возможно, и других) необходимо конкретно определить общественные функции бурятского языка в условиях двуязычия примерно в следующих сферах.

I. Применение бурятского языка в официальных мероприятиях: собрания, заседания, конференции, съезды, праздники, спортивные и другие производственные, общественные мероприятия могут проводиться на русском и родном языках в зависимости от языка подавляющего большинства присутствующих;

научные конференции, совещания, проводимые научными, творческими организациями по проблемам языка и культуры бурят, проводятся на бурятском языке;

в судопроизводстве, следствии, в судебных заседаниях в необходимых случаях обеспечивается право пользоваться бурятским языком с переводом;

за гражданами сохраняется право обращения в советские, партийные, профсоюзные организации, в газеты, журналы на родном языке и возможность получения ответа на этом же языке;

деловая переписка между организациями, предприятиями, колхозами и другими осуществляется на русском языке.

II. Функционирование бурятского языка в системе народного образования:

четко определить тип школ по языку (бурятскому) обучения, провести их паспортизацию по языку;

во всех дошкольных учреждениях вести воспитательную работу и обучение на бурятском языке с детьми бурятами, создав в случае многонационального состава детей специальные группы. После детсадов дети буряты должны поступать в бурятские начальные школы. Мы не должны создавать ребенку перегрузку. Дело в том, что с прошлого года в некоторых бурятских детсадах, а также в начальной школе ввели в обязательном порядке изучение иностранного языка. Такая языковая нагрузка (русский, бурятский, английский) может отрицательно сказаться на здоровье ребенка. Мы предлагаем в бурятских детсадах вместо английского языка ввести родной материнский язык. Введение иностранного языка в редких случаях возможно только в отдельных базовых детсадах, где нет бурятского языка. Мы надеемся, что министерство народного образования республики незамедлительно исправит эту ошибку.

в начальных классах для детей — неносителей бурятского языка изучение языка проводить добровольно, на факультативных началах, в кружках;

в старших смешанных классах дети буряты в обязательном порядке должны изучать родной язык, а неносители — также добровольно, факультативно, в кружках;

в целях подготовки национальных кадров открыть в г. Улан-Удэ, а также в районных центрах бурятские средние школы (или лицеи) с углубленным изучением родного языка и литературы с востоковедным направлением;

составить для школ новый учебный план, увеличив в нем количество часов по бурятскому языку и литературе;

усовершенствовать действующие программы, учебники по бурятскому языку и литературе.

III. Применение бурятского языка в сфе-

рах массовой коммуникации и информации:

увеличить объем времени теле- и радиопередач на бурятском языке;

продолжать вести уроки бурятского языка для желающих;

расширить тематику передач на бурятском языке, особенно посвященных языку, литературе, искусству, культуре, народным традициям, истории бурятского народа;

создавать на бурятском языке художественные, документальные ленты, детские, мультипликационные фильмы.

IV. Место бурятского языка в книгоиздательской деятельности Бурятской ССР:

в планах книжного издательства республики большое место должна занимать разнообразная литература для массового читателя на бурятском языке;

указанная литература должна издаваться в условиях ныне действующего хозрасчета на счет бюджетных средств Совета Министров республики;

для издания национальной литературы по перспективному плану должен быть создан в республике редакционно-издательский совет, в состав которого должны войти представители всех заинтересованных организаций (учителя, представители средних и высших учебных заведений, работники творческих союзов и другие);

массовыми тиражами выпускать двуязычные разговорники, краткие двуязычные словари для читателей.

V. Применение бурятского языка в сфере обслуживания:

обслуживающий персонал должен быть двуязычным (в комбинатах быта, в домах бракосочетаний, в библиотеках, в кассах, на вокзалах, в столовых, ресторанах, в гостиницах, в магазинах и т. д.).

VI. Использование бурятского языка в культурно-просветительской и политико-воспитательной работе:

шире и регулярнее проводить лекции на бурятском языке по телевидению, радио и по линии общества «Знание»»;

организовать в трудовых коллективах платные кружки по изучению бурятского языка;

культурно-просветительные организации (библиотеки, клубы и другие) должны вести работу на бурятском языке;

вечера, концерты и другие массовые мероприятия должны вестись в одноязычной аудитории на бурятском языке;

чаще осуществлять театральные постановки, особенно для детей, на бурятском языке.

VII. Развитие бурятского языка в сфере науки:

научные конференции, посвященные национальным темам, должны проводиться на бурятском языке.

практиковать написание и выпуск научных трудов на бурятском языке;

больше выпускать научно-методических пособий по бурятскому языку и литературе на бурятском языке.

в Институте общественных наук Бурятского научного центра допускать к защите диссертаций по проблемам бурятского языка и литературы только лиц, владеющих в совершенстве нормами бурятского литературного языка; практиковать защиту диссертаций на бурятском языке;

шире практиковать выступления научных работников на бурятском языке по научным проблемам и областям исследований.

VIII. Применение бурятского языка в средних и высших учебных заведениях:

во всех техникумах (включая СПТУ), ввести для учащихся-бурят обязательное преподавание бурятского языка; для неносителей бурятского языка на добровольных началах организовать факультативы, кружки по изучению бурятского языка; для всех учащихся должен быть проведен курс занятий по бурятской литературе, истории, искусству, культуре;

во всех вузах республики для организации проведения занятий для студентов создавать специальные кафедры бурятского языка;

для всех студентов вузов организовать курсы лекций по бурятской литературе, истории, искусству и культуре;

в БГПИ им. Доржи Банзарова на бурятском факультете создать специальную кафедру для преподавания бурятского языка студентам на всех факультетах, расширить написание и выпуск учебников, учебно-методических пособий для студентов на бурятском языке; опробовать практику чтения лекций по разным дисциплинам на бурятском языке (на бурятском факультете).

IX. Применение бурятского языка в творческих организациях республики:

Союз писателей должен вплотную заняться выпуском для детей дошкольного и школьного возраста литературы на бурятском языке, Союз композиторов — созданием бурятских песен для детей, взрослых, выпускать пластинки с бурятскими песнями, песенники, писать музыку для детских и других произведений.

X. Пропаганда, популяризация бурятского языка:

в целях повышения престижа бурятского языка надо широко, активно вести среди бурятского населения разъяснительную работу об обязательном знании родного материнского языка.

Безусловно, можно вести беседу, в зависимости от языковой ситуации, как на русском, так и на бурятском языках. Но при этом нельзя допускать игнорирования своего родного, материнского языка. Мы лично склонны рассматривать именно как игнорирование, когда буряты, особенно немолодого возраста, знающие, как правило, свой родной язык, говорят между собою на русском языке. Носители бурятского языка дома, в быту обязаны общаться на родном языке, учить ему детей, внуков, затем отдавать их в бурятские национальные школы для обучения;

многие родители отказываются отдавать своих детей в бурятские школы по той причине, что выпускники этих школ получают слабую подготовку по русскому языку и не могут поэтому поступить в средние специальные и высшие учебные заведения. Известно, что подготовка, уровень знаний выпускника не зависят от языка обучения, больше они зависимы от качества преподавания самого предмета. Для обеспечения равноправия бурятского

и русского языков на вступительных экзаменах абитуриентам от национальных школ предоставлять право писать сочинение на бурятском языке, отвечать на устных экзаменах по любому предмету на родном языке;

в целях повышения престижа бурятского языка руководители партийных, советских, профсоюзных, комсомольских, творческих и других организаций, колхозов, совхозов и другие обязаны владеть бурятским языком и систематически выступать на этом языке перед своими трудовыми коллективами;

за знание бурятского языка и использование его в практической работе должностным и другим лицам — не носителям бурятского языка к основной зарплате установить дополнительные надбавки.

В целях широкого, всестороннего развития бурятского литературного языка настала пора ставить вопрос о расширении его основы за счет общебурятских диалектных богатств.

Известно, что хоринский диалект, легший в основу литературного языка, сыграл большую роль. Он — один из богатых, притом сохранивших общие черты бурятского языка диалектов. Но все же он не составляет национального языка, является лишь его частью. Поэтому считаем целесообразным в настоящее время ставить вопрос о расширении основы литературного языка за счет языковых черт национального общебурятского языка.

В связи с приданием бурятскому языку статуса государственного, безусловно, возникнут и другие проблемы, не затронутые нами, которые надо решать постепенно, поэтапно, сначала создавая для этого все необходимые условия.

Э. РАДНАЕВ,
доктор педагогических наук,
профессор, заслуженный деятель
науки Бурятской ССР.

Наш журнал не единожды за последнее время обращался к культурно-историческому и духовному наследию бурятского народа, в котором значительную роль сыграл буддизм и служители этой древнейшей мировой религии, подвергшиеся в советское время, особенно в 30-е годы, необоснованным массовым репрессиям. По просьбе редакции, Ленинградское отделение Советского фонда культуры отправило запрос в Управление КГБ по Ленинградской области относительно судеб ряда лам, связанных с буддийским храмом Ленинграда. Приводим полный текст ответа.

Уважаемые товарищи!

В ответ на ваш запрос от 16.11.1989 г. с вопросами, касающимися Буддийского храма в г. Ленинграде, сообщаем, что в Управлении КГБ СССР по Ленинградской области акта о передаче храма в Госфонд от 22 апреля 1938 г. и каких-либо данных, которые могут прояснить вопрос о статусе храма, не имеется.

Что касается судьбы основателя храма Агвана Доржиева, а не Лобсана Доржиева, как указано в вашем запросе, можем сообщить следующее: Доржиев Агван, 1852 г. р., урож. улуса Харашибирь, Заиграевского района, БМАССР, бурят, лицо без гражданства, образование — высшее духовное, хамбо-лама, бывший настоятель буддийского храма в Ленинграде, до ареста проживал: Заиграевский район, БМАССР.

Обвинялся по ст. 58-1а (измена Родине), 58-2 (вооруженное восстание... с целью отторгнуть от СССР какую-либо часть его территории), 58-8 (терракт), 58-9 (диверсия), 58-11 (организационная деятельность, направленная к совершению контрреволюционного преступления) УК РСФСР.

На единственном допросе показал, что является одним из руководителей контрреволюционной панмонгольской террористической, повстанческо-шпионской организации, конечной целью которой являлось свержение Советской власти.

27 ноября 1937 г. Агван Доржиев был помещен в тюремную больницу, где и умер от паралича сердца 29 января 1938 года.

Постановлением КГБ при БМАССР от 4.12.1957 г. постановление НКВД БМАССР от 10 апреля 1938 года о прекращении следственного дела по обвинению А. Доржиева за смертью обвиняемого отменено и дело прекращено на основании ст. 204, п. «б» (недостаточность улик для предания обвиняемого суду) УК РСФСР.

Данное дело находится на хранении в КГБ Бурятской АССР.

Из материалов следственных дел, хранящихся в Управлении КГБ СССР по Ленинградской области, следует, что Агван Доржиев являлся идеологом бурятского ламаистского духовенства и пользовался исключительной популярностью и авторитетом среди верующих в Бурятии, Калмыкии и Монголии.

Агван Доржиев еще при царском режиме был представителем Тибета в России. После Октябрьской революции, хотя официально дипломатических отношений между СССР и Тибетом не существовало, Народный Комиссариат по иностранным делам, по ходатайству А. Доржиева, признал его в качестве представителя Тибета в СССР, сохранив за ним права дипломатического работника.

В 1931 г. А. Доржиев из Бурятии был приглашен в Москву в Наркоминдел. Там ему было указано, что он переходит рамки, установленные для дипломатов, и занимается восстановлением населения Буря-

тии против Советской власти и что в связи с этим ему предлагается переехать на постоянное место жительства в Ленинград.

А. Доржиев был вынужден выполнить требование Наркоминдела и переехал в Ленинград, создав здесь Тибето-монгольскую миссию в СССР. (Из показаний Жамсарано Доржи).

Из показаний лиц, проходящих по ряду следственных дел, известно, что одно время А. Доржиев находился при Далай-ламе в Тибете и то, что в 1922 г. организовал школу тибетской медицины при Ацагатском дацане.

Следственного дела на Данзена Норбоева в Управлении КГБ СССР по Ленинградской области нет. Однако в следственных делах на бурят, проживающих в Ленинграде в 1930-1940 гг. и связанных с буддийским храмом, упоминается имя Норбоева Данзена — ближайшего сподвижника и заместителя Агвана Доржиева. Упоминается, что в Ленинграде он находился с 1928 г. и умер в 1935 г. Других сведений нами не обнаружено.

В 1935-1937 гг. были подвергнуты необоснованным репрессиям ряд бывших лам, проживающих в доме при Буддийском храме (Ленинград, Стародеревенская улица, дом 15).

Банзаракшеев Даши Доржи, 1884 г. р., урож. Удинского сомона, Хоринского аймака, бурят, лама — служитель при Буддийском храме в Ленинграде. Проживал: Ленинград, Стародеревенская ул., дом 15, кв. 13, — арестован 30 мая 1935 г. Управлением НКВД по Ленинградской области.

Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 15 сентября 1935 г. определено: как социально-опасный элемент, заключить в ИТЛ, сроком на 5 лет.

Список лам Ленинградского буддийского храма, арестованных и высланных в лагеря в 1935 г., арестованных и расстрелянных в 1937 г. (список неполный):

Жалцанов Нима Жалцанович, 1899 г.р., Агинский округ, арестован в мае 1935 г.

Дугаров Дава-Самбу, 1898 г. р., Урдо-Ага, Агинский округ, арестован в мае 1935 г.

Жамьянов Одцор (Осор) Жамьянович, 1892 г.р., Челутай, Агинский округ, арестован в мае 1935 г.

Содномпилов Доди Содномпилович, 1889 г. р. Харашибирь, Хоринский р-н, арестован в мае 1935 г.

Гармаев Цырен-Доржи Дондукович, 1902 г. р., улус Губай, Бичурского района, арестован в мае 1935 г., в 1959 г. проживал в Красноярском крае, г. Заозерный.

Самбуев Батма-Цырен Самбуевич, 1914 г. р., с. Укурик Хилокский р-он, арестован в мае 1935 г. В 1962 г. жил в п. Курорт Дарасун.

Батуев Тогмит Батуевич, 1902 г. р., из Уронойского сомона, Агинский округ, арестован в мае 1935 г.

Жамсарано Доржи Жамсаранович, 1900 г. р., с Чисана Хоринского р-на, был управхозом Тибето-монгольской миссии в г. Ленинграде. Расстрелян 24 августа 1937 года в г. Ленинграде.

Зодбоев Балжир Роднаевич, 1886 г. р., д. Янгажин (личный врач Агвана Доржиева), расстрелян 24 августа 1937 г. в г. Ленинграде.

Будаев Отсор Будаевич, 1887 г. р., д. Ага. Расстрелян 29 августа 1937 г. в городе Ленинграде.

Томиргонов Чайжи-Дава, 1893 г. р., из Хоринского р-на (врач), расстрелян 24 августа 1937 года в г. Ленинграде.

Цыбиков Жап Цыбикович, 1892 г. р., из Хоринского р-на, расстрелян 15 ноября 1937 г. в г. Ленинграде.

Цыбенов Намжил Цыбенович, 1896 г. р., из д. Можиха Еравинского р-на, расстрелян 15 ноября 1937 г. в г. Ленинграде.

ПРАВДА О ВТОРОЙ УДАРНОЙ

Я никогда и никуда не писал. Но вот на склоне лет, а мне уже 83-й год, решил взяться за перо. Сделать это побудила обида за своих боевых товарищей, за Вторую ударную армию, доброе ее имя. Обидно и больно слышать, как некоторые люди, особенно молодые, в разговорах о войне отождествляют имя предателя Власова со 2-й ударной. Черная тень его измены пала на всю армию. Горько сознавать, но до недавнего времени выжившие однополчане вынуждены были скрывать, что сражались под Мясным Бором.

Вот поэтому я и решил написать о том, что видел сам и что пережил будучи в окружении в составе 2-й ударной армии и что мне лично известно о трагических событиях на новгородской земле в январе-июне 1942 года...

В конце 1941 года Верховное Главнокомандование задумало провести стратегическую операцию по разгрому северо-западной группировки немцев, что привело бы к деблокировке осажденного Ленинграда. Для выполнения этой задачи был образован Волховский фронт. Командование фронтом принял на себя К. А. Мерецков.

В суровые январские морозы началось наступление частей фронта. Наиболее успешно действовала 2-я ударная армия, возглавляемая генерал-лейтенантом Н. К. Клыковым и дивизионным комиссаром И. В. Зуевым. Во второй половине января части армии прорвали сильно укрепленную линию обороны немцев на западном берегу реки Волхов и вместе с 13-м кавалерийским корпусом генерал-майора Н. Н. Гусева вклинились в оборону противника на 70-80 километров.

В тылу армии на месте прорыва образовался коридор шириной 15-20 км. По нему и шло снабжение частей всем необходимым. С северо-востока через Синявские болота энергично вела наступление 54-я армия под командованием И. И. Федюнинского, пытаясь соединиться со Второй ударной и тем самым прорвать кольцо блокады Ленинграда.

Гитлеровское командование, встревоженное положением на Волховском фронте, бросило против 2-й ударной армии одиннадцать дивизий, сняло боевые части с ленинградских позиций. Начались тяжелые кровопролитные бои. Положение на Волховском фронте осложнилось. Особенно в трудной ситуации оказалась Вторая ударная армия, основные силы которой находились в это время в районе Мясного Бора. Следуя своей излюбленной тактике, немецкие войска нанесли сильные удары с обеих сторон у основания прорыва, стремясь ликвидировать коридор и окружить нашу армию.

Я был тогда военным водителем. Мы должны были регулярно подвозить боеприпасы, продовольствие и прочие грузы сражающимся частям. В зимнее время хотя и с большим трудом мы все же справлялись с этой работой. Но к весне в связи с оттепелью все настилы и дороги разрушились. Бездорожье, хлябь болот, беспрерывные бомбежки вражеской авиации крайне затрудняли доставку всего необходимого. Растаявшие болота не позволяли рыть окопы, строить землянки. А бои на фронте все усиливались.

С каждым днем армии требовалось все больше боеприпасов и других грузов. Так, у Замошских болот наши войска в течение трех суток отбивали яростные атаки врага, которые следовали одна за другой. Можете представить, какое количество боеприпасов требовалось только для одних этих боев?

Особенно сильные бои начались в марте у горловины прорыва в районе Спасской Полисти, Ольховки и Мостков. Немецким войскам удалось сузить коридор сначала до одного километра, а затем до 500 метров. Вскоре проход был совсем закрыт врагом. Вторая ударная оказалась в первом своем окружении.

Положение наших частей резко ухудшилось. Снабжение всем необходимым почти прекратилось. То, что иногда сбрасывали ночами с самолетов У-2 ни в коей мере не могло обеспечить многотысячную армию. Началось недоедание, а затем и голод, участились болезни, связанные с сыростью и отсутствием медикаментов. Не хватало боеприпасов. Мучила усталость, вызванная беспрерывными атаками врага и отсутствием подкрепления. Подпочвенные воды, сырость и невозможность обсушиться вызывали у людей слабость и апатию ко всему. Но несмотря на все эти лишения и невзгоды бойцы и командиры не покидали своих позиций.

А враг был накормлен, в сухой и добротной одежде, и главное — хорошо вооружен.

И вот в таких неимоверно трудных условиях нам приходилось не только отражать атаки, но и контратаковать противника, чтобы добыть оружие и что-нибудь из съестного. Когда стало известно, что к нам направляют в обход людей с сухарями и патронами, бойцы и командиры заявили: «Сначала патроны, а уж потом сухари».

Немцы беспрерывно бомбили и обстреливали наши позиции из всех видов оружия, забрасывали листовками, в которых предлагалось сдаться в плен. «Переходите в ряды германской армии, — говорилось в одной из них, — вас хорошо встретят, накормят и обеспечат всем необходимым».

На другой листовке был нарисован И. В. Сталин, стоящий у ярки с кнутом в руках. А толпа наших солдат, раздетых и разутых, идет под эту арку. Все пространство за аркой усеяно трупами наших бойцов. Внизу надпись: «Вот куда вас ведет жидовско-сталинская политика. Вот как выглядят победы Сталина».

На одной из листовок был изображен маршал Тимошенко в одном сапоге со шпорой. Второй сапог у него под мышкой. И он, Тимошенко, бежит, оглядываясь назад. И подпись: «Вот как драпал из-под Харькова ваш Тимошенко. Харьков взят доблестными германскими войсками». Ну и, как правило, в конце каждой листовки написано о том, что вышеозначенная листовка в руках может служить пропуском в ряды германской армии.

Однако наши люди с презрением относились ко всем этим прокламациям, а противник ими нас буквально засыпал. Конечно, читать последнее категорически запрещалось, но разве утерпишь. Да и на курево они годились, а курили тогда все, что могло гореть.

В конце марта совместными усилиями Второй ударной, 59-й и 52-й армий гитлеровские подразделения, оседлавшие дорогу, были рассеяны и вытеснены в южном и северном направлениях. Коридор слева открылся, но насквозь простреливался из всех видов оружия. К тому же в небе безнаказанно пиратствовала фашистская авиация. По этой причине все перевозки приходилось осуществлять в основном ночью. Настилы тонули и разваливались в болотах, остро ощущалась нехватка горючего для машин.

К нам в тыл постоянно просачивались гитлеровские автоматчики, переодетые в красноармейскую форму немецкие солдаты. На деревьях и в укрытиях хоронились вражеские снайперы. Все это делалось для того, чтобы поднять панику в наших боевых порядках, дезорганизовать бойцов.

В эти трудные дни тяжело заболел командарм 2-й Ударной — генерал-лейтенант Клыков. По указанию Ставки 16 апреля он был вывезен самолетом в тыл. Командование армией принял генерал-лейтенант Власов.

Кто мог в то время подумать о том, что он окажется изменником и предателем?..

Мне доводилось бывать в тех местах, где Власов ушел к врагу. Произошло это близ речки Глушицы, в районе села Спасская Полисть, во время вывода Власова из окружения. Выводила его специальная команда охраны, присланная Ставкой. Неожиданно Власов по настилу стал уходить влево, в сторону противника. Было слышно, как его окликнули немцы: «Герр, генерал!..»

Он махнул рукой. По-видимому, это был условный сигнал. Власов продолжал уходить к вражеским позициям.

Один из командиров охраны крикнул: «Куда же вы, Андрей Андреевич, товарищ генерал?» Но Власов даже не оглянулся.

Часть охраны остановилась, другая по-

шла за ним. Стало ясно, что командарм уходит в расположение противника. Один из бойцов охраны взял Власова на прицел, но выстрелить не успел. Стоявший рядом сержант вырвал у него винтовку из рук со словами: «В кого, дурак, собрался стрелять? Ведь это командующий армией. Тебя расстреляют и нас не помилуют». Но кто-то из охраны, видя, что генерал уходит, выстрелил в него. Власов вздрогнул, дернулся и повалился на землю. В это время немцы открыли убийственный огонь по нашим позициям, и всем пришлось отходить.

Позже, уже находясь в эвакогоспитале 2036 в городе Рыбинске, от одного из раненых я узнал, что Власов, к сожалению, не был убит и сдался в плен, а часть охраны, ушедшая с ним, по его же просьбе была уничтожена.

Своим предательством Власов нанес армии ощутимый удар. К тому же незадолго до своего бегства он приказал взорвать все радиоустановки, оставив таким образом армию без средств связи. Не надо быть военным, чтобы понять, что это означало в условиях вражеского окружения. Но и в этой ситуации Вторая ударная армия продолжала сражаться, углубившись в тылы фашистов на 90 километров.

Вновь пробитый частями армии коридор продолжал действовать до 2 июня 1942 года. И все это время, под постоянным обстрелом, через него осуществлялось снабжение армии самым необходимым, тем, что можно было доставить в тех тяжелейших условиях. Через этот проход эвакуировали также больных и раненых бойцов и командиров. Только за две недели было выведено из окружения около 8 тысяч человек. Военный Совет фронта принял решение о прокладке узкоколейки. Благо, кое-что для этого имелось на старых лесозаготовках, а именно: мотовозы, платформы, рельсы и т. д.

В конце мая ставка, обеспокоенная большими потерями в живой силе и технике, а также невозможностью подкрепить армию достаточными резервами, приняла решение об ее отводе. Однако немцы тоже, как говорится, не дремали. 2 июня коридор был закрыт противником, закрыт наглухо. 10 дней не прекращались горячие бои за овладение горловиной прорыва. Наконец, узкий проход снова был пробит, и в течение четырех дней части армии выходили из окружения. Затем противнику удалось в третий раз закрыть коридор.

Однако вывод наших частей продолжался. Выходили организованно, группами — кто как мог. К первому июня с боем прорвались к своим около двух тысяч человек. Они вышли в расположение войск 59-й армии.

Полное господство немцев в воздухе не давало возможности наладить нормальное снабжение армии всем необходимым. Весенняя оттепель сделала дороги непроезжими. В последние дни и недели мая доставка продовольствия и боеприпасов совсем прекратилась. Лишь отдельные группы бойцов несли на себе мешки с сухарями и патронами. Чтобы хоть как-то выжить, бойцы варили суп из конской сбруи и шлей, из шкур ранее забитых лошадей; собирали на болотах клюкву, рискуя провалиться в трясину. Ели липовый лист, пили березовый и хвойный настои.

Из-за отсутствия боеприпасов часть боевой техники пришлось закапывать в землю, часть — уничтожить.

Вот в таких невероятно тяжелых условиях вели сражение с превосходствующими силами врага бойцы 2-й ударной. Насмерть стояли на своих позициях 374-я стрелковая дивизия под командованием полковника А. Д. Витошкина, прибывшая ранее из-под Красноярска. Фашисты при поддержке танков пытались сбросить сибиряков с удерживаемого плацдарма. Солдаты Витошкина были еще необстрелянными, однако они отбили все атаки, а танки уничтожили.

Нельзя думать, что выход из окружения был легким, но это не было бегством. Армия вела жестокие бои с наседавшим со всех сторон противником и наносила ему огромные потери. Бойцы упорно продвигались через огненный коридор, и если немцы его закрывали, то снова и снова прорывали кольцо блокады, находили другие возможные пути выхода из окружения. При этом несли на себе раненых, не бросали оружия, предпочитая гибель позорному плену. Многие оставляли последний патрон для себя. Застрелился окруженный гитлеровцами член Военного Совета армии, дивизионный комиссар И. В. Зуев, не желая подвергать дополнительному риску товарищей покончил с собой тяжелораненый начальник Особого отдела А. Г. Шашков. Погибли, ведя своих солдат сквозь стену огня, комдивы С. И. Буланов и Ф. Е. Черный. Начальник связи генерал А. В. Афанасьев сумел с бойцами пробиться к партизанам. А руководитель армейской разведки А. С. Рогов вышел из окружения в районе узкоколейки. Кстати, и меня также вывозили с простреленной грудью и левой рукой по этой узкоколейке на грузовой платформе.

Нередки были случаи героического самопожертвования советских воинов. Так, раненые одного из медсанбатов добровольно пошли через заминированное поле, чтобы проделать проход для тех, кто еще мог носить оружие и принимать участие в боях с врагом.

Вместе с бойцами все тяготы окружения перенесли и медицинские работники — военврачи, медсестры, санитары. Верные воинскому и профессиональному долгу они не оставляли без помощи больных и раненых, даже если сами могли выйти из окружения. И умирали вместе с ними. Так погибли медсестры Тася Чернышева и Вера Куликова, военврачи Гинзбург, Стаканова и ряд других медработников. Всех не упомнишь.

Около небольшого хуторка, название которого уже стерлось из памяти, находилась редакция армейской газеты «Отвага». Я часто бывал здесь. Газета выходила до последнего дня окружения и немедленно доставлялась в части, к сражавшимся бойцам. В редакции работал известный татарский поэт Муса Джалиль. К сожалению, он и часть сотрудников газеты попали в плен и были увезены в Германию. Позже стало известно, что Муса Джалиль

погиб в застенках Маобитской тюрьмы.

Гибли люди. Гибла и военная техника. И не только от снарядов и вражеских бомб. В местах, где находился штаб армии, шли особенно напряженные бои. Здесь был уничтожен 30-й полк гвардейских минометов—«Катюш». Расчеты минометных установок, выстрелив по врагу последние ракеты, взорвали их, не оставив врагу ни одной. Командир полка И. Д. Соболь с группой бойцов прорвался через заминированный участок у края Замошинских болот и вышел из окружения.

Трагическое событие произошло 23 июня в районе Дровяного поля, где располагался командный пункт армии. В роковой день все офицеры штаба и члены Верховного Совета попытались организованно выйти в расположение 52-й армии. Не дойдя до речки Полисть, одна из колонн сбилась с пути и натолкнулась на дзоты противника. Почти все офицеры погибли, лишь немногие пробились к своим. Второй группе также не удалось выйти из окружения и она была вся уничтожена врагом.

В лесах, среди болот Мясного Бора, вдоль дороги Новгород — Ленинград тянутся вереницы братских могил. На обелисках — название частей, входивших в состав Второй ударной армии. Надписи поражают своей трагичностью. На мемориальном обелиске 24-й гвардейской дивизии начертано всего несколько фамилий, а ниже: «Здесь же покоятся еще 1366 человек». И таких могил, братских и одиночных, десятки и сотни. Мы, по-видимому, уже никогда не узнаем об этих солдатах и командирах, легших в сырую волховскую землю безымянными, но память о них должна храниться свято.

В местностях Теремец, Коровий Ручей, Новая Кересть, Ольховка, Мостки, Спасская Полисть, Финев Луг, где шли упорные и жестокие бои, остались также и фашистские могилы, украшенные березовыми крестами. Их тоже немало, и размеры довольно внушительны: по 300-400 метров в длину и столько же в ширину. Такой вот бесславный конец нашли захватчики в стране, которую пытались завоевать.

Об ожесточенности тех боев можно судить по местам сражений. У меня и сейчас перед глазами развороченная и истерзанная снарядами и авиабомбами земля, разрушенные блиндажи и землянки, затопленные водой воронки от взрывов, погрязшая в болотах военная техника, а вокруг — трупы вражеских солдат. Своих старались по возможности хоронить...

С той поры прошло почти 50 лет, но до сих пор в голову лезут воспоминания о тех тяжелых днях, о погибших фронтовых друзьях и товарищах. Не забыл и не смогу забыть, как буквально за 20-30 минут до моего ранения был убит мой старший товарищ белорус Михаил Синилов, опекавший меня как родного брата или сына, делившийся со мной всем тем, что можно было достать в условиях окружения. Также в моем присутствии погиб случайно встреченный земляк, старший техник-лейтенант Соломон Дворкин, с которым я учился в одной школе.

Даже сейчас, на склоне лет, тяжело вспоминать события тех дней, горькую и трагическую судьбу Второй ударной армии.

После выхода из окружения обновленная свежими силами Вторая ударная в августе-сентябре 1942 года нанесла серьезное поражение 11-й армии Манштейна, которую Гитлер перебросил из Крыма для новой попытки захвата Ленинграда. В январе 1943 года Вторая ударная армия приняла участие в прорыве блокады города на Неве, а с начала 1944-го — громила фашистов в Эстонии и Польше и закончила войну в составе войск 2-го Белорусского фронта на севере Германии в городе Штральзунде. Но это уже другая история. Пусть о ней расскажут непосредственные ее участники.

А. АЛИНСКИЙ,
бывший военный водитель,
инвалид Великой Отечественной войны.

ПРОШЛОЕ ОБЯЗЫВАЕТ

О БУРЯТСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВИДАХ СПОРТА

Каждый народ в зависимости от своих социально-экономических условий развития вырабатывал определенные виды отдельных физических упражнений и игр, которые впоследствии составляли средства народной системы физического воспитания.

Буряты также имели самобытные физические упражнения и игры состязательного характера. Их количество достигло почти 40 названий. Поэтому утверждение К. Логиновского, исследователя Забайкалья 2-й половины XIX столетия, что «самобытных игр у забайкальских буряг мало, да и те незамысловаты и просты», неверно отражает действительность.

Опубликованные в годы Советской власти материалы по истории, этнографии бурятского народа показывают обратное. Кроме того имеется достаточно рукописного материала, убедительно доказывающего наличие у бурят различных самобытных игр и физических упражнений, которые служили хорошей формой физического развития и воспитания молодежи.

Но наиболее популярными издавна считаются стрельба из лука, бухэ барилдаан, конные скачки. Бурятский исследователь-этнограф М. Н. Хангалов еще в своей ранней работе «Национальный праздник у бурят» правильно отметил, что «Сурхарбан» — это пережиток от Зэгэтэ-аба, периода коллективной охоты буряг на зверей». И действительно, по мере развития общества, стрельба из лука, бухэ барилдаан (борьба), конные скачки, другие виды игр и упражнений выделились в самостоятельное общественное мероприятие под названием «сурхарбан», носящим спортивно-состязательный характер.

В сурхарбане, что и соответствует само-

му названию, основное место отводилось тогда стрельбе из лука. Как видно из многих источников исторического, фольклорного характера, в прежние времена стрельбой из лука занималось чуть ли не все мужское население.

«...До этого и даже в настоящее время,— пишет Т. Тобоев в своей летописи,— хоринские буряты (одно из крупнейших племен) постоянно заставляли полностью все мужское население в возрасте свыше 13-14 лет изготовить луки и устраивали состязания, начиная с малого возраста в стрельбе в цель и в стрельбе с коня». Такая массовость способствовала выявлению и росту отличных лучников.

У бурят, как и у монголов, стрельба из лука и искусный стрелок пользовались большим почетом, об этом говорят исторические материалы, в частности, надпись, раскрытая Н. Клюкиным на так называемом «чингисовом камне». Смысл надписи таков: «Когда Чингис-хан, по возвращении с захвата власти сартагулов (покорение Бухары после семилетней войны) всех нойонов народа монгол поставил на состязание в стрельбе, то Исунхэ (внук Чингис-хана) на 335 маховых сажен расстояния выстрелил из лука».

Для того, чтобы сравнить, хорошо ли стрелял Исунхэ, можно привести еще один факт. В работе Э. Р. Штерна «Новый эпиграфический материал, найденный на юге России» указывается о надписи на камне, обнаруженной в черте старой Аккерманской крепости, посвященной памяти замечательного выстрела из лука, произведенного ольвийским гражданином, на чисто греческом состязании в стрельбе из лука. Он выстрелил и попал в цель на расстоянии 1692 футов, т. е. приблизительно в 241 сажен. И если маховую сажень (монгольский «алдан») примем за 6 футов, то 335 алданов выстрела Исунхэ в среднем дадут около 2100 футов, т. е. верных 300 сажен. Следовательно, произведенный выстрел Исунхэ оказывается самым лучшим для тех времен.

Со временем, в зависимости от исторических, социально-бытовых и климатических условий, стрельба из лука и борьба у бурят приняли различный характер. Так, например, у агинских бурят праздник стрельбы назывался — сурхарбан, мишенью являлись цилиндрической формы подушечки размером 10-20 см. Подушечки обычно обтягивались кожей и раскрашивались в яркие тона. Они расставлялись на зурахае, т. е. площадке. А площадки обозначались из двух параллельных канавок, сделанных на земле в 4 метрах одна от другой. Канавки имели отвесные края.

У бичурских, кяхтинских, селенгинских бурят существовал байхарбан, где целью и мишенью являлись квадраты шириною и длиною в один лук, земляной вал. Сначала в землю вбивается 3 кола высотой примерно в длину лука, колья располагаются в один ряд буквой Ш, пространство между кольями заполняется пластами земли (преимущественно дерном) высотою на один лук, а пласты дерна бывают шириной 20-30 см. Затем на оставшиеся свободные концы кольев насаживают пласты земли (дерна) треугольной формы по одному на каждый. Посередине байя на обоих ее широких поверхностях (стрельбы проводятся с двух сторон), поближе к верхнему краю прикрепляются небольшие 3-4 вершка, кусок березы или бумаги. Этот квадратик, называемый ялаца, считался самым желательным для попадания.

Если ориентироваться по современной стрелковой мишени с десятью кругами, то ялаца соответствует десятке. У предбайкальских (боханских, эхирит-булагатских) бурят существовали праздники стрельб — хурхарбаха, где мишенью являлись — хуры, представляемые в виде небольших палок типа городков, обмотанными тонкими кожаными ремнями, а иногда соломой, и они втыкались в землю. Также существовали у бурят стрельбы из лука в булэн, тунху и т. д.

Буряты пользовались сложными роговыми луками. Основные материалы, которые применяются в изготовлении бурятских луков — береза, рога лося, изюбра, а также хайнаков и других пород домашнего крупного рогатого скота, сухожилия диких зверей или же лошадей, конская кожа, осетровый клей и т. д.

Бурятский лук обладает высокими спортивными качествами. Он имеет большую силу и упругость. Такая упругость и сила придается ему за счет того, что в процессе изготовления с внутренней стороны березового остова прикрепляются роговые властики, а на наружной части в несколько рядов наклеиваются сухожилия. Чем толще наклеиваются сухожилия, тем сильнее становится лук и наоборот. Бурятский лук может выбрасывать стрелу на расстояние до 300-350 метров.

Сурхарбаны проводились как праздник с большим количеством участников, обычно в теплое время года.

Но уже в последние десятилетия XIX века во многих местах как Предбайкалья, так и Забайкалья сурхарбаны проводились все реже и реже. В отдельных местах даже начала забываться некогда пользовавшаяся популярностью стрельба из лука, интереснейший, древний вид спорта. В те годы сурхарбан и другие виды народных игр не имели научно-методической направленности, не носили организованного характера.

После Октябрьской социалистической революции стрельба из лука, бухэ барилдаан и конные скачки получили общественное признание и, следовательно, реальные возможности развития. Были приняты меры к унифицированию правил, упорядочению спортивной классификации и популяризации их среди населения.

В 1922 году на объединенной конференции Бурят-Монгольской автономной области РСФСР и ДВР обсуждались вопросы необходимости возрождения народных игр и состязаний, таких, как стрельба из лука, бухэ барилдаан, конные скачки и т. д.

В документах конференции было высказано предложение о всемерной поддержке и массовом развитии этих видов спорта, о системе мер, способствующих их оживлению. В те годы в аймаках и улусах стали проводиться массовые состязания по стрельбе из лука, бурятской борьбе и конным скачкам. Так, например, в 1924 году

была организована товарищеская встреча между иволгинскими и селенгинскими бурятами по стрельбе из лука. Проходила она в Баянголе. С обеих сторон было выставлено 300 лучников. Соревнования продолжались 7 дней. Победителями вышли иволгинцы, но в личном первенстве лучшим был селенгинец Л. Базаров из Убукуна.

Вплоть до 30-х годов подобные встречи проводились ежегодно с участием сотен лучших стрелков. В те годы хорошими мэргэнами считались Б. Доржиев, Д. Мункоев, Г. Жапов, Б. Очиров, Л. Базаров и другие.

Начиная с 1924 года, сурхарбаны стали проводиться ежегодно. 1-й республиканский сурхарбан, прошедший в 1924 году в день первой годовщины провозглашения республики, впервые в истории бурятского народа собрал участников со всех концов республики и превратился в общенациональный спортивный праздник. В его программу входили: стрельба из лука, бухэ барилдаан, конные скачки, а также некоторые классические виды спорта, которые к тому времени получили развитие в Бурятии. С тех пор сурхарбаны стали проводиться повсеместно. В новых условиях сурхарбан не только получил возможность развития, но и обогатился новым содержанием. Он стал богаче, краше и проходил под знаком мобилизации трудящихся на новые трудовые успехи.

Прежде всего сурхарбан приобрел социальную политическую направленность: стал одной из форм антирелигиозной пропаганды, отвлечения массы молодежи от религиозных молебен. Во-вторых, сурхарбан стал проходить и как праздник трудовой славы, где подводились итоги производственной деятельности колхозов, трудовых коллективов. В-третьих, на современном сурхарбане наряду с традиционными видами спорта (стрельба из лука, бухэ барилдаан и конные скачки), проводятся состязания и по некоторым классическим видам спорта (легкая атлетика, волейбол, футбол и др). В-четвертых, спортивный праздник сурхарбан стал подлинно интернациональным праздником. Среди участников состязания или болельщиков можно видеть наряду с бурятами русских, украинцев и т. д.

В основу ныне действующих правил стрельбы из лука положены принципы сурхарбана, бытовавшего до революции в Забайкалье. Мишенями являются те же самые суры, но их количество постоянно—19 штук. Они все пронумерованы: центровая имеет номер 10, а остальные суры парные с нумерациями — 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1. Мишень с нумерацией 10 становится в середине, остальные по обе стороны на одной линии.

В настоящее время стрельба ведется с двух дистанций — 40 и 50 метров, стрелку дается 24 стрелы.

Не меньшей популярностью на сурхарбанах пользовалась бухэ барилдаан. Борьба у бурят, как и стрельба из лука, является таким же древним видом спорта. В отличие от стрельбы борьба носила в основном одиночный характер. Имеющиеся некоторые различия, в частности, применение кушака у забайкальских бурят, не сменяли общего принципа, характера борьбы.

Как в старые времена бухэ барилдаан в довоенные годы проводилась без разделения на весовые категории, кроме того схватки обычно велись без рубашек и обуви. Побежденным считался борец, первым коснувшийся земли туловищем, рукой или коленом. Во время схваток присутствующие бурно реагировали на каждый удачный прием, каждая сторона «болела» за своего, раздавались возгласы одобрения и распевались песни сол (слава).

По мере развития борьбы правила совершенствовались, в них вносились отдельные изменения и дополнения. Первые письменные правила, утвержденные в 1951 году, устанавливали проведение борьбы с раздельным зачетом и по группе юношей, а также предусматривали установление 2-х весовых категорий — «тяжелой» и «легкой».

В 1956 году в правилах по бурятской борьбе и стрельбе из лука вновь были внесены отдельные изменения и дополнения, разработаны соответствующие спортивные классификации.

Все эти изменения и дополнения были продиктованы жизнью и способствовали дальнейшему росту спортивного мастерства стрелков из лука и борцов, оказали определенное влияние на приобщение бурятской молодежи к классическим видам спорта.

Исторический опыт развития социалистических наций показывает, что национальные формы культуры не окостеневают, а видоизменяются, совершенствуются, освобождаясь от всего устарелого, противоречащего новым условиям жизни.

Физическая культура и спорт, как одна из форм культуры народов, вместе с изменением условий жизни и быта народов должна также совершенствоваться, обогащаться более прогрессивным, лучшим, что создано другими народами. Об этом закономерном процессе в программе КПСС сказано: «...культурная сокровищница каждой нации все больше обогащается творениями, приобретающими интернациональный характер». С каждым годом стрельба из лука и бурятская борьба становятся все более массовыми, в последние годы этими видами спорта стала гораздо активнее заниматься молодежь.

С 1957 года министерство просвещения республики ежегодно проводит первенство среди учащихся школ, а комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров Бурятской АССР впервые организовал в том же году матчевую встречу по национальным видам спорта между спортсменами Агинского и Усть-Ордынского бурятских национальных округов и Бурятской АССР, которая впоследствии стала традиционной и оказала большое влияние на дальнейший рост мастерства ведущих спортсменов республики. С 1960 года по инициативе Всероссийской федерации по национальным видам спорта проводится спартакиада народов Сибири с участием сборных команд Якутской, Тувинской и Бурятской АССР, Хакасской области, Усть-Ордынского, Агинского на-

циональных округов. Наши спортсмены на этих соревнованиях неизменно занимают призовые места.

Всемерное развитие стрельбы из лука, бухэ барилдаан в годы Советской власти имело важное значение еще и в плане постепенного приобщения молодежи к некоторым современным видам спорта, близким по характеру и содержанию к национальным. В первую очередь это спортивная стрельба из лука, вольная борьба и борьба самбо, а также классическая борьба.

Впервые советская спортивная общественность познакомилась со спортивной стрельбой из лука в дни Московского всемирного фестиваля молодежи в 1957 году, когда по программе дружеских игр проводились интереснейшие соревнования по этому виду спорта. А в 1963 году наши лучники во главе с Д. Эрдынеевым уже смогли принять участие в первом личном первенстве СССР, который проходил в городе Таллине.

С тех пор прошло 27 лет. Многое изменилось. Спортивная стрельба ныне стала в республике одним из опорных и популярных видов спорта. За это время в республике подготовлено 7 мастеров спорта международного класса, около 130 мастеров спорта. Сборная команда Бурятии неоднократно в разные годы была сильнейшей в России, наши лучшие мэргены в составе сборной команды РСФСР неоднократно успешно выступали в чемпионатах страны и финальных соревнованиях Спартакиады народов СССР. Б. Цыбиков и В. Дарханов завоевывали высокое звание чемпионов Всесоюзных спартакиад. Добивались высоких спортивных результатов Ц. Жамьянданшева, Я. Цыренжапова, А. Бутхаев, Ц. Цыренжапов. Успешно выступали в первые годы и затем немалого добились в качестве тренеров мастер спорта Д. Эрдынеев, В. Гуров, Б. Бальжинов, А. Гармаев, Г. Эрдынеева и другие.

Сегодня республика располагает такими известными, плодотворно работающими специалистами, как Ц. Будаев, В. Игумнов, В. Абрамов, Е. Попов, Б. Шойжилцыренов, В. Яковлев, В. Базарова, Н. Хазагаев, А. Хамнагатаев и другие.

4-й год работает при Бурятском областном совете «Динамо» центр олимпийской подготовки по стрельбе из лука. В качестве старшего тренера приглашен один из сильнейших специалистов, заслуженный тренер СССР М. Дабаев. В республике сформировались определенные традиции, создана благоприятная морально-психологическая атмосфера для успешного развития этого вида спорта.

В такой же мере опыт проведения соревнования по бух» барилдаан оказал мощный импульс в развитии вольной борьбы в республике. Как правило, победители сурхарбанов в первые годы становились чемпионами или призерами крупнейших турниров по вольной борьбе. Уже в 1964 году наш прославленный батор по бурятской борьбе Н. Ивахинов становится чемпионом Сибири и Дальнего Востока, появились первые мастера спорта — Н. Ивахинов, В. Гармаев.

В том же году наши борцы завоевали I-е командное место среди сельских борцов России. Через год Н. Ивахинов стал чемпионом страны среди сельских спортсменов. В 1965 году сборная команда республики по вольной борьбе впервые в зональных соревнованиях Спартакиады народов РСФСР завоевала I-е командное место.

В конце 60 х, в 70-х годах такие известные мастера бурятской борьбы, как Г. и В. Баймеевы, В. Иванов, Г. Манжуев, Г. Цыренов, О. Алексеев, Б. Дашинамжилов, Б. Цыренгармаев, В. Ринчинов, А. Павлов, М. Елбаскин, Г. и Ф. Махутовы не раз завоевывали высокие спортивные титулы в турнирах и чемпионатах самого высокого ранга.

Об успехах наших борцов этих лет еще раз говорят итоги чемпионата РСФСР, который проходил на стадионе им. 25-летия Бурятской АССР в 1977 году. О напряжении схваток говорит хотя бы такой факт — среди участников находились 152 мастера спорта СССР, более 10 мастеров спорта международного класса и 3 заслуженных мастера спорта. На этих соревнованиях золотые медали завоевали Г. Манжуев и О. Алексеев. Серебряные медали достались А. Цырендоржиеву, Б. Дашинамжилову, Г. Цыренову, В. Мархаеву и И. Гармаеву.

80-е годы приносят еще более убедительные успехи нашим борцам. О. Алексеев становится чемпионом Европы, Б. Будаев в 1979 году завоевывает звание чемпиона мира среди юниоров, а спустя пять лет первым из наших борцов завоевывает звание чемпиона СССР. В 1989 году Борис Будаев становится чемпионом мира.

В развитии бурятских национальных видов спорта достигнуты определенные успехи, но если анализировать их с позиций новых требований, то надо признать, что подлинного расцвета эти глубоко народные виды спорта не получили. К сожалению, пока мы о них вспоминаем при приближении летнего праздника сурхарбан. Кое-как, наспех комплектуются команды, выставляются для получения «зачета». И так ежегодно.

Имеются ли на местах секции лучников или борцов, обеспечены ли они необходимым спортивным инвентарем, спортивными залами, где можно было бы постоянно тренироваться и проводить соревнования, турниры и встречи, как это делается по другим современным видам спорта, культивируемым в республике? На многие из этих вопросов вряд ли можно дать положительный ответ. Что это — дискриминация, недооценка, непонимание роли и места национальных видов спорта, игр, упражнений?

В платформе ЦК КПСС «Национальная политика партии в современных условиях», принятой на сентябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК, уделяется большое внимание вопросам развития национальных культур, языка, традиций... Ситуация требует и того, чтобы вновь возвратиться к проблеме более продуманного, бережного, уважительного отношения к своему прошлому.

В данное время при разработке и освещении проблем, связанных с возрождением национальных игр и физических упраж-

ний, необходимо решительно взять на вооружение все прогрессивное, лучшее, которое найдет благодатную почву для хороших всходов в народе.

К примеру, игры в тагай (существует 5 разновидностей: «хонгордоолго», «таалсангги», «хаялга», «шагай няhалалга», «шагай харбалга»), могут получить повсеместное массовое развитие.

Разве плохо иметь в красном уголке фермы, чабанского гурта набор разноцветных лодыжек численностью 50-60 штук. Ведь правила игры очень просты, они доступны для всех. Да еще между фермами, отарами в зимний период проводить, приурочив к сагалгану, различные турниры, соревнования с призами в честь какого-то знатного земляка. Эти мероприятия быстро обретут популярность, ибо в игре есть что-то свое, родное для каждого бурята.

Обращение к прошлому, народным обычаям, традициям должно жить не только в песнях и танцах, не только в живописи, но и в спортивных играх и физических упражнениях. Забвение исконно народных упражнений и игр, — это, по крайней мере, неуважение к прошлому своего народа, его культуре.

За десятилетия возобладания командно-административных методов в практике нашей жизни, особенно в вопросах национальной политики, понесла утраты прежде всего культура бурятского народа. Болезненные процессы произошли и в области физической культуры и спорта. Сегодня от слов, деклараций о том, что надо развивать национальные виды спорта, нужно решительно перейти к конкретным практическим делам, обеспечивающим поистине широкое развитие исконно народных видов спорта.

Необходимо значительно увеличить количество соревнований. Наряду с традиционными летними первенствами проводить соревнования и турниры в зимнее время в честь знатных земляков — Героев Советского Союза, Героев Социалистического Труда, каваперов орденов Ленина, Славы и т. д. По линии спорткомитетов, Министерства народного образования и отделов народного образования на местах, республиканского совета ВДСО профсоюзов должна быть разработана обязательная для всех система проведения соревнований на каждый год.

При составлении положений республиканских соревнований надо учитывать прежде всего интересы сельских спортсменов. Они не могут на равных соперничать с мастерами спорта (которые по сути являются полупрофессионалами), представляющими городские спортклубы, спортивные организации. Этот фактор в последние годы резко снизил количество сельских спортсменов, особенно среднего поколения, участвующих в республиканских сурхарбанах. Существует расхожее мнение, что, мол, ездить в город, чтобы «позориться», незачем. Тебя свалит кто-то из юных мастеров... и возвращайся...

В целях повышения спортивного мастерства наиболее способной молодежи надо открыть в существующих районных ДЮСШ отделения по стрельбе из лука, буха бариддаан. Эти секции желательно открывать при тех же ДЮСШ, где имеются секции по спортивной стрельбе из лука и вольной борьбе.

Вопросы массового развития данных видов спорта требуют решения проблемы подготовки грамотных специалистов. Что касается тренеров-общественников для обеспечения работы секций в низовых коллективах физкультуры, то можно было бы ежегодно практиковать проведение республиканских краткосрочных семинаров. А для подготовки квалифицированных кадров надо решить вопрос об открытии при факультете физического воспитания БГПИ спортивную специализацию «народные виды спорта» (бурятская борьба и стрельба из лука). И, возможно, дополнить и расширить институтский учебный план и учебную программу по национальным видам спорта и дать возможность студентам вложить умения и способности в конкретное дело по развитию национальных видов спорта.

Определенное значение приобретает эстетическая сторона проводимых сурхарбанов, обогащение их ритуала, системы церемониала состязаний и т. д.

Все это требует поиска вариантов музыкального сопровождения и оформления праздника, чтобы сделать его более эмоциональным, насыщенным и красивым.

Пожалуй, самым сложным тормозом в развитии национальных видов спорта является отсутствие спортивного инвентаря и прежде всего луков и стрел. Бурятские роговые луки и стрелы по существу становятся музейной редкостью, их производство в связи со сложностью технологического процесса изготовления не налажено и, возможно, сегодня уже не станут возвращаться к нему.

Очевидно, сегодня для нас не имеет значения, какой будет лук — роговой, металлический, стеклопластиковый или еще из какого-нибудь ультрасовременного материала. Важно, что вид спорта — стрельба из лука — должен стать доступным сотням и тысячам желающих.

В настоящее время производство и металлических и стеклопластиковых луков налажено не только за рубежом, но и в нашей стране. Однако не у нас, где все-таки занимаются спортивной стрельбой из лука по официальным данным 5 тыс. человек, а в западных областях, городах европейской части страны, где этим видам спорта занимаются буквально десятки человек, и где стрельба из лука является чисто спортивным делом, необходимым для получения «зачета» в официальных соревнованиях. У нас же стрельба из лука преследует не только сугубо спортивные цели, но и другие, более широкие. Люди среднего и старшего поколения, участвуя в стрельбах, получают нечто большее, чем «разминка» для тела. Это чувство соприкосновения с прошлым, с народным...

Сегодня наши спортивные секции сталкиваются с большими трудностями, каждый каким-то образом заказывает некоторое количество луков и стрел. Цена одного лука достигает 160 рублей. Руководство республики пока приобретает для сборной команды некоторое количество импортных японских луков и стрел (без них наши

лучники сидели бы, что называется, на мели). Но стоимость одного импортного лука достигает 5 тыс. рублей. Так что «кусаются» цены, и здорово. Вряд ли в таких условиях можно превратить этот вид спорта в массовый.

Мы в состоянии организовать производство луков на базе наших предприятий. Ведь еще в первые годы пуска в эксплуатацию Улан-Удэнского завода художественных изделий и сувениров в принципе был решен вопрос о производстве стеклопластиковых луков. Но дело не довели до логического завершения.

В последующие годы и даже в прошлом году был готов взяться за это дело авиационный завод (металлических лук). Все как будто «за»... Но воз, как говорится, и поныне там... Дело это, конечно, не простое, хлопотное. Надо что-то доставать, добиваться, договариваться.

Но его все же необходимо решить. Можно было бы сравнительно недорогими металлическими луками (27-30 руб.) обеспечить в первую очередь школы, СПТУ, училища Министерства народного образования, а затем остальные коллективы. Через какое-то время, когда мы удовлетворим материальной частью стрельбу из лука, бухэ барилдаан надо бы включить в учебный план и программу уроков физической культуры школ, как один из обязательных предметов. Разумеется, эти же предметы (спортивные дисциплины) станут обязательными для секционных, кружковых занятий учеников во второй половине дня.

В Бурятии имеются все возможности сделать стрельбу из лука и бухэ барилдаан по-настоящему массовыми видами спорта. И через них все увереннее входить в большой спорт — в спортивную стрельбу из лука, вольную борьбу, самбо. Опыт прошедших десятилетий параллельного развития национальных и современных видов спорта укрепляет наши убеждения в том, что это путь одновременно правильный и наш вклад в большой спорт будет более весомым.

Б. САНДАНОВ,
кандидат педагогических наук,
С. ГОМБОЖАПОВА,
засл. мастер спорта СССР.

НЕЗВАНАЯ ГОСТЬЯ БАЙКАЛА

Со времени появления первых сообщений о проникновении элодеи канадской в озеро Байкал прошло более десяти лет. За этот период накопилась информация, небезынтересная, на наш взгляд, и для читателей «Байкала». Обратим внимание на такие вопросы: откуда появилась элодея в Байкале, как распространилась по озеру и какое влияние оказала на биоценозы прибрежно-соровой системы.

Как известно, из сугубо североамериканского водного растения элодея, благодаря своей экологической пластичности и не без помощи человека (как преднамеренной, так и случайной), превратилась в космополита. Ее вполне можно отнести и к растениям — антропофитам, т. е. сопровождающим человека.

Возможно, широкое распространение «зеленого странника» по земному шару было бы и не замечено, если бы не экспансивный характер элодеи. Это растение способно, при наличии благоприятных условий, в короткий срок дать вспышку в развитии, приводящую к полному зарастанию водоемов. При этом изменяется их биологический режим, зачастую в сторону ухудшения. Известны случаи, когда элодея препятствовала судоходству, выводила из рыбохозяйственного оборота частично или полностью отдельные водоемы. Из-за таких «особенностей» она и получила названия: водяная зараза, водяная чума, растительная «бомба».

Свое победное шествие по водоемам европейского континента элодея начала в первой половине 19 века. Считают, что ее завезли с канадским лесом в Англию. С тех пор элодея расселилась по всей Европе и начала завоевывать азиатский континент. В умеренных широтах Евразии восточная граница искусственного ареала элодеи проходила до недавнего времени по Западной Сибири. Что касается Восточной Сибири, то в капитальной сводке М. Г. Попова «Флора Средней Сибири» (1957—1959 гг.) она еще не отмечена. Но вот в 1972 г. на Ангаре, ниже плотины Иркутской ГЭС, ее находит известный знаток водных растений М. Д. Махлин (г. Ленинград). Чуть позднее элодея попадает в поле зрения сибирских ботаников — в 1975 г. она найдена В. Н. Паутовой в заливах верхней части Иркутского водохранилища и этим же автором встречена в Енисее у Красноярска. Все последующие сборы элодеи в Восточной Сибири (до 1980 г.) связаны с Иркутским водохранилищем и озерами в окрестностях Иркутска. Наконец, в июне 1980 г., совершенно неожиданно, элодея была найдена нами на Селенгинском мелководье Байкала у протоки Шаманка, а в декабре того же года в Посольском соре — мелководном заливе Байкала. В дальнейшие годы многочисленные траления на научно-исследовательском судне «Ихтиолог» показали, что элодея проникла и в другие районы озера-моря.

На сегодняшний день она широко встречена в Малом море. Выявлена у причалов Лимнологического института (с. Листвянка Иркутской области), где произрастает в их внутренней акватории. На Селенгинском мелководье район обитания элодеи на юге ограничивается рыбпунктом Поворот, а на севере — мысом Облом. Сплошная стена элодеи в центральных протоках дельты Селенги, кроме судоходных, и в дельтовых озерах (в пределах одного километра от уреза Байкала вверх по реке). По опросным данным, появилась и распространяется элодея в Истокском соре. Нами в 1984 г. элодея зарегистрирована

на северном Байкале в предустьевых участках рек Верхняя Ангара и Кичера, в 1985 г. в заливе Провал, а в 1988 г. в Чивыркуйском заливе (бухта Змеиная). Появилась элодея и в озере Котокель, где ее впервые обнаружили сотрудники лаборатории гидробиологии института «Востсибрыбниипроект» в 1986 г.

Новые данные позволяют пересмотреть вопрос о путях проникновения элодеи в Байкал. Наша версия о расселении ее аквариумистами Улан-Удэ, по Селенге не подтвердилась. Наиболее вероятным представляется проникновение элодеи в Байкал из Иркутского водохранилища посредством судов. Очевидно, из Иркутского водохранилища она попала в порт Листвянку и уже отсюда была завезена в Посольский сор, Малое море и на северный Байкал — места частых заходов и стоянок судов. Весьма вероятно, что способствовали ее распространению течения и ветра. В целом картина расселения элодеи по Байкалу как будто ясна, но до сих пор остается открытым вопрос о ее появлении в Иркутском водохранилище. Существует мнение, что завезена она сюда с рыбами-акклиматизантами. По данным бассейнового управления «Байкалрыбвод», за период 1956—1964 гг. в Иркутское водохранилище рыба завозилась из озера Байкал, притоков самого водохранилища, озера Убинского (Новосибирская область) и Амура. Поскольку других интродукций не было и, судя по литературным сведениям, элодея во всех указанных водоемах в то время не отмечалась, версия о возможности ее завоза с рыбами акклиматизантами отпадает. Таким образом, остается в силе наше предположение о проникновении этого растения в Байкал с помощью аквариумистов. Только не Улан-Удэ, а Иркутска. Подобные случаи в истории расселения элодеи известны. Правда, в последнее время появилась еще одна версия. В конце июня 1988 г. Центральное телевидение транслировало встречу В. Г. Распутина со студентами и преподавателями Иркутска. На встрече упоминалось как негативное явление появление элодеи на Байкале. По мнению В. Г. Распутина, элодею для опытов ученые завезли в Коты, откуда она и распространилась по Байкалу.

Характерная черта элодеи: вспышка в развитии через некоторое время сменяется спадом, и тогда она занимает в биоценозе уже подчиненное положение. Для уральских водоемов (озера, водохранилища) срок массового вегетирования элодеи определен в 20—25 лет. Поскольку в водоемы европейской части СССР и Урала элодея попала довольно давно и все сроки массового вегетирования прошли, считается, что агрессивность элодеи в нашей стране спала и проблема эта снята с повестки дня. Однако пример Байкала показывает обратное — нежное водное растение в новых местах обитания в восточном регионе страны способно проявить свой экспансивный характер и даже нанести экономический ущерб. Так случилось, на наш взгляд, с Посольским сором — одним из важнейших рыбопромысловых участков Байкала. В основном здесь добывается сибирская плотва — сорога. Если до появления элодеи годовой вылов рыбы в сору составлял свыше 4 тысяч центнеров, то по мере ее разрастания уловы стали снижаться, и при массовом развитии элодеи в 1981 г. составили всего около 100 центнеров. Вот вам и трава.

В сложившейся ситуации, естественно, возник вопрос борьбы с зарослями в Посольском соре. Но природа сама решила эту проблему. К лету 1984 г. элодея неожиданно исчезла. Связано это с резким ухудшением условий вегетирования элодеи канадской: значительно повысился уровень воды, понизилась температура, возросла мутность воды и, очевидно, снизилось содержание кальция в воде. Последнее на кальцелюбивую элодею могло оказать особенно угнетающее действие.

В развитии элодеи в Посольском соре наступил спад, и экологическая обстановка как будто нормализуется. Но надолго ли? При возникновении благоприятных условий вполне возможен новый взрыв этой зеленой «бомбы», и не только здесь, но и в других районах Байкала. Особенно тревожит положение на озере Котокель: не повторилась бы здесь история Посольского сора. Это обязывает научные организации проводить всестороннее изучение элодеи канадской как нового элемента байкальских биоценозов. Тем более, как выясняется, роль элодеи в системе Байкала неоднозначна. В целом она, конечно, нежелательна, и нужен поиск методов борьбы с ней, приемлемый в условиях Байкала. В то же время работами иркутских гидробиологов (доктор биологических наук О. М. Котова с сотрудниками) у элодеи канадской отмечена способность накапливать в себе вредные вещества, т. е. ее можно использовать в качестве «биофильтра для детоксикации загрязняющих веществ». Интересно, способствует ли элодейный фильтр в дельте очищению сточных вод реки Селенги? Вопросы, вопросы...

Ю. НЕРОНОВ,
С. МАЙСТРЕНКО,
действительные члены Всесоюзного гидробиологического общества Академии наук СССР.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

В 1992 году журнал «Байкал» публикует:

«ЖИЗНЬ БУДДЫ». Жизнеописание человека, который стал зваться своими последователями «Просветленным» или «Пробужденным», принесшего на землю древнее Учение — Дхарму или Буддизм. В подробном и цельном описании феномена Будды, опирающемся на традиции буддистской литературы, много материалов, на русском языке представленных впервые.

Повесть Семена Черепанова «НЕОТЫСКАННОЕ БОГАТСТВО». Автор — казачий офицер, «львенок» кяхтинских балов, лихой наездник, в молодости отчаянный контрабандист, страстный охотник и путешественник в Китай, золотоискатель, позднее признанный сибирский литератор, знакомый декабристов и английских миссионеров.

Рассказ о нем и его повесть представляет вам Эдуард Демин.

Детективную повесть известного американского писателя Рекса Стаута «КРОВЬ РАССКАЖЕТ».

В портфеле журнала исторический роман Сергея Калиниченко «ВОЛЬНАЯ ВОЛЯ» (русские землепроходцы XVII века); Из серии «Литературные памятники» роман Ванчинбалына Инжинаша «ПАЛАТА КРАСНЫХ СЛЕЗ» (Внутренняя Монголия. КНР); Повести и рассказы Геннадия Машкина, Анатолия Байбородина; Стихи Николая Дамдинова, Людмилы Щипахиной, Ростислава Филиппова, Михаила Вишнякова, Цыренжапа Бадмаева.

Как всегда, в журнале будут представлены материалы из истории Забайкалья.